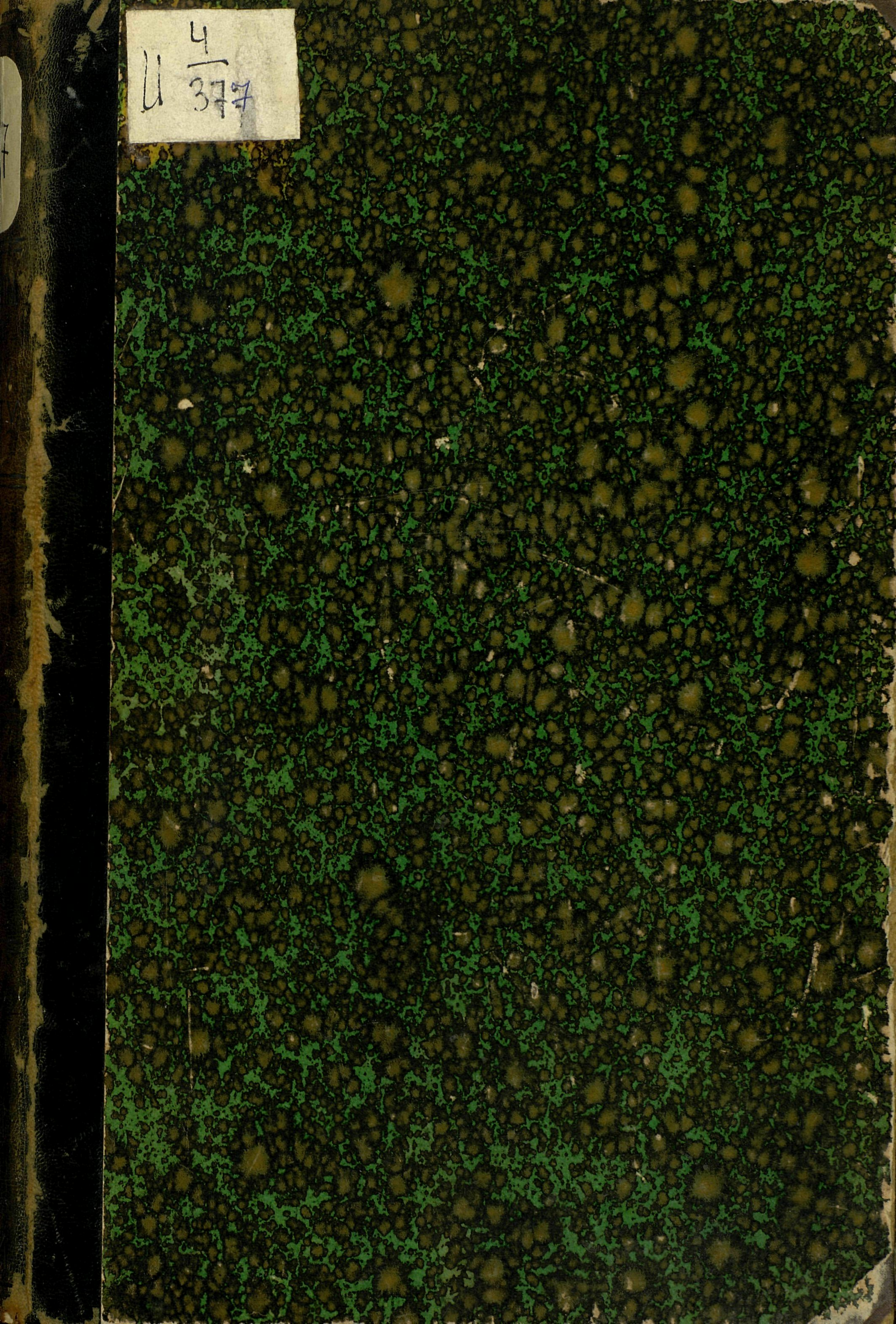


ПОѢЗДКА
ПО ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ
КЪ НЕФТЯНЫМЪ ЕЯ БОГАТСТВАМЪ
НА
РѢКУ УХТУ.

—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Звенигородская, 11.
1908.

Безсоновъ.

ПОѢЗДКА ПО ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ

— КЪ —

НЕФТЯНЫМЪ ЕЯ БОГАТСТВАМЪ

НА РѢКУ УХТУ.

Безсоновъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Звенигородская, 11.
1908.

2007080076

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

Сухона. — Двина. — Тотьма. — Устюгъ.

3-го мая, въ 4 часа дня, наша экспедиція въ составѣ губернатора А. Н. Хвостова, непремѣннаго члена П. В. Ведрова—знатока сѣвера, прожившаго на немъ долгое время, и меня, записавшаго настоящія впечатлѣнія, вынесенныя экспедиціей изъ поѣздки, какъ иниціатора, поднявшаго вопросъ о необходимости общественнымъ силамъ губерніи придти на помощь нарождающимся нефтянымъ промысламъ, отправилась на казенномъ пароходѣ „Вологда“ въ далекій, мало извѣстный, очень интересный и казавшійся намъ такимъ таинственнымъ край, которому вѣроятно предстоитъ съиграть не маловажную роль въ жизни не только нашей губерніи, но и всей Россіи.

Пожеланія, прощанія, напутствія, какъ обыкновенно водится—затѣмъ третій свистокъ, глухо слышныя командныя слова капитана въ трубу изъ рубки, застукала машина и мы, плавно описывая дугу, стали сперва медленно отдѣляться отъ пристани, завернулись, почаще застучали машины, и пристань и провожающіе стали быстро уходить назадъ и дѣлаться все меньше и меньше.

Пароходъ побѣжалъ по рѣкѣ Вологдѣ. Версты двѣ она идетъ по городу, минуетъ его окраины, большое село Турундаево и нѣсколько лежащихъ вблизи деревень и затѣмъ на долгое время течетъ по совершенно безлюднымъ мѣстамъ, въ которыхъ кромѣ покосовъ, озеръ, болотъ и тощихъ лѣсочковъ ничего нѣтъ; берега унылые, низкіе, ровные. Воды много и они во многихъ мѣстахъ совершенно теряются, кое-гдѣ тянется только узенькая полоска земли, по мѣстному выраженію „тетива“, а дальше все залито и водная гладь раскинулась, какъ море, вплоть до синѣющихъ на горизонтѣ лѣсовъ.

Вологда и далѣе Сухона въ этой части своего теченія, протекая совершенно ровными лугами, идутъ почему-то страшно извилисто; бѣлые и красные столбы, разставленные по берегамъ для обозначенія фарватера, бываютъ видны съ парохода въ совершенно невѣроятныхъ

направленіяхъ и, глядя на нихъ, положительно не можешь себя увѣрить, что тамъ течетъ рѣка и что тамъ придется и самому ѣхать; въ солнечную погоду, проходя по здѣшнимъ мѣстамъ, пароходъ такъ изворачивается, что солнце свѣтитъ то справа, то слѣва, то въ лобъ, то въ затылокъ.

Разливъ при впаденіи Вологды въ Сухону.

Погода нельзя сказать, чтобы благопріятствовала началу нашей поѣздки: холодно, вѣтрено и сѣетъ мелкій дождикъ, иногда переходящій въ снѣгъ и крупу. Небо все закутано облаками, но ко времени заката какъ будто начинаетъ прояснивать, облака коегдѣ разорвались и сквозь нихъ проглянуло голубое небо; стало холоднѣе — термометръ показываетъ всего 1° выше нуля.

Какъ разъ на закатѣ мы проходимъ громадные разливы, въ которыхъ слились и Вологда и Рабангская Сухона; безъ конца, насколько глазъ хватаетъ, зыблется и рябитъ водное пространство съ торчащими изъ него залитыми кустами и деревьями и въ этой переливающейся всѣми колерами заката зыби длиннымъ столбомъ искрится и сверкаетъ проглянувшее сквозь разорванныя тучи солнце.

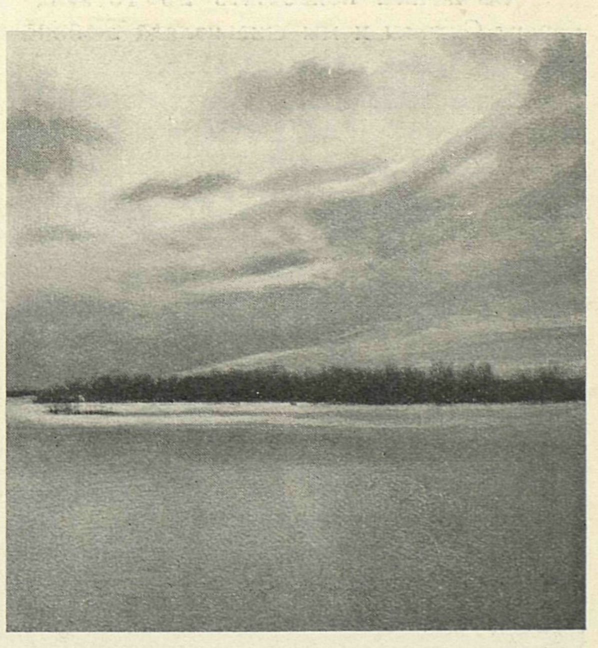
Сліяніе Вологды и Сухоны интересно расположеніемъ тутъ рѣкъ: Сухона въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ по какимъ-то причинамъ очень большую луку и въ эту-то луку и впадаетъ Вологда. Начало и конецъ этой луки отстоятъ другъ отъ друга саженъ на 100, а самая лука длиною въ нѣсколько десятковъ верстъ. Когда-то, идя по Сухонѣ, надо было всю луку эту проѣзжать, теперь же промежутокъ между началомъ и концомъ луки перекопанъ и благодаря этому путь значительно сократился.

Въ народѣ очень распространено преданіе, будто бы однажды Петръ Великій, проѣзжая здѣсь на лодкахъ, утромъ останавливался у начала луки. Вечеромъ того же дня, выйдя для отдыха на берегъ, онъ замѣтилъ невдалекѣ дымящійся еще, не совсѣмъ угасшій костеръ; по тогдашнимъ временамъ костеръ въ такой пустынной мѣстности обратилъ на себя его вниманіе, и онъ былъ ужасно удивленъ, когда

ему доложили, что это тотъ самый костеръ, который они же раскладывали утромъ; тутъ же, будто бы, Петръ Великій и велѣлъ перекопать этотъ перешеекъ. Но, кажется, преданіе это не вѣрно: перешеекъ перекопанъ еще Іоанномъ Грознымъ въ то время, когда онъ старался осуществить свою идею о перенесеніи столицы въ Насонъ-городъ, т. е. въ теперешнюю Вологду. У этой перекопи расположено нѣсколько постоялыхъ дворовъ, построенныхъ особеннымъ образомъ—съ высоко расположеннымъ жильемъ и помѣщеніемъ для скотины, такъ какъ весной они снизу заливаются водой и какъ островки торчатъ изъ нея. Существованіе ихъ здѣсь въ совершенно безлюдной мѣстности объясняется тѣмъ, что зимой тутъ проходитъ трактъ, а во время покоса, когда всѣ эти заливные луга и озера кишатъ косцами, какъ муравьями муравейникъ, эти постоялые дворы къ вечеру бываютъ прямо набиты народомъ и торгуютъ очень бойко.

Съ рѣки сталъ подниматься туманъ и мы безъ всякой надежды на хорошую погоду отправились въ каюты; но когда встали на другой день утромъ, яркое солнце съ безоблачнаго неба заливало своимъ свѣтомъ и рѣку, и берега, и голые еще то лиловые, то красные лѣса и только остатки ночного тумана прядями уходятъ назадъ; мы ѣдемъ прямо на солнце и вода передъ нами серебрится и сверкаетъ.

Какъ оказалось, мы ночью часа 4 простояли изъ-за тумана, да еще утромъ брали дрова, такъ что идемъ медленнѣе, чѣмъ разсчитывали, но всетаки мы успѣли за ночь уйти изъ мѣстности ненаселенной и безлюдной и теперь ѣдемъ среди береговъ, покрытыхъ деревнями и селами. Вездѣ видны лѣса, во многихъ мѣстахъ сложены заготовленныя дрова. Обиліе лѣса замѣтно и въ постройкахъ—крыши почти всѣ тесовыя. Мѣстность оживленная—много селъ, деревень, на рѣкѣ тоже замѣтна жизнь: оригинальной формы долбленыя лодочки нерѣдко попадаются навстрѣчу, поровняются съ пароходомъ и потомъ долго покачиваются назади на поднятыхъ имъ волнахъ; на лодкахъ видны сѣти, разная рыболовная снасть:



Сліяніе Вологды и Сухоны.

теперь самое горячее время для рыболововъ, рыба лучше всего идетъ сейчасъ же послѣ того, какъ пройдетъ первая весенняя мутность воды. Отъ парохода срываются впереди массы утокъ и стаями перелетываютъ все дальше и дальше. Кое-гдѣ видны на берегахъ строящіяся баржи; лѣсъ подходитъ къ самому берегу, большею частью соснякъ.

Р. Сухона въ 50 в. передъ Тотьмой.

Не доѣзжая до Тотьмы верстъ 7, красиво вытянулся на Сухонѣ большой длинный „Дѣдовъ островъ" съ церковью и находящейся на немъ низшею лѣсною школой вѣдомства государственныхъ имуществъ.

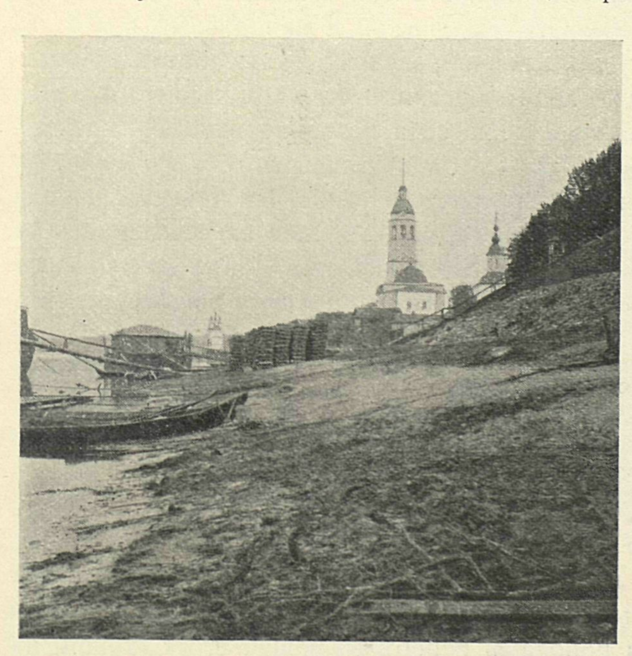
Въ 2 часа подходимъ къ Тотьмѣ; она расположена на лѣвомъ берегу Сухоны и мы еще издали любовались картиной красиво раскинувшагося города съ его бѣлѣющими на солнцѣ семью церквами, восьмая видна на другомъ берегу. На краю города видно большое зданіе ремесленнаго училища. При ближайшемъ знакомствѣ Тотьма оказывается очень красивою, полною зелени, садовъ и палисадниковъ; раскинулась она вдоль рѣки на довольно высокомъ берегу, перерѣзанномъ нѣсколькими оврагами и это-то расположеніе, а также обиліе зелени и придаетъ ей красоту. По самому краю берега разбитъ бульварчикъ, съ котораго открывается широкій видъ на уходящую вдаль среди лѣсовъ Сухону и на противоположный берегъ. И на бульварчикѣ и у подножія его около при-

Дѣдовъ островъ.

стани собралось много народа, въ ожиданіи прибытія губернатора, и оживленныя кучки его, и освѣщенный яркимъ весеннимъ солнцемъ видъ производятъ веселое впечатлѣніе, несмотря даже на то, что, благодаря поздней веснѣ, деревья еще совершенно голы. Немало пріятному впечатлѣнію способствуетъ песчаный грунтъ города, вслѣдствіе чего послѣ вчерашняго дождливаго дня въ Тотьмѣ сухо, какъ среди лѣта.

Г. Тотьма.

Посѣтили соборъ, монастырь, расположенный въ 1,5 верстѣ отъ города, и ремесленное училище. Тотемскій соборъ возвышается на самомъ берегу Сухоны на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности былъ „Острогъ" или укрѣпленіе. Въ настоящемъ своемъ видѣ соборъ построенъ весьма недавно—въ 1822 году, а въ 1860-тыхъ годахъ къ тому же совершенно перестроенъ такъ, что о древности его нѣтъ и помину. Спасо-Суморинъ монастырь основанъ преподобнымъ Ѳеодосіемъ въ 1554 году. Въ немъ и покоятся мощи преподобнаго Ѳеодосія. Снаружи монастырь представляетъ очень красивый видъ своими оригинальными постройками, красиво поднимающимися изъ-за толстыхъ каменныхъ стѣнъ.



Тотьма въ 12 ч. ночи.

О ремесленномъ училищѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ: училище это устроено, оборудовано и поддерживается на средства уроженца Тотьмы г. Токарева; цѣль его съ одной стороны дать возможность крестьянскимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ изучить какое-нибудь ремесло и

заработывать имъ кусокъ хлѣба, а съ другой—снабдить умѣющими ремесленниками крайне бѣдный въ этомъ отношенiи край. Направленiе обученiя ремесламъ таково, что въ училищѣ можно видѣть и выдѣлку колесъ для телѣгъ, и тонкую рѣзьбу вещей изъ дерева, и окраску тарантасовъ, и живопись масляными красками, и рисованiе акварелью; никакой работой тутъ не гнушаются и къ какой кто изъ учениковъ оказывается склоннымъ и способнымъ, въ той и можетъ упражняться и совершенствоваться. Для всѣхъ учениковъ обязательно рисованiе, чтобы будущiй ремесленникъ не былъ только рутиннымъ работникомъ по лекалу, но могъ бы работать и по данному рисунку и по своей композицiи и постановка этого предмета въ училищѣ не можетъ не обратить на себя вниманiя посѣтителя: приходится удивляться работамъ учениковъ, попавшихъ въ рисовальный классъ прямо изъ деревни и черезъ годъ уже ловко владѣющихъ кистью и очень удачно справляющихся съ красками. Весьма интересны тѣ композицiи, которыя дѣлаютъ на заданную тему ученики старшихъ классовъ; въ нихъ проглядываетъ самобытность и индивидуальность каждаго работающаго, видно, что обученiе не сводится здѣсь къ точному рисованiю съ оригинальчиковъ да вырисовыванiю въ тетрадкахъ кружковъ и линеечекъ, а напротивъ, тутъ съумѣли рисованiемъ заинтересовать учащихся и каждому даютъ свободу идти своей дорогой, лишь наблюдая за направленiемъ, намѣчая его и не давая сбиваться въ сторону. При школѣ имѣется музей изъ произведенiй учениковъ по разнымъ отраслямъ: тутъ и жестяныя издѣлiя, и очень изящныя рѣзныя вещи, и такъ модныя теперь рѣзныя съ раскраской, и живописныя, и мебель, и пр., а кромѣ этого въ музеѣ, какъ образчики для выработки пониманiя стиля, собрано довольно много русскихъ старинныхъ вещей и матерiй, среди которыхъ обращаетъ на себя невольно вниманiе чрезвычайно искусно вышитый кокошникъ съ двуглавымъ орломъ наверху. Вѣроятно, вещь имѣющая историческое значенiе. Въ общемъ школа производитъ отрадное впечатлѣнiе: видно, что лица ею завѣдывающiя вкладываютъ въ свой трудъ много любви къ дѣлу, не ограничиваясь только отбыванiемъ своихъ обязанностей, стараются заинтересовать учениковъ работою и этого достигаютъ. Прiятности впечатлѣнiя способствуетъ не мало и мѣсто, занимаемое школой—на высокомъ берегу съ широкимъ видомъ на Сухону и безконечную даль противоположнаго берега, а также и самое зданiе, которое сдѣлало бы честь и не такому городу, какъ Тотьма.

Тотьма изъ уѣздныхъ городовъ Вологодской губернiи занимаетъ не послѣднее мѣсто и по положенiю своему всего въ 160 верстахъ отъ губернскаго города и по количеству жителей, которыхъ въ ней 5.000. Ея уѣздъ заключаетъ въ себѣ 20.488 кв. вер. съ 150 т. жителей и почти правильно дѣлится пополамъ перерѣзывающей его Сухоной; въ общемъ вся площадь уѣзда представляетъ собою равнину съ большимъ

количествомъ лѣсовъ и болотъ на глинистой почвѣ, переходящей въ восточной части уѣзда въ песчаную. Условія климатическія и почвенныя дѣлаютъ этотъ уѣздъ земледѣльческимъ и тотемскій ленъ имѣетъ прочно установившуюся репутацію, но въ сѣверной части жители съ земледѣлія центръ тяжести своей работы переносятъ уже на лѣсные промыслы, рыболовство и т. п.

Недалеко отъ Тотьмы, верстахъ въ 40, въ селѣ Леденгскомъ по р. Леденгѣ находятся солеваренные заводы, выработывающіе соль, въ большей части для мѣстнаго употребленія, но постановка дѣла на этихъ заводахъ такова, что весь этотъ промыселъ неуклонно идетъ къ полнѣйшему упадку: крестьяне, предоставленные сами себѣ, вести дѣло безусловно не могутъ, взяться же за это дѣло со стороны положительно некому. Чувствуя свое безсиліе, они обращались въ старыя еще времена къ губернатору съ просьбою назначить имъ чиновника, который велъ бы все заводское хозяйство, но просьба ихъ осталась втунѣ; одно время взялся было за него мѣстный земскій начальникъ и дѣла завода пошли къ улучшенію, но это продолжалось недолго, и теперь Леденгскіе крестьяне, у которыхъ и всѣ средства къ существованію заключаются въ заводѣ, находятся въ критическомъ положеніи.

Ознакомившись достаточно съ Тотьмой, вечеромъ мы отправляемся далѣе внизъ по Сухонѣ, направляясь къ слѣдующей нашей остановкѣ— Устюгу. Весенней прибылой воды много и уровень ея дѣлаетъ рѣку очень полноводной и широкой, такъ что, глядя сейчасъ на нее широкую и глубокую, совершенно не вѣрится, что лѣтомъ тутъ и маленькіе пароходы проходятъ съ большимъ трудомъ, а большіе прямо перестаютъ ходить выше Устюга. Вечеръ тихій, рѣка, несмотря на быстрое теченіе, гладка какъ зеркало и придвинувшіеся къ самой водѣ еловые лѣса зубчатой стѣной отражаются въ потемнѣвшей ея поверхности.

„Опоки“ на Сухонѣ.

Всякому ѣдущему внизъ по Сухонѣ уже извѣстно объ „опокахъ“; такъ называется мѣстность, гдѣ она между Тотьмой и Устюгомъ те-

четъ, прорѣзывая довольно высокій горный кряжъ. Мѣстность эта славится живописностью своихъ видовъ, но мы проходимъ ихъ въ пасмурное дождливое утро, съ низкими быстро несущимися тяжелыми облаками, изъ которыхъ сѣется мелкій надоѣдливый дождь и благодаря этому впечатлѣніе отъ опокъ получается не такое сильное, какъ ожидалось.

На Сухонѣ.

Почти отвѣсныя стѣны береговъ съ разноцвѣтными на нихъ слоями глинъ и известняковъ прерываются кое-гдѣ долинами и оврагами; кое-гдѣ горы отходятъ отъ берега и тогда до нихъ раскидывается покрытая то лѣсомъ, то полями площадь съ ютящимися на ней деревушками и селами, то на самомъ гребнѣ горы протянется деревенька, а тамъ опять горы подступятъ къ самой рѣкѣ и оборвутся въ нее почти отвѣсными пестрыми стѣнами. Кое-гдѣ на отвѣсныхъ берегахъ видны пятна алебастра, и ярко бѣлѣютъ они на общемъ темномъ фонѣ дождливаго весенняго дня. Между горами глубокія узкія долины, заросшія сплошнымъ лѣсомъ, всползающимъ по скатамъ до самыхъ вершинъ. Большое сходство съ берегами Волги, но въ гораздо меньшемъ масштабѣ. Еще голый, темный, почти черный, благодаря дождю, лѣсъ, избы съ насквозь пропитанными сыростью кры-

Р. Сухона.

шами, все мокро, слезится и впечатлѣніе красоты береговъ сильно понижается.

Сухона въ этомъ мѣстѣ имѣетъ много подводныхъ камней и вообще довольно мелка, такъ что это-то мѣсто во время спада воды и составляетъ главное препятствіе для пароходнаго по ней сообщенія. Въ такихъ высокихъ берегахъ и бѣжитъ Сухона до самаго Устюга и характеръ горъ остается на всемъ этомъ пространствѣ тотъ же самый.

Кое-гдѣ по берегамъ то въ глубокихъ оврагахъ, а то просто подъ берегомъ видны съ парохода остатки залежавшагося грязнаго снѣга, изъ-подъ котораго протянулись до самой рѣки темныя полосы сбѣгающей воды.

Г. Устюгъ.

Начинаетъ понемногу разъяснивать и тучи уже не ползутъ сплошною массой, а разорвались и между ними видно голубое небо, наконецъ выглянуло солнце и далеко впереди сталъ вырисовываться Устюгъ; масса бѣлыхъ церквей съ сіяющими куполами и крестами производитъ впечатлѣніе похожее на то, какое испытываешь всегда, когда, подъѣзжая, завидишь старинный русскій городъ, — да Устюгъ и есть таковой; и въ немъ и въ его уѣздѣ очень много памятниковъ старины, такъ много, что даже образовался здѣсь цѣлый промыселъ скупки старинныхъ вещей и отправки ихъ въ столицы и даже заграницу. Основанъ онъ очень давно и годъ его основанія теряется во мракѣ вѣковъ, но въ 1192 году онъ уже существовалъ и въ лѣтописи есть указаніе, что въ этотъ несчастный для Устюга годъ „татары казанскіе пришли на градъ Устюгъ и градъ лестію взяли и разорили". Городъ растянулся по берегу Сухоны очень длинно, но не широкъ; вдоль всего берега во избѣжаніе подмыва весенней водой, которая здѣсь съ страшною стремительностью бьетъ въ заворачивающійся дугою берегъ, устроена оригинальная набережная изъ двухъ слоевъ бревенъ сперва горизонтальнаго и наружу вертикальнаго, изцапаннаго и избитаго льдомъ. Параллельно набережной идутъ вдоль города двѣ хорошія улицы; между ними нѣсколько по-

перечныхъ, упирающихся въ какой-то оврагъ съ текущей по немъ рѣчкой, а за нимъ остальная часть города съ женскимъ Іоанно-Предтеченскимъ монастыремъ.

На самомъ берегу возвышается соборъ, въ которомъ покоятся мощи Св. Прокопія и Іоанна, построенный 600 лѣтъ назадъ. На дворѣ собора лежитъ на особой колонкѣ съ надписями камень, перенесенный съ того мѣста въ 16 верстахъ отъ города, гдѣ, по преданію, выпалъ каменный дождь, долженствовавшій разрушить городъ, но предотвращенный молитвами Св. Прокопія, а въ соборѣ у раки Св. Прокопія стоитъ чаша съ водой, сдѣланная, какъ гласитъ надпись на ней, изъ такого же камня, упавшаго съ неба. Хотя паденіе громаднаго количества аэролитовъ около Устюга фактъ и не подлежащій сомнѣнію, но также не подлежитъ сомнѣнію и то, что и камень на дворѣ собора, и матеріалъ, изъ котораго сдѣлана чаша въ соборѣ, отнюдь не метеорнаго происхожденія, а простой гранитъ, и очень жаль, что онъ попалъ сюда подъ видомъ метеорнаго камня, такъ какъ, вѣроятно, на мѣстѣ можно бы было найти и дѣйствительно метеориты. Въ соборѣ интересенъ, какъ памятникъ старины, пожертвованный еще Строгановыми образъ преподобнаго Прокопія, вышитый на платѣ удивительно тонко и искусно шелками, канителью и жемчугомъ. Въ общемъ соборъ не даетъ впечатлѣнія особой старины, есть нѣсколько старинныхъ иконъ, но того чувства, какое испытываетъ человѣкъ, зашедшій въ московскіе кремлевскіе соборы или въ Сольвычегодскій, гдѣ все имѣетъ свою исторію и на всемъ лежитъ

Главная улица въ г. Устюгѣ.

Соборъ въ Устюгѣ.

отпечатокъ историческаго значенія, Устюгскій соборъ не производитъ, чему много способствуетъ и то, что онъ въ недавнее время разстроенъ, и эта прибавка уже не носитъ на себѣ ни малѣйшаго намека на старину. Да и весь соборъ кажется поновленъ не особенно давно.

Въ Устюгѣ есть два монастыря: мужской Михаило-Архангельскій и женскій Іоанно-Предтеченскій. Первый основанъ въ 1212 году монахомъ лежащаго на самой стрѣлкѣ слiянія Сухоны и Юга Троицко-Гледенскаго монастыря Кипріаномъ еще въ то время, когда и самъ-то городъ Устюгъ находился на этой стрѣлкѣ. И Сухона, и Югъ въ полую воду сильно подмывали берега такъ, что Устюжане находились постоянно въ страхѣ, что и весь городъ ихъ будетъ смытъ, почему и рѣшили перенести его на настоящее мѣсто. Троицко-Гледенскій монастырь существовалъ до 1842 года, когда вслѣдствіе того же опасенія подмыва былъ упраздненъ и приписанъ къ Михаило-Архангельскому, но опасенія оказались совершенно напрасными: Югъ измѣнилъ нѣсколько свое теченіе и теперь между опустѣвшимъ монастыремъ и берегомъ Юга раскинулись широкіе луга, кое-гдѣ покрытые кустарниками, сверкающіе на солнцѣ озерками и болотцами, представляющіе изъ себя великолѣпные покосы. Монастырь стоитъ пустой, живетъ тамъ только сторожъ, и служба въ храмѣ бываетъ только по праздникамъ, для чего и пріѣзжаетъ сюда изъ Устюга монахъ. Женскій монастырь основанъ тіуномъ татариномъ Бугой, принявшимъ православіе по сонному видѣнію, въ XIII вѣкѣ. Въ мужскомъ монастырѣ отъ постройки вѣетъ стариною, въ особенности интересно крыльцо, ведущее въ помѣщеніе архіерея, женскій же монастырь по наружному своему виду не представляетъ собою ничего особеннаго. Церквей въ Устюгѣ очень много и ихъ бѣлыя колокольни и главы, сверкающія на солнцѣ то серебромъ, то золотомъ, придаютъ городу много красоты.

Крыльцо въ мужскомъ монастырѣ въ Устюгѣ.

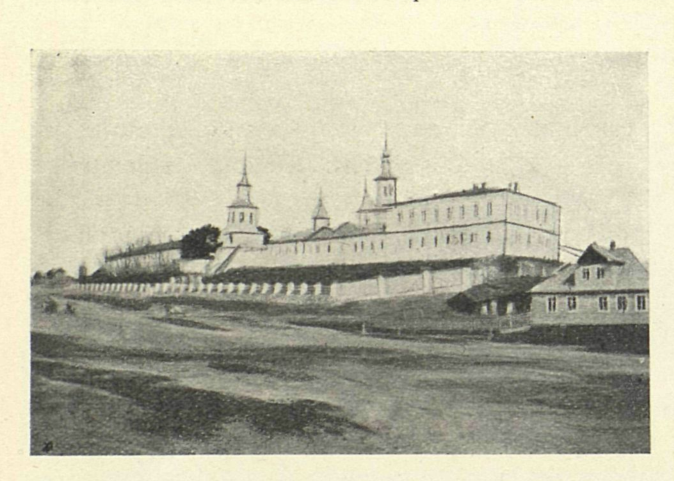
Имѣется въ городѣ и недурной общественный садъ, непремѣнная принадлежность всякаго города, въ иныхъ составляющій гордость горожанъ, въ иныхъ въ видѣ загаженнаго скотскаго выгона. Въ Устюгѣ садъ тѣнистый и густой, но, кажется, не въ достаточной мѣрѣ заботливо содержимый. Набережная, какъ я уже говорилъ, вся покрыта двойнымъ слоемъ бревенъ, въ защиту отъ весенняго льда и подмыва. Несмотря на то, что сегодня 6-ое мая, массы льда, нагроможденныя

разливомъ къ этимъ бревнамъ, сѣрыя и грязныя, до сихъ поръ лежатъ грудами и медленно таютъ на солнцѣ; вода капаетъ съ верхнихъ льдинъ и искорками сверкаетъ въ солнечныхъ лучахъ.

Устюгъ безспорно лучшій изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ Вологодской губерніи, онъ занимаетъ самый центръ ея и по праву ему бы и слѣдовало быть губернскимъ городомъ, а не Вологдѣ, расположенной на самомъ краю колоссальнаго района, центромъ котораго ей поневолѣ приходится быть.

Нынѣшній день 6-го мая этотъ старинный городъ какъ бы и становится центромъ губерніи. Торжественно празднуется въ немъ царскій день. Его длинныя, красивыя, хорошо вымощенныя улицы всѣ разукрашены флагами; колокольный звонъ несется съ его многочисленныхъ колоколенъ, густо гудитъ огромный соборный колоколъ и аккордъ этого звона стелется надъ широко разлившейся искрящейся на солнцѣ рѣкой.

Вездѣ толпы народа, спѣшащаго въ соборъ на архіерейское служеніе мѣстнаго викарія въ присутствіи губернатора,—случай, въ жизни города встрѣчающійся въ первый разъ. Противъ собора выстроено войско въ парадной формѣ. Къ собору то и дѣло подъѣзжаютъ экипажи и высаживаютъ парадно одѣтыхъ чиновниковъ, представителей мѣстнаго купечества и другихъ горожанъ. Все это облито яркимъ весеннимъ свѣтомъ солнца, все блеститъ въ его лучахъ и сверкаетъ и надъ всѣмъ этимъ раскинулось голубое бездонное прозрачное небо. Общая картина производитъ впечатлѣніе оживленности, торжественности и какой-то особой праздничности. Невольно къ этому чистому, красивому, старинному русскому городу возникаетъ въ сердцѣ какая-то безотчетная симпатія и навязчиво стучится въ сознаніе сравненіе его съ губернскимъ городомъ — не въ пользу послѣдняго.



Женскій монастырь въ Устюгѣ.

Въ Устюгѣ 11.000 жителей, а въ его уѣздѣ 136.000 на 14.912 кв. верстахъ общей площади уѣзда, но населеніе осѣло преимущественно въ его южной части по Сухонѣ, ея большому притоку Югу и Лузѣ; послѣдняя рѣка, очень длинная, почти всѣмъ своимъ теченіемъ находится въ Устюгскомъ уѣздѣ и на ней стоитъ заштатный городъ Лальскъ съ 1.100 жи-

телей, бывшій когда-то въ концѣ 18 и началѣ 19 столѣтія и самъ уѣзднымъ городомъ.

Устюгъ имѣетъ за собою вполнѣ справедливую славу центра кустарной промышленности губерніи и, дѣйствительно, въ этомъ уѣздѣ существуетъ масса кустарей по самымъ разнообразнымъ работамъ, а изъ промысловъ, присущихъ исключительно Устюгскому уѣзду, въ особенности интересно производство рѣзной бересты, удивительно тонко и изящно выдѣлываемой. Къ несчастію, это изящество обыкновенно наложено на ящички, коробочки и т. п. самой скверной столярной работы, въ скоромъ времени разсыхающіеся и трескающіеся. Въ самомъ Устюгѣ существуетъ очень интересное производство, составляющее секретъ одной семьи, — это наложеніе на серебро черни, совершенно непохожей на обыкновенную, какую мы встрѣчаемъ на кавказскихъ вещахъ; эта чернь представляетъ собою сдѣланный на серебрѣ тончайшій рисунокъ сѣровато-чернымъ тономъ со штрихами толщиною въ тонкій волосъ и прочность ея такова, что вещи, будучи постоянно въ употребленіи въ продолженіе десятковъ лѣтъ, нисколько не мѣняютъ своего вида, но надо сказать, что монополисты, ее производящіе, и дерутъ за свою работу баснословныя цѣны.

Сухона и противъ Устюга уже очень широка, при сліяніи же ея съ Югомъ, немного ниже города, раскидывается громадная водная гладь.

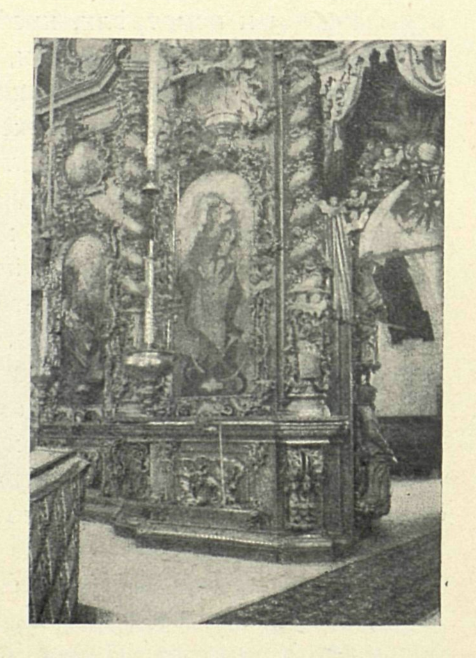
Недалеко отъ Устюга находится знаменитая Грибановская полотняная фабрика въ мѣстности, называемой „Красавино". Мы посѣтили эту фабрику и осмотрѣли, проѣхавъ на пароходѣ верстъ 30 внизъ по Двинѣ до фабричной пристани, а отъ нея до фабрики всего версты 2 на лошадяхъ по сравнителько хорошей дорогѣ. „Красавино" было когда-то усадьбой и расположено на очень возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго открывается великолѣпный видъ на уходящую къ самому горизонту долину Двины; видно, что когда-то усадьба эта процвѣтала, жизнь, вѣроятно, кипѣла въ ней, но сейчасъ никто изъ владѣльцевъ тутъ не живетъ, и, хотя и поддерживается весь бывшій видъ, но сразу же замѣтно, что усадьба-то теперь здѣсь на послѣднемъ планѣ; въ паркѣ, напр., на берегу пруда, какъ разъ подъ барскимъ домомъ, сложены дрова и это сразу портитъ впечатлѣніе и отнимаетъ красоту и отъ дома и отъ прудовъ, а они-то и представляютъ здѣсь главную красу: темные, въ высокихъ покрытыхъ лѣсомъ берегахъ, спокойные, гдѣ весело раскинулись они по лужайкамъ съ сбѣгающими внизъ къ нимъ тропинками, гдѣ глубоко ушли въ таинственную глубину густого темнаго лѣса.

Фабрика занимаетъ очень большую площадь, раскинулась по горкамъ, прорѣзаннымъ оврагами, вездѣ много зелени, много отдѣльныхъ большихъ корпусовъ. Приводится въ дѣйствіе 4 паровыми машинами, изъ которыхъ большая компаундъ въ 1.000 индикаторныхъ силъ. Масса

Троицко-Гледенскій монастырь, близъ Устюга.

всякаго рода станковъ съ оглушительнымъ шумомъ стучатъ, гремятъ, свистятъ и выдѣлываютъ разнообразнѣйшія произведенія изъ знаменитаго вологодскаго льна; результаты этого стука и шума ползутъ со станковъ въ видѣ и скатертей, и салфетокъ, и полотенецъ съ разнообразнѣйшими рисунками и подъ старинный ладъ, и подъ стиль moderne, и простого полотна, и даже грубыхъ тканей; всѣ эти произведенія продаются въ Устюгѣ въ фабричномъ магазинѣ, но ихъ столько идетъ въ столицы, что тутъ часто выборъ далеко не представляетъ собою образчиковъ всего того, что выдѣлывается на фабрикѣ.

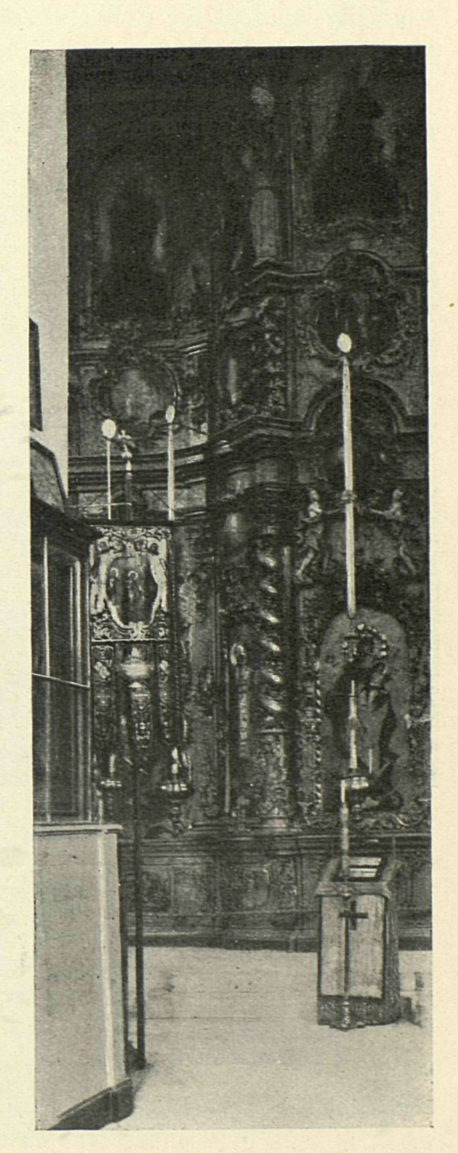
Посѣтили мы и Троицко-Гледенскій монастырь, печально возвышающійся на стрѣлкѣ между Сухоной и Югомъ, брошенный и пустой. Показать намъ монастырь поѣхалъ съ нами монахъ изъ Михаило-Архангельскаго монастыря. Было ясно и страшно вѣтрено; темная вода Сухоны вся кипѣла волнами съ бѣлой пѣной, а когда мы выѣхали на мѣсто сліянія ея съ Югомъ, то пароходъ даже стало сильно покачивать; волны сердито набѣгали на него, разбивались о его острый носъ, обдавая брызгами и бока и даже палубу; вѣтеръ дулъ прямо съ Двины, раскинувшейся передъ нами, и гналъ съ нея на насъ все новые и новые валы; изъ безконечной дали зарождались они и большіе и малые, съ ревомъ и шуршаніемъ, выростая, бѣжали намъ навстрѣчу и съ плескомъ разбивались о нашъ пароходъ; вода кипѣла и вся бѣлѣла пѣной. Добрались до берега и то, что изъ Устюга намъ казалось узенькой и низенькой косой съ одиноко возвышающимся на ней монастыремъ, въ дѣйствительности оказалось очень высокимъ берегомъ, на который мы даже должны были взби-



Часть иконостаса и царскихъ вратъ въ Гледенскомъ монастырѣ.

Икона въ Троицко-Гледенскомъ монастырѣ, близъ Устюга.

раться обходами, а не прямо, такъ онъ крутъ и обрывистъ. На верху ровный гладкій лугъ, посреди котораго и стоитъ монастырь. Печальное впечатлѣніе производитъ онъ своею опустѣлостію, словно заколоченный барскій домъ въ заброшенной усадьбѣ; невольно представляется та жизнь, которая когда-то текла здѣсь, мирно ли, какъ въ монастырѣ, бурно ли и весело, какъ въ заколоченномъ господскомъ домѣ, и жаль ее становится и кажется она чѣмъ-то далекимъ и хорошимъ.

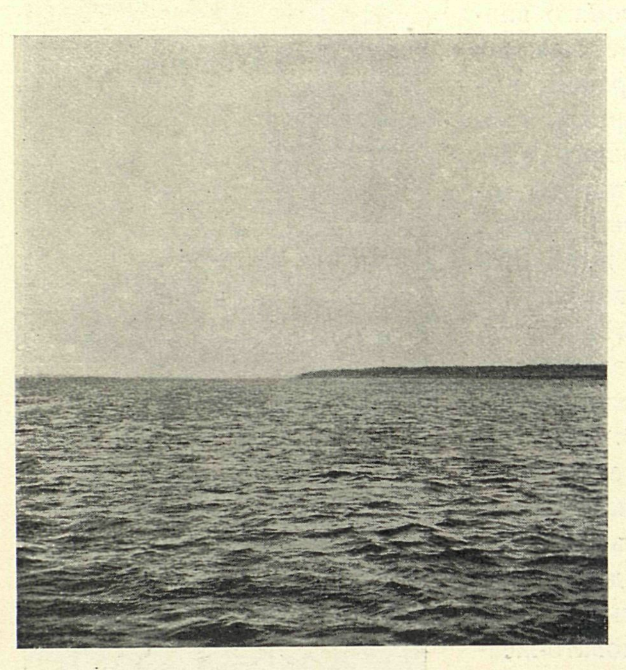


Часть иконостаса въ Гледенскомъ монастырѣ, близъ Устюга.

Монастырь самаго обыкновеннаго типа и снаружи ничѣмъ особаго вниманія на себя обратить не можетъ; въ оградѣ все заросло травой, высится кедръ—остатокъ старины, сваленъ кое-какой хламъ. Жилого вида совершенно нѣтъ. Храмъ внутри довольно интересенъ, особенно своимъ стариннымъ иконостасомъ и нѣкоторыми иконами итальянскаго письма. Когда мы стали внимательнѣе разсматривать входныя двери, оказалось, что онѣ всѣ закрыты толстымъ слоемъ известки, а изъ-подъ нея кое-гдѣ проглядываютъ маіоликовые изразцы. Выйдя наружу, мы замѣтили, что и карнизы и наличники оконъ всѣ маіоликовые, но также, какъ и двери, всѣ тщательно замазаны известкой и выкрашены подъ одинъ грязновато-желтый колеръ; конечно, стали говорить о томъ, какъ иногда побѣлочки и подкрасочки съ самымъ добрымъ желаніемъ украсить и подчистить, безъ разумѣнія, ведутъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ и вещь становится никуда негодной, а монахъ, насъ сопровождавшій, услыхавъ нашъ разговоръ и упоминаніе о побѣлочкахъ и подкрасочкахъ, безъ всякой ироніи, видимо отъ чистаго сердца, съ серіознѣйшимъ видомъ сказалъ: „да, отецъ Иннокентій много потрудился къ украшенію обители, да вотъ уже кое-гдѣ и пообвалилась штукатурочка, а прежде весьма красиво было“. Дѣйствительно, имя отца

Иннокентія увѣковѣчено его трудами по украшенію известкой старинныхъ изразцовъ.

Когда мы изъ монастыря отправились обратно на пароходъ и подошли къ самому краю горы, передъ нами открылся дивный видъ шуршащей Двины. Вѣтеръ на этомъ высокомъ мысу такъ силенъ, что положительно трудно идти противъ него. Съ этого мѣста, т. е. отъ впаденія въ Сухону Юга, рѣка называется малою Двиною до впаденія Вычегды у Котласа, а далѣе уже до Бѣлаго моря—большою Двиною. Какъ на ладони раскинулась передъ нами вся панорама Сухоны, Юга и Двины съ бѣлѣющимъ влѣво по Сухонѣ своими церквами и монастырями Устюгомъ, съ синѣющими далеко на горизонтѣ лѣсами и безъ конца уходящею вдаль и пропадающею у самаго горизонта могучею Двиной.



Двина.

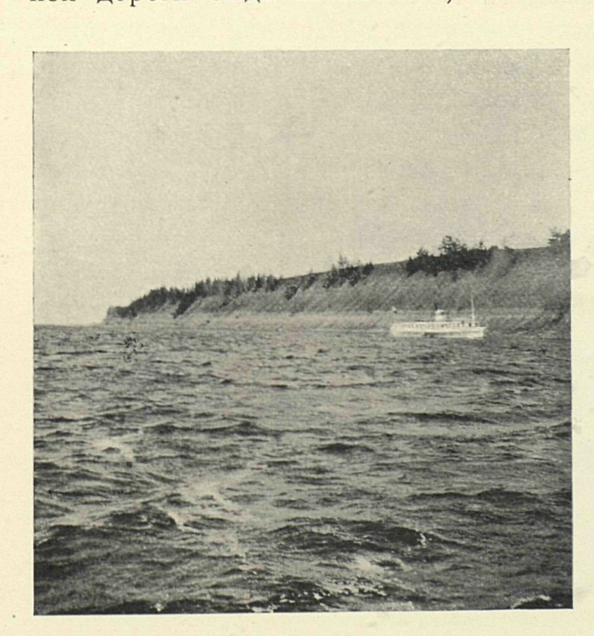
Отъ этого мѣста до Котласа 60 верстъ, которыя Двина течетъ между довольно высокихъ береговъ, покрытыхъ лѣсомъ, съ деревушками и селами. Ближе къ Котласу правый берегъ становится все выше и выше и пріобрѣтаетъ характеръ почти отвѣсной и ровной стѣны съ идущими по ней горизонтально разноцвѣтными слоями глинъ, песковъ и известняковъ. Вотъ тутъ - то въ этой стѣнѣ вблизи деревни Соколковъ и производилъ свои раскопки профессоръ Амалицкій и выкопалъ прославившій его дивный скелетъ парейозавра. Съ парохода можно замѣтить ту выемку, которая имъ сдѣлана, съ приткнутыми къ отвѣсной стѣнѣ берега какими-то избушками; вся выемка кажется очень небольшой на этой стѣнѣ, но когда сообразишь высоту ея, посмотришь на идущихъ подъ нею людей, кажущихся какими-то букашками, начинаешь понимать, что работа была произведена огромная. Отъ самой выемки вплоть до воды протянулась темная полоса выбранной и сваленной въ рѣку земли.

Задолго еще не доѣзжая до Котласа, правый берегъ уже застроенъ складами для хлѣба, котораго здѣсь проходитъ изъ Сибири на сѣверъ огромное количество; склады, склады и элеваторы безъ конца тянутся вплоть до самаго села Котласъ. Нынѣшній годъ они

Впаденіе Юга въ Малую Двину.

пустуютъ: хлѣба прошло черезъ Котласъ гораздо менѣе обыкновеннаго, неурожай сказался и особаго оживленія не замѣтно, а въ другіе годы, говорятъ, здѣсь такъ же оживленно при открытіи навигаціи, какъ въ Нижнемъ во время ярмарки. Самое село Котласъ невелико и главное основаніе его составляютъ постройки очень разросшейся за послѣдніе годы желѣзнодорожной станціи. Свистки паровозовъ, грохотъ передвигаемыхъ вагоновъ, рожки стрѣлочниковъ переносятъ насъ опять въ жизнь большихъ городовъ на желѣзныхъ дорогахъ, отъ которой мы уже начали отвыкать, проѣхавъ столько времени на пароходѣ по спокойной, отошедшей отъ всякихъ рельсовыхъ путей рѣкѣ. Невольно приходитъ въ голову мысль о причинахъ проведенія желѣзной дороги сюда на Котласъ, а не на находящійся всего въ 60 верстахъ отсюда большой оживленный, центральный городъ, и положительно не можешь объяснить себѣ, почему это такъ вышло. Вѣроятно, соображенія, по которымъ понадобилось возвысить небольшое село и обойти крупный торговый центръ, принадлежатъ къ разряду недоступныхъ обыкновеннымъ смертнымъ; они не поймутъ ихъ, какъ не могутъ понять, почему желѣзная дорога отъ Вологды на Архангельскъ проведена сплошной пустыней, почему Вятская дорога, идя нѣсколько верстъ отъ Вологды по тож-

Двина у с. Аристова.



Двина между Устюгомъ и Котласомъ.

дественному направленію съ Ярославской, выстроена рядомъ съ ней, а не идетъ по тому же полотну, почему на Архангельской дорогѣ существуютъ мосты необыкновенной системы—желѣзные на деревянныхъ быкахъ и т. п. Много разсказываютъ о причинахъ проведенія дороги на Котласъ, напр. о томъ, какъ, желая доказать несудоходность Двины между Устюгомъ и Котласомъ, изслѣдовавшіе рѣку инженеры умышленно сажали для вящшаго доказательства пароходъ съ мели на мель, о разныхъ ссорахъ проводившихъ дорогу инженеровъ съ городскимъ управленіемъ Устюга, но, вѣроятно, разсказы эти просто плодъ фантазіи тѣхъ, которые старались разгадать непонятныя имъ соображенія проводившихъ дорогу.

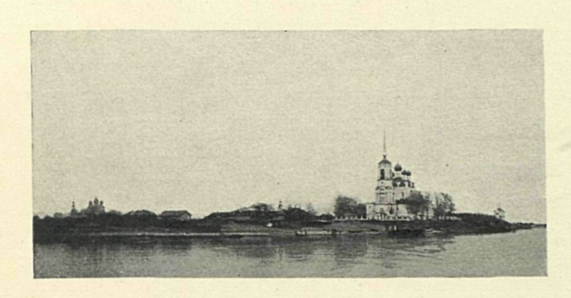
На берегу у пристани осталась еще отъ времени проѣзда здѣсь Великаго Князя Сергія Александровича красивой архитектуры затѣйливая бесѣдка съ балконами и лѣсенками, въ мавританскомъ, почему-то въ Вологодской-то губерніи, стилѣ, а отъ нея вплоть до самаго угла горы по гребню ея тянется дорожка съ стоящими кое-гдѣ скамейками,—вѣроятно, мѣсто прогулокъ котласскихъ жителей въ хорошую погоду. Видъ, открывшійся намъ съ этой дорожки, дѣйствительно, восхитителенъ: розовый закатъ окрашиваетъ всѣми своими тонами безконечную водную гладь сливающихся Двины и Вычегды, которая тремя рукавами подъ прямымъ угломъ вливаетъ здѣсь въ Двину свои могучія воды; острова между этими тремя рукавами всѣ покрыты кустарникомъ, торчащимъ изъ затопившей ихъ воды.

Къ вечеру стало тихо и перламутровая вода переливается крупною зыбью; направо въ темноту уходитъ Вычегда, а прямо на рдѣющій впереди закатъ ушла до самыхъ лиловыхъ облачковъ, залегающихъ на горизонтѣ, широкая спокойная Двина, обогнула какую-то вдавшуюся въ нее съ лѣвой стороны гору съ едва различимыми на ней деревушками и плавно и величаво ушла къ самому ниточкой протянувшемуся горизонту; чувствуется, что эта величественная рѣка поитъ и кормитъ весь край, ей живутъ здѣсь и она какъ артерія проводитъ жизненную энергію на суровый и бѣдный пока, по недоразумѣнію, съ сокрытыми въ его неизвѣданныхъ пустыняхъ неисчислимыми богатствами Сѣверъ.

Р. Сухона.

Глава II.

Вычегда. — Сольвычегодскъ. — Яренскъ. — Усть-Сысольскъ.



Г. Сольвычегодскъ.

Отъ Котласа путешествіе наше уже начиналось по Вычегдѣ, рѣкѣ интересной, намъ совершенно неизвѣстной, попасть на которую и плыть по ней такъ далеко представлялось намъ чѣмъ-то неизвѣданнымъ, похожимъ на путешествіе по дикимъ неизслѣдованнымъ странамъ.

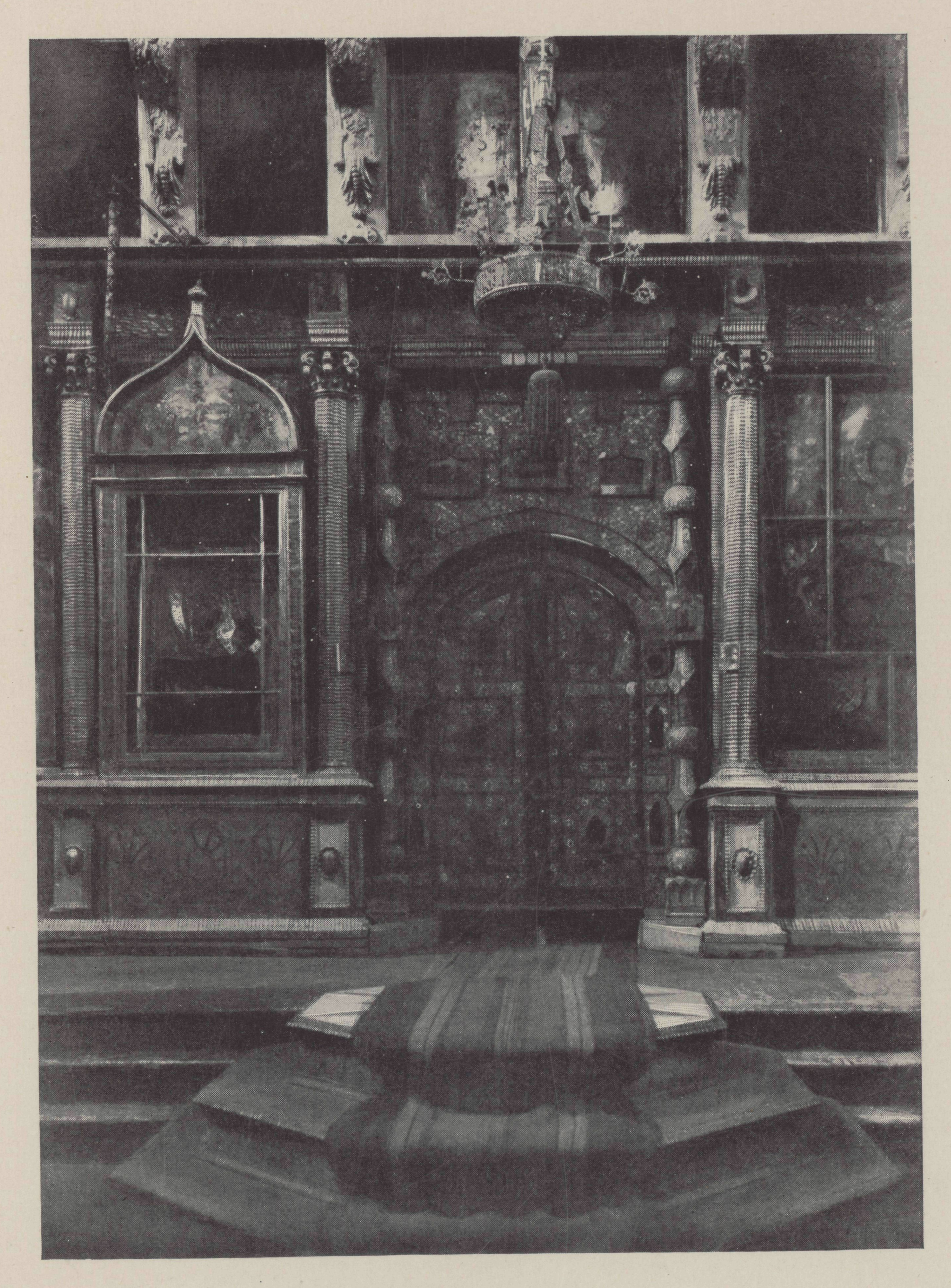
До Сольвычегодска отъ Котласа всего 18 верстъ, большую часть которыхъ приходится плыть все разливами Вычегды; долина сливающихся рѣкъ страшно широка и только на горизонтѣ видишь замыкающія ее возвышенности съ синѣющими по нимъ темными лѣсами.

Сольвычегодскъ стоитъ на правомъ берегу Вычегды, маленькій городокъ, въ безпорядкѣ какъ-то разбросанный по песчаному берегу. У самой воды высится окруженный деревьями соборъ, нѣсколько церквей поднимаются надъ небольшими невзрачными домиками города, бульварчикъ протянулся по берегу, а къ самому городу съ трехъ сторонъ подступилъ тощій сосновый лѣсокъ. Въ на-

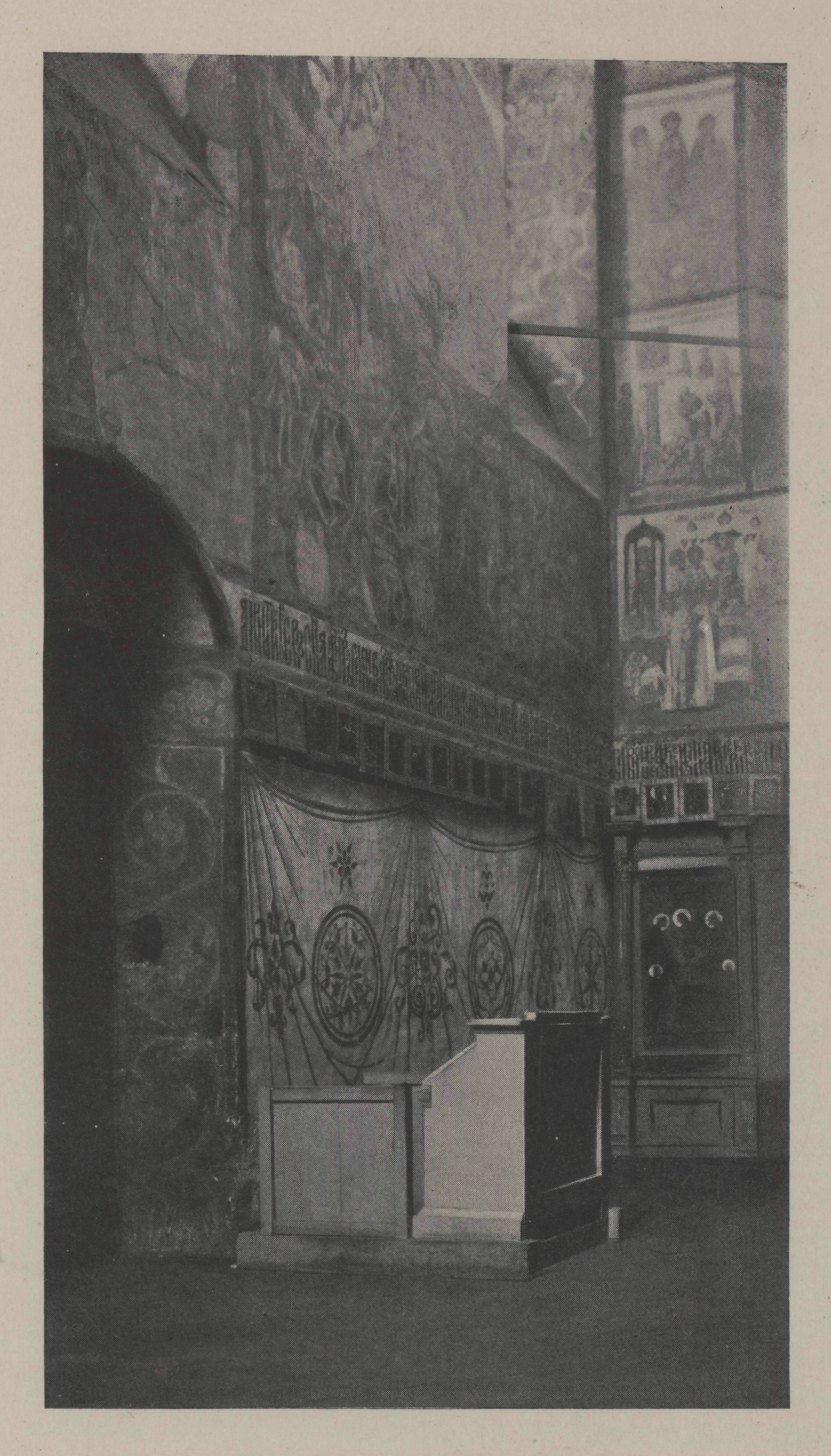
Набережная въ Сольвычегодскѣ.

стоящее время Сольвычегодскъ является городомъ съ 1.710 жителями, центромъ уѣзда въ 37.276 кв. верстъ, 83⁰/₀ которыхъ покрыты лѣсами и болотами и представляютъ собою почти всюду лѣсную пустыню, такъ какъ населеніе, котораго въ уѣздѣ съ такой огромной территоріей всего 118.000, расположилось въ громадномъ большинствѣ по теченію прорѣзывающихъ уѣздъ рѣкъ—Двинѣ, Вычегдѣ, Виляди, Пинегѣ и массѣ мелкихъ рѣчекъ, средняя же и восточная части уѣзда совершенно не населены. Сольвычегодскъ городъ древній, игравшій когда-то не малую роль въ исторіи нашего сѣвера. Онъ первоначально находился не на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь, а выше по Вычегдѣ на той же сторонѣ въ 3-хъ верстахъ отъ настоящаго мѣста при устьѣ рѣчки „Черной“ и назывался Черниговомъ, но его тамъ сильно подмывала рѣка, а въ 1546 году онъ сгорѣлъ и жители его рѣшили переселиться на новое мѣсто и основались въ 1½ верстахъ ниже и назвали новый городъ Выборомъ, но и изъ него, боясь подмыва рѣкою, черезъ 9 лѣтъ переселились на настоящее мѣсто и тутъ основали городъ „Соль-Вычегодскую“. Отъ прежнихъ мѣстъ остались слѣды только отъ Чернигова, мѣсто же, на которомъ стоялъ Выборъ, теперь находится уже подъ Вычегдою. Бывшій Черниговъ почему-то называется теперь „Куричьимъ боромъ“. Въ давнія времена здѣсь лежалъ и водяной и сухопутный путь на Сибирь и городъ тогда процвѣталъ, велъ большую торговлю, купцы его держали въ своихъ рукахъ почти все мѣховое дѣло съ Сибирью, даже имѣлась ярмарка по названію „Соболиная“. Строгановы, поселившіеся здѣсь, съумѣли устроить такъ, что на эту ярмарку съѣзжались купцы изъ Москвы и „прочихъ россійскихъ городовъ“, да къ тому же процвѣтавшій здѣсь соляной промыселъ и богато развитыя ремесла дѣлали Соль-Вычегодскую городомъ, имѣющимъ большое торговое значеніе. Изъ ремеслъ тамъ были замѣчательны серебряносканное и финифтяное, остатки которыхъ и до настоящаго времени есть еще въ Сольвычегодскѣ. Теперь, конечно, о быломъ значеніи го-

Сольвычегодскій соборъ.



Царскія врата въ Сольвычегодскомъ соборѣ.



Уголъ Сольвычегодскаго собора.

рода не осталось и помину, но памятниковъ былой блестящей старины въ немъ много: Введенскій монастырь и въ особенности Благовѣщенскій соборъ служатъ до сихъ поръ свидѣтелями былыхъ славныхъ дней города и представляютъ собою сокровищницу русской старины. Благовѣщенскій соборъ освященъ, какъ значится въ лѣтописи, въ 1584 году. Когда входишь въ этотъ мрачный, сложный, похожій на московскіе соборы, храмъ, отъ всякой вещи въ немъ, отъ самыхъ стѣнъ, тяжелыхъ желѣзныхъ дверей, запирающихся какими-то особыми хитрыми замками, отъ иконъ, ходовъ и переходовъ вѣетъ на васъ сѣдою стариною, остатки которой собраны здѣсь какъ въ музеѣ; куда ни взглянете—отовсюду глядитъ на васъ то древнее русское искусство, даже крохи котораго съ такимъ усердіемъ утилизируются теперь на всякіе манеры нашими художниками; на западной стѣнѣ во всю высоту до самаго купола раскинулась картина: Страшный судъ. По компановкѣ и по содержанію видишь прямо передъ собой Страшный судъ Васнецова, только болѣе наивный, болѣе младенческій и болѣе непосредственный; тутъ художникъ и апокалипсическихъ звѣрей пытался изобразить, и ангела съ вѣсами, и душу человѣческую трепещущую, и грѣхи всѣ людскіе и святаго какого-то, ведущаго упирающагося „жида“ за бороду прямо въ адъ, а за ними слѣдуютъ и ляхи, и татары, и нѣмцы, и другіе народы, и всѣ въ костюмахъ тогдашняго времени. Верхъ картины теряется въ высотѣ купола, а подъ нею кругомъ всего собора нарисована та драпировка въ видѣ развѣшаннаго полотенца, которую теперь такъ любятъ употреблять при стильномъ расписываніи церквей. Иконостасъ деревянный, золоченый съ удивительно красивыми царскими вратами, обложенными оловянными просѣчными пластинками на слюдѣ, а передъ ними стариннѣйшее очень изящное, напоминающее нынѣшній style moderne, небольшое паникадило. У иконостаса висятъ чрезвычайно сложнаго узора чеканные подсвѣчники; противъ амвона у столба архіерейское мѣсто съ куполомъ и главою; въ кіотахъ нѣсколько десятковъ пеленъ, на которыхъ вышиты шелками и канителью иконы, иныя и низанныя жемчугомъ. Почти всѣ эти пелены вышиты были дѣвицами Строгановыми и содержаніе многихъ изъ нихъ относится къ жизни Царевича Дмитрія. Возможно, что изученіе этихъ изображеній, очень сложныхъ и даже на первый взглядъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мало и понятныхъ, дало бы возможность пролить болѣе свѣта на эту все-таки таинственную часть русской исторіи. Въ ризницѣ много интересныхъ вещей, очень изящныхъ, какъ, напр., финифтяный потиръ, ризы съ вышитыми и низанными жемчугомъ оплечьями и т. п. Подъ соборомъ опять ходы и переходы, съ таинственными подземельями, неизвѣстными проходами, темницами, куда, какъ разсказываютъ, Строгановы сажали или на время, или бросали въ глубокіе колодцы въ каменныхъ стѣнахъ на голодную смерть и даже замуравливали ходы туда. Показываютъ 2 такихъ колодца, муж-

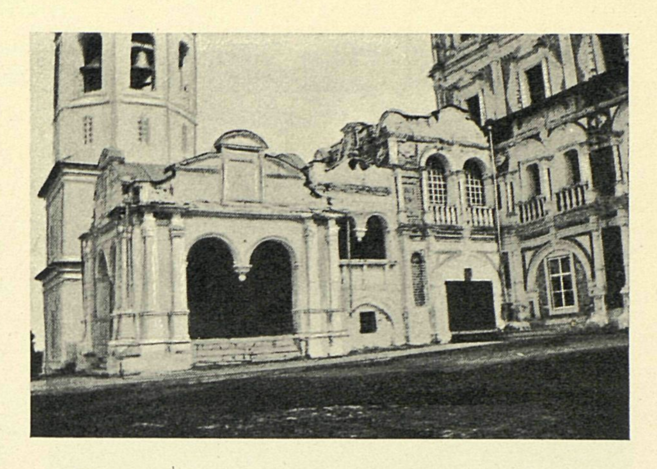
ской и женскій; на днѣ ихъ еще и сейчасъ, покопавъ песокъ, можно найти кости погибшихъ узниковъ. Все это въ такихъ толстыхъ стѣнахъ, послѣ столькихъ запутанныхъ проходовъ, что никакой звукъ ни оттуда, ни туда проникнуть не можетъ, и жутко тамъ и сейчасъ бродить со свѣчей, каково же было тѣмъ, которыхъ опускали въ эти колодцы въ абсолютный мракъ, тишину и безъ всякой надежды выйти оттуда! Тяжелое впечатлѣніе производятъ эти подземелья, когда въ ихъ сырость и мракъ съ зажженною свѣчею уходишь съ яркаго солнечнаго свѣта. Сейчасъ тамъ лежитъ всякій хламъ и нельзя сказать, чтобы и тамъ не было цѣнной старины, по крайней мѣрѣ мы кое-что замѣтили и интереснаго. Вѣроятно, раньше собраніе старины въ Благовѣщенскомъ соборѣ было еще богаче, такъ какъ несомнѣнно многіе замѣчательные памятники оттуда утрачены; разсказываютъ, что покойный Императоръ Александръ III выкупилъ изъ Англіи за 25.000 р. шитую плащаницу Сольвычегодскаго собора, проданную кому-то оттуда за 400 р. Казалось бы, что въ такомъ соборѣ, какъ Сольвычегодскій, конечно, должна быть опись всему, что въ немъ находится; въ вагонахъ, станціонныхъ комнатахъ и то опись инвентаря всегда есть, а въ Благовѣщенскомъ соборѣ такой описи нѣтъ, и значитъ и впредь отъ утраты можетъ-быть драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ старины соборъ не гарантированъ.

Храмъ Введенскаго монастыря въ Сольвычегодскѣ.

Кромѣ Благовѣщенскаго собора въ Сольвычегодскѣ интересенъ Введенскій монастырь, построенный въ 1570-хъ годахъ и освященный въ 1596 году. Въ народѣ ходитъ легенда о постройкѣ его и собора: будто бы строили ихъ два брата Строгановы, одинъ — соборъ, а другой — монастырь, и старались превзойти одинъ другого; надо сказать, что архитектурой побѣдилъ въ этомъ соревнованіи братъ, строившій монастырь, по внутреннему же содержанію побѣда осталась за строившимъ соборъ. Легенда эта не вѣрна, такъ какъ по историческимъ даннымъ соборъ выстроенъ Іоанникіемъ Строгановымъ и освященъ въ 1584 году, а монастырскій храмъ въ настоящемъ его видѣ начатъ постройкою на мѣстѣ сгорѣвшаго первоначальнаго — Григоріемъ Строгановымъ въ 1680 году и освященъ въ 1712 году, такъ что въ дѣйствительности развѣ только потомокъ желалъ превзойти постройкою пред-

Шитый платъ изъ Сольвычегодскаго собора.

ковъ своихъ. Въ церкви обращаетъ на себя вниманіе очень старинная икона Введенія Пресвятой Богородицы и нѣсколько иконъ въ иконостасѣ, но зато снаружи этотъ храмъ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе великолѣпнаго образчика старинныго русскаго церковнаго стиля. Вѣроятно, мотивы его украшеній не разъ вдохновляли современныхъ архитекторовъ—и, дѣйствительно, разнообразіе этихъ мотивовъ можетъ дать богатый матеріалъ для построекъ въ русскомъ стилѣ; въ особенности интересно сочетаніе кирпича съ тесанымъ и рѣзнымъ камнемъ; замѣчательно и крыльцо со сводами въ верхній храмъ, и изразцы, вдѣланные медальонами между тесанаго камня и кирпича. Въ общемъ отъ этого храма остается впечатлѣніе какъ отъ чего-то очень талантливаго, самобытнаго и цѣлаго.



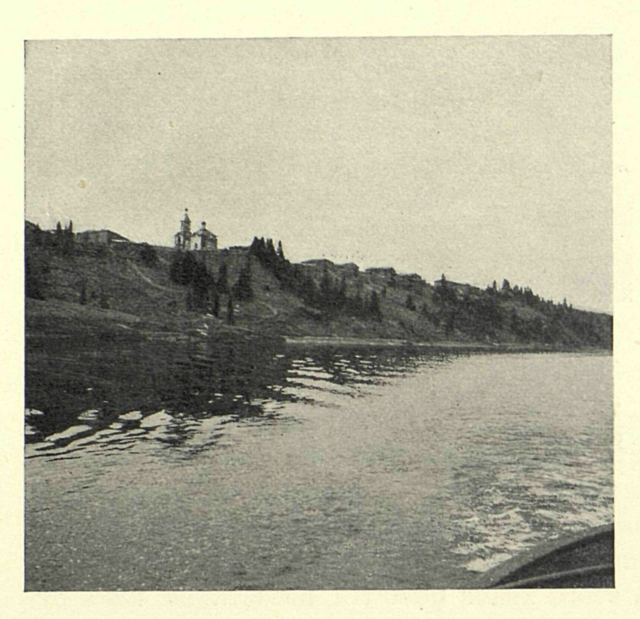
Крыльцо въ Введенскомъ монастырѣ въ Сольвычегодскѣ.

Кромѣ этихъ двухъ храмовъ въ Сольвычегодскѣ обращаетъ на себя вниманіе очень старинный, какъ говорятъ, домъ, занимаемый нынѣ присутственными мѣстами; по архитектурѣ онъ, конечно, далеко не современникъ собору и монастырю и, вѣроятно, постройка его относится къ концу XVIII или началу XIX столѣтія. Въ общемъ городокъ этотъ со своими, незатѣйливой архитектуры, домиками, большими пустырями, безконечными песками, соленымъ озеромъ посреди города, остаткомъ процвѣтавшаго нѣкогда здѣсь солеваренняго промысла, произвелъ на всѣхъ насъ самое благопріятное впечатлѣніе, такимъ онъ мирнымъ, такимъ патріархальнымъ кажется съ виду.

Присутственныя мѣста въ Сольвычегодскѣ.

Вычегда отъ Сольвычегодска до Яренска верстъ на 100 имѣетъ довольно однообразный характеръ: все время идетъ правый высокій

берегъ, лѣвый низкій. Высокій покрытъ безконечными лѣсами, въ которыхъ оазисами попадаются гдѣ одна деревенька, гдѣ нѣсколько вмѣстѣ и начинаетъ казаться какъ будто тутъ и населено, но на самомъ дѣлѣ берегъ если и разделанъ, то только на версту вглубь, много на 1½, а дальше безконечный пустынный лѣсъ съ мохомъ, болотами, ломомъ—обычная картина сѣверныхъ лѣсовъ. Лѣсъ то подступаетъ къ самому берегу, то отойдетъ подальше, но въ общемъ онъ совершенно задавилъ рискнувшихъ здѣсь поселиться и приперъ ихъ вплотную къ рѣкѣ. Самый берегъ глинистый, оплывающій, подмытый, съ сваливающимися постепенно въ рѣку деревьями, изрѣзанный поперечными оврагами; кое-гдѣ въ оврагахъ еще лежитъ снѣгъ, а сегодня 9-ое Мая. Лѣвый же берегъ на безконечное пространство совершенно пустыненъ. Верстъ за 40 до Яренска откуда-то подходятъ горы и къ лѣвому берегу и Вычегда течетъ красивой долиной, уходящей безъ конца передъ нами вдаль; покрытыя хвойнымъ лѣсомъ горы съ праваго берега отступаютъ и синѣютъ поодаль, а дальше долина все дѣлается шире и шире и при впаденіи въ Вычегду рѣки Лены долина Вычегды и долина Лены сливаются вмѣстѣ; насколько глазъ хватаетъ, во всѣ стороны раскинулась эта громадная площадь съ синѣющими далеко-далеко отступившими отъ рѣкъ горами, а впередъ и назадъ по Вычегдѣ только на самомъ горизонтѣ чуть замѣтна голубая полоска береговъ. Верстъ за 30 до Яренска берега мѣняются и правый становится низкимъ, а лѣвый все выростаетъ и выростаетъ; рѣка становится покрытой островами; ель, береза и сосна подошли теперь съ лѣваго берега и шапками покрыли подмытые и обрывистые берега.



Вычегда.

На пространствѣ отъ Сольвычегодска до Яренска по тракту нѣсколько большихъ селъ, верстахъ въ 16 отъ Яренска село Ирта, красиво расположенное на полугорѣ.

Пасмурный день прояснился къ вечеру, тучи разорвались и ихъ тяжелые темные остатки убѣгаютъ отъ брызнувшихъ солнечныхъ лучей и весь пейзажъ заигралъ въ нихъ, блеснула зыбь на рѣкѣ, черные

лѣса подернулись дымкой и посинѣли, бѣлая церковь села яркимъ столбомъ заиграла въ чуть зыблющейся рѣкѣ. Близкіе лиственные, еще голые лѣса стали лиловыми и ярко зазеленѣли на ихъ фонѣ ели и сосны.

Къ самому вечеру уже причалилъ нашъ пароходъ къ Яренской пристани. Осматривать городъ пришлось уже на закатѣ и въ сумеркахъ, сѣверныхъ, свѣтлыхъ съ удивительно прозрачнымъ воздухомъ и неугасающей зарей.

Яренскъ имѣетъ всего 991 жит., а уѣздъ 47 т. жителей, разселившихся на территоріи въ 51.004,6 кв. верстахъ, то-есть на 1 кв. вер. приходится одинъ житель съ очень малой дробью. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что, какъ и вообще на сѣверѣ, живутъ только по рѣкамъ и рѣчкамъ; лѣсъ неохотно уступаетъ свою территорію человѣку и всякая побѣда человѣка надъ лѣсомъ стоитъ ему огромныхъ трудовъ, предпринимать которые при настоящемъ положеніи, когда крестьяне сѣверо-восточныхъ уѣздовъ еще и не устроены землей, мало кому изъ нихъ придетъ охота. Вездѣ и видишь такую картину, что, ѣдешь по рѣкѣ, какъ-будто и есть населеніе, а стоитъ отъ рѣки перейти узенькую полоску земли, похожей на воздѣланную или хоть имѣющей такой видъ, что къ ней были приложены человѣческія руки, и попадешь въ самую настоящую лѣсную, болотную и мховую пустыню и можешь быть увѣренъ, что и день пройдешь по ней, и два, и недѣлю, и ни одного человѣка, ни одного слѣда жилья людского не встрѣтишь. Только и можно увидѣть либо старую порубку, либо какія-нибудь ловушки и капканы, оставшіеся съ зимы, да старыя гари — тоже слѣды человѣка.

Пристань на Вычегдѣ у г. Яренска.

Самъ гор. Яренскъ ничего изъ себя интереснаго не представляетъ; улицы не мощеныя, да и не много ихъ очень — главная „Покровская“, а рядомъ почему-то „Бархатная“, между улицами нѣсколько переулочковъ, очень ограниченное количество церквей и въ концѣ города на довольно высокомъ мѣстѣ скверъ. За протекающей около города рѣчкой Кижмолой на горкѣ „городокъ“ — часовенка, остатки бывшаго прежде на этомъ мѣстѣ стараго Яренска. Со

всѣхъ сторонъ къ городу подступилъ невысокій сосновый лѣсъ и закрылъ все кругомъ.

Стоитъ Яренскъ верстахъ въ двухъ отъ берега, и насколько мало интересенъ самъ городъ, настолько интересно — какимъ образомъ обыватели Яренска попадаютъ весной и, вѣроятно, осенью къ пристанямъ? Вся эта дорога идетъ низиной, покрытой весною озерками, протоками и лужами. Дорогу видимо дѣлали, по сторонамъ вырыты канавы и самое полотно вродѣ какъ бы было не то сдѣлано, не то исправлено, по бокамъ поставлены тумбочки. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ становится жиже и жиже, колеи глубже и глубже, уже и по ступицу колеса идутъ въ колеѣ, но все еще пѣшеходъ сторонкой, гдѣ перепрыгнувъ съ кочки на кочку, гдѣ прошлепавъ по неособенно глубокой лужѣ, съ грѣхомъ пополамъ, глядишь, и проберется, но наконецъ вода саженъ на 10 совершенно залила и дорогу, и сторонки, и достаточно глубоко, примѣрно лошади по колѣно; и вправо и влѣво проливъ этотъ только расширяется и нигдѣ не видно спасительнаго обхода. Конечно, на лошади попасть на другую сторону не хитро и на лодкѣ можно, но интересно было бы знать, какъ поступаютъ пѣшеходы. Пристань соединена съ городомъ телефономъ.

Г. Яренскъ.

Себентьевское озеро около г. Яренска.

Около Яренска къ Вычегдѣ находится очень большое, глубокое, соединенное съ Вычегдой протокомъ, Себентьевское озеро, о которомъ Яренское земство возбуждаетъ сейчасъ вопросъ какъ объ очень удобной гавани для зимней стоянки судовъ; промѣры этого озера и прохода въ него изъ

На р. Вычегдѣ.

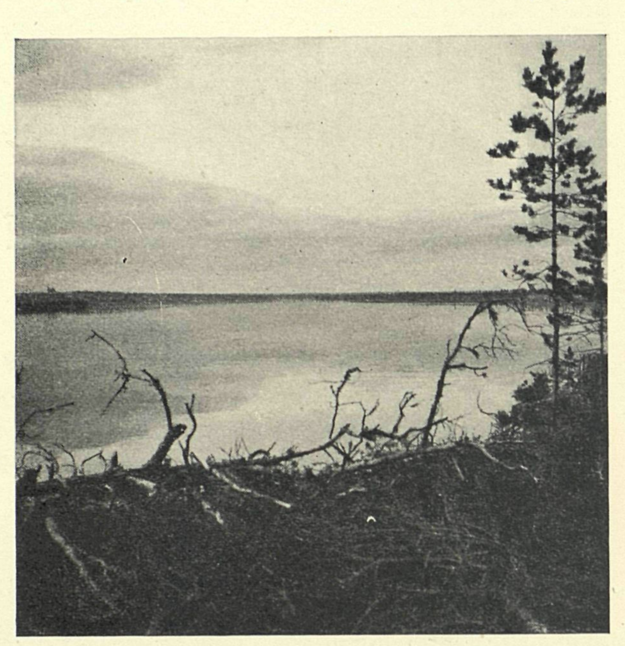
Вычегды, всѣ проекты приведенія его въ удобную гавань уже сдѣланы и теперь дѣло только зависитъ отъ рѣшенія земскихъ собраній, а значеніе его при возможномъ развитіи Ухтинскаго нефтяного дѣла дѣйствительно очень большое, такъ какъ на Вычегдѣ другихъ удобныхъ мѣстъ подъ стоянку судовъ не имѣется, по крайней мѣрѣ на томъ протяженіи ея, гдѣ они были бы на удобныхъ разстояніяхъ отъ мѣста будущаго притока на нее нефти. При рѣшеніи общаго вопроса объ Ухтинской нефти это обстоятельство должно будетъ имѣть большое значеніе, такъ какъ ни при какихъ условіяхъ, никакая желѣзная дорога не уничтожитъ провоза нефти по водѣ и нефтяные караваны, конечно, должны будутъ имѣть удобныя зимовки.

Около Яренска берега Вычегды песчаные и низкіе; по нимъ идутъ все время луга съ наполненными водой низинками и кустарниками; пасутся выпущенныя уже на подножный кормъ лошади, хотя взять въ лугахъ совершенно нечего—они еще совершенно желтые безъ всякаго намека на зелень, только въ низинахъ изъ стоящей воды показываются широкіе ярко - зеленые листья калужницы болотной; лошади маленькія, приземистыя, но очень плотныя и, какъ

Берегъ Вычегды въ 30 в. отъ Яренска.

говорятъ, страшно выносливыя. По рѣкѣ между острововъ видны кое-гдѣ рыболовы въ оригинальныхъ долбленкахъ, напоминающихъ байдарки, и также какъ и онѣ управляемыхъ однимъ двухлопастнымъ весломъ.

Далѣе острова мало по малу исчезаютъ и опять съ обѣихъ сторонъ надвинулся лѣсъ и буквально оборвался въ воду; берега подмытые, почти отвѣсныя песчаныя стѣны, обваливающіяся сверху, съ массой висящихъ изъ удерживающагося еще навѣсомъ верхняго земляного слоя корней уже обреченныхъ на гибель, но еще зеленѣющихъ елей и сосенъ, а внизу уже обвалившіяся деревья, нѣкоторыя только верхушками торчатъ изъ воды, другія повалились другъ на друга, а иныя сползли внизъ и еще весело зеленѣютъ, опустивъ свои корни въ струящуюся между ними воду.



Вычегда за Яренскомъ у с. Жешартъ.

Верстахъ въ 30-ти за Яренскомъ начинается уже настоящій Зырянскій край; среди лѣсовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они, какъ бы разступившись, даютъ пріютъ у себя человѣку, попадаются большія деревни, совершенно отличнаго вида отъ русскихъ; съ перваго же взгляда бросается въ глаза особый типъ постройки: основаніемъ зырянскаго дома является изба на одинъ скатъ съ очень плоской крышей, конечно, тесовой; два такихъ дома, составленные вмѣстѣ высокими сторонами, составятъ большой домъ и это общій типъ зырянскихъ построекъ, который мы встрѣчали потомъ во всемъ Зырянскомъ краѣ, сдѣлавши по нему не одну тысячу верстъ. Первое время плоскія крыши насъ поражали, а потомъ мы привыкли къ ихъ виду, и уже при возвращеніи нашемъ обратно намъ такъ же было странно видѣть высокія крыши русскихъ избъ. Кромѣ этого, отличительною особенностью зырянскихъ домовъ являются италіанскія окна; и въ маленькой хибаркѣ, и въ большомъ домѣ непремѣнно уже окажется хоть одно италіанское окно.

Недалеко за Яренскъ, верстахъ въ 40, на правомъ берегу чрезвычайно въ этомъ мѣстѣ широкой Вычегды раскинулось громадное зы-

Благовѣщенскій соборъ въ Сольвычегодскѣ.

Задняя стѣна Сольвычегодскаго собора.

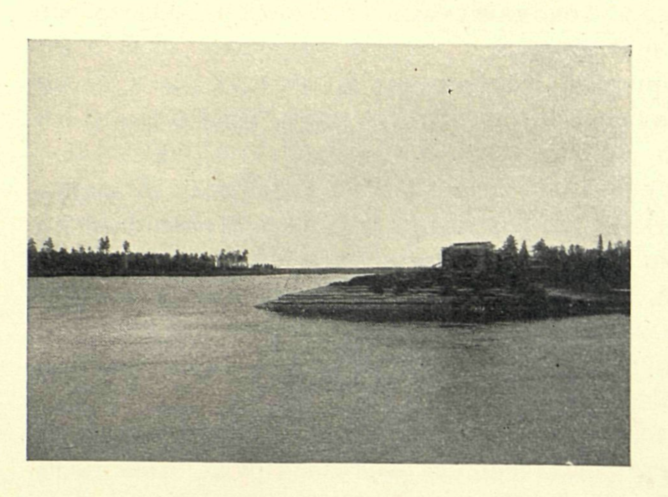
рянское село „Жешартъ“, длинно растянувшееся по довольно отдаленной отъ берега горѣ. Въ этомъ мѣстѣ долина рѣки очень расширяется, горы, ее окаймляющія, разступаются, а на правомъ берегу даже и совсѣмъ уходятъ и теряются въ дали. Противъ этого села Жешартъ пароходъ остановился брать дрова, и мы, выйдя на берегъ, встрѣтили первыхъ въ нашемъ пути зырянъ; вступили съ ними въ разговоры и стали распрашивать о всѣхъ интересующихъ насъ предметахъ, начиная съ языка и кончая ихъ экономическимъ положеніемъ. Оказалось, что мужчины, хотя и не всѣ, большею частью среднихъ лѣтъ и молодые, еще говорятъ по-русски, а женщины, почти ни одна и не понимаетъ, и не говоритъ; одна изъ присутствующихъ, молоденькая дѣвушка, вступила съ нами въ разговоръ и говорила совершенно правильно и хорошо, но она оказалась хотя и жительницей села Жешартъ, но яренской прогимназисткой. Въ разговорѣ съ этими первыми встрѣтившимися намъ зырянами мы и получили первый свой запасъ, надо сказать, очень небольшой, знанія зырянскаго языка; о немъ я скажу потомъ нѣсколько словъ, когда, послѣ бóльшаго знакомства съ этимъ интереснымъ народомъ, буду излагать то впечатлѣніе, какое они произвели на участниковъ нашей экспедиціи.

Здѣсь, на берегу Вычегды между Жешартомъ и близко отъ него лежащимъ селомъ „Гамомъ“, была найдена желѣзная руда, была изслѣдована и оказалась поверхностной, такъ что завода ставить не стоило— руды хватило бы для выработки не надолго. Такъ это дѣло и осталось, но до сихъ поръ еще стоятъ здѣсь заявочные столбы, какъ памятники несостоявшагося промысла.

Впаденіе рѣки Выма съ лежащими около него громаднымъ селомъ „Усть-Вымъ“ и деревней „Вогваздино“ мы проѣхали ночью, а утромъ уже были только въ 30 верстахъ отъ Усть-Сысольска. Съ селомъ Усть-Вымомъ, съ Вогваздинымъ и со всей окружающей мѣстностью намъ пришлось очень хорошо познакомиться впослѣдствіи, когда мы ждали здѣсь нашихъ компаніоновъ по поѣздкѣ на Ухту.

Вычегда къ Усть-Сысольску все такъ же широка и на глазъ совершенно не замѣтно, чтобы она становилась уже; все такъ же идетъ правый низкій берегъ, заросшій, насколько глазъ хватаетъ, небольшимъ лѣсомъ, пустынный и безлюдный, лѣвый нагорный, все еще довольно населенный съ пестрѣющими среди общихъ желтыхъ и лиловыхъ тоновъ весны зеленями у раскинувшихся на полугорѣ деревень и селъ, прорѣзанный оврагами съ бѣлѣющими въ нихъ остатками снѣга. Отъ самой воды полоса песку и у самой у нея кое-гдѣ высятся плотныя, густыя еловыя рощицы. Вычегда красиво заворачивается и за каждымъ поворотомъ видно какъ нагорный берегъ какъ бы обхватываетъ низкій и далеко закрываетъ собою поворачивающую рѣку. Иногда горы перебросятся и на правый берегъ, отрогъ ихъ протянется отъ рѣки куда-то вдаль и пропадетъ на горизонтѣ, сливаясь съ общей полосой безко-

нечнаго лѣса; на горахъ, видно въ бинокль, растетъ сосновый боръ съ бѣлымъ мхомъ. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ селенія все чаще; иногда линія ихъ прерывается и лѣсъ подходитъ къ самой рѣкѣ и опять по берегу потянется ломъ и оборвавшіяся въ воду деревья, а тамъ опять, глядишь, зазеленѣютъ озимыя поля и запестрѣютъ деревушки. На рѣкѣ много песчаныхъ островов, иногда заросшихъ кустами ивы, какъ щетиной, иногда совершенно голыхъ. На низкомъ берегу противъ селеній обращаютъ на себя наше вниманіе какія-то маленькія постройки, не то сараи для сѣна, не то бани, никакъ не опредѣлишь; по распросамъ оказывается, что это по здѣшнему выраженію „коровьи дачи"; около селеній выгоновъ здѣсь нѣтъ, такъ какъ лѣсъ, почти сейчасъ же начинающійся за тянущимися въ одну линію деревнями и селами, сплошь заросшій мхомъ или стоящій на болотѣ, никакого корма скоту дать не можетъ и поэтому весь скотъ съ весны на все лѣто перегоняютъ вплавь на низкій берегъ, гдѣ онъ и питается на подножномъ корму. Въ жаркое время нарождается и плодится такая масса всякаго гнуса, что скоту приходится куда-нибудь спасаться, вотъ его тогда и загоняютъ въ эти самыя дачи. Доить коровъ изъ деревень и селъ ѣздятъ черезъ рѣку два раза въ день на лодкахъ и привозятъ молоко домой.



Старая Вычегда и коровьи дачи.

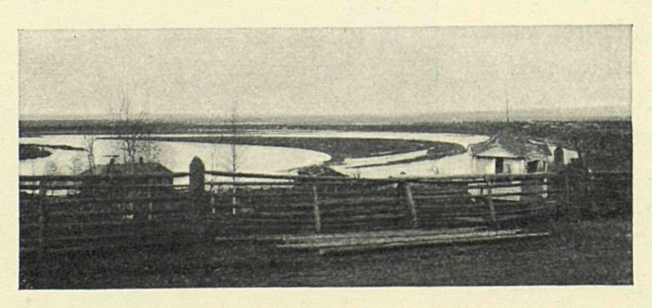
Верстъ за 12 до Усть-Сысольска горы отступаютъ отъ рѣки и до нихъ широкой полосой простирается покрытая лѣсомъ низина; деревни и села, маленькія, маленькія видны вдали за этой низиной по гребню отошедшихъ горъ; Вычегда круто заворачиваетъ направо, образуя посрединѣ большой песчаный островъ, заросшій густымъ лѣсомъ, а сама рѣка идетъ въ этомъ мѣстѣ двумя рукавами, подмывая правый берегъ, въ который съ разбѣга упирается на заворотѣ. Тутъ берега совершенно пустынные; горы, отойдя отъ рѣки, увели съ собой и человѣка, а на мѣсто полей, лужковъ и человѣческаго жилья сомкнулся опять безконечный лѣсъ. Горы уже поворотили и пошли по лѣвому же берегу рѣки Сысолы, впадающей здѣсь въ Вычегду, а по ихъ гребню такъ и идутъ одна за другой деревушки, и какъ бы продолженіемъ ихъ является и самый городъ Усть-Сысольскъ. Хотя онъ и называется Усть-Сысольскъ, но стоитъ онъ не при устьѣ Сысолы, а верстахъ въ трехъ

отъ него на лѣвомъ берегу ея, растянувшись по пологимъ скатамъ на 4 версты, вглубь же отъ рѣки идетъ очень неширoко; къ городу приписано нѣсколько деревень съ концовъ его, почему онъ и вышелъ такимъ длиннымъ. Общій видъ его съ рѣки ничего изъ себя не представляетъ; тѣ постройки, которыя даютъ впечатлѣніе города, издали не видны, а узнаешь, что тутъ городъ, только по скопленію церквей; когда же подъѣдешь поближе, становятся видны и взбѣжавшая отъ рѣки въ гору широкая, чистая и сухая улица и возвышающееся на площади очень крупное и недурной архитектуры доминирующее надъ всѣми постройками города духовное училище, и каменная каланча, и соборы, словомъ, впечатлѣніе получается какъ отъ города, и впечатлѣніе не плохое, а при ближайшемъ знакомствѣ съ городомъ оно дѣлается, пожалуй, и еще лучше. Во всякомъ городѣ есть чѣмъ коренной обитатель его гордится и что непремѣнно желаетъ показать всякому пріѣзжему; часто, и даже въ большинствѣ случаевъ, это бываютъ какія-либо дорогія сердцу обывателя по тѣмъ или другимъ причинамъ зданія, въ большихъ городахъ нѣсколько, въ малыхъ и одного достаточно; пріѣдете въ Москву, непремѣнно москвичъ спроситъ васъ: „видѣли ли Храмъ Спаса или верхніе ряды, были ли въ Сандуновскихъ баняхъ?“ Въ Петербургѣ придется отвѣчать: видѣли ли Исаакія, дворцы? Вологжане гор-

Усть-Сысольскъ.

Усть-Сысольскъ.

дятся громаднымъ своимъ зданіемъ гостинницы „Золотой Якорь". Тотьмякъ поинтересуется знать, замѣтили ли вы ремесленное училище, житель Сольвычегодска распроситъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на васъ соборомъ, монастыремъ, зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, а усть-сысольцу непремѣнно вы дадите отчетъ, не проглядѣли ли вы зданія духовнаго училища. Оно и составляетъ центръ города—высокое, каменное, 3-хъ этажное съ колоннами, съ садомъ около него и съ обширной площадью передъ нимъ. Отъ пристаней мимо него идетъ широкая поперечная улица до Стефановскаго собора очень недлинная, а за соборомъ уже пойдутъ кусты и лѣсъ такъ, что шириною городъ очень узокъ, но длиненъ ужасно. Достопримѣчательностей никакихъ, чего-нибудь такого, что составляло бы особенное производство Усть-Сысольска, не имѣется. Въ уѣздѣ же имѣются расположенные по рѣкѣ Сысолѣ желѣзодѣлательные заводы Нювчимскій, Кайгородскій и Кажемскій, чугунное литье съ которыхъ, очень недурное и весьма доступное по цѣнѣ, можно достать въ Усть-Сысольскѣ. Усть-Сысольскъ—столица всего Зырянскаго края, и какъ столица, онъ, конечно, послѣ Устюга лучшій изъ уѣздныхъ городовъ губерніи; жителей въ немъ 4.400, а уѣздъ его прямо колоссаленъ—148.775 кв. верстъ и граничитъ съ Вятской, Пермской, Архангельской губерніями и Сибирью, доходя до самаго Урала, но на всю эту громадную площадь приходится только 90 т. жителей, вкрапленныхъ по рѣкамъ въ эту обширнѣйшую лѣсную пустыню—общая картина нашего сѣвера,—страны богатѣйшей, но всѣ богатства которой лежатъ до сихъ поръ безъ всякаго движенія, какъ будто они никому и не нужны. Усть-Сысольскъ городъ молодой, учрежденъ при открытіи Вологодскаго намѣстничества въ 1780 году изъ бывшей на его мѣстѣ Усть-Сысольской слободы. Расположился онъ на лукѣ, которую дѣлаетъ тутъ Сысола, и изъ города открывается превосхо́дный видъ на безконечные лѣса съ извивающеюся по нимъ Вычегдой, которая то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ проблескиваетъ среди нихъ серебромъ, а подъ горой крутой изгибъ Сысолы, съ островомъ по серединѣ ея, заросшимъ лѣсомъ и кустами, и подковой обогнулъ луку эту городъ. Ширина вида ужасная, впечатлѣніе, производимое имъ, уныло, такъ все пустынно, безлюдно, заброшено.



Видъ на Сысолу изъ Усть-Сысольска.

Глава III.

Вычегда.—Усть-Куломъ.—Ульяновскій монастырь.—Усть-сысольскіе лѣса и лѣсничества.

Изъ Усть-Сысольска составъ нашей экспедиціи увеличился, и мы отправились далѣе, вмѣстѣ съ присоединившимися къ намъ лѣснымъ ревизоромъ Ф. А. Лабурцевымъ и лѣсничимъ Небдинскаго лѣсничества В. И. Леванда, въ раіонѣ лѣсничества котораго и находится рѣка Вишера. Онъ потомъ и во всемъ путешествіи по этой рѣкѣ былъ нашимъ спутникомъ.

За Усть-Сысольскомъ Вычегда уже значительно менѣе населена и чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлается пустыннѣе и пустыннѣе. Берега становятся довольно низкими, сплошь заросшими лѣсомъ; здѣсь верстъ на 20 отъ берега лѣсъ плохой. Для насъ, жителей мѣстъ гораздо менѣе лѣсистыхъ, и этотъ лѣсъ казался бы, конечно, очень хорошимъ, но здѣсь лѣса расцѣниваются не такъ,—имѣютъ цѣнность только годные въ распиловку, т. е. для отправки за границу, остальное же все не имѣетъ почти никакой цѣны. Вотъ такихъ-то пиловочныхъ лѣсовъ верстъ на 20 отъ береговъ уже нѣтъ. Общій характеръ лѣса таковъ, что отъ берега идетъ сухая полоса отъ 2 и до 20 верстъ шириною, а дальше болота, болота и болота; выдастся гдѣ мѣсто повыше и посуше и тутъ растетъ хорошій лѣсъ, а потомъ опять пошло болото, и такъ безъ конца по всей этой огромной лѣсной территоріи; поэтому и получается, что при такомъ колоссальномъ запасѣ лѣса, какъ въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, все-таки можно считать, что лѣса немного, т. е. именно пиловочнаго, имѣющаго извѣстную цѣнность, все же остальное при настоящемъ положеніи вещей, при отсутствіи путей сообщенія и пр., не имѣетъ никакой цѣны, потому что сейчасъ дѣвать его некуда.

Громадныя лѣсныя площади раздѣлены и на громадныя лѣсничества; напр. Небдинское лѣсничество въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ заключаетъ въ себѣ ни много, ни мало 1.105.000 десятинъ, а Печерское—около 5 милліоновъ десятинъ. Положеніе такихъ огромныхъ лѣсничествъ является поневолѣ таковымъ: лѣсничій, долженъ, конечно, знать

свое лѣсничество, знать гдѣ какой лѣсъ есть, гдѣ можно лѣсъ отпустить на сплавъ, какимъ образомъ отвести дѣлянки, однимъ словомъ, вести лѣсное хозяйство въ своемъ лѣсничествѣ. Онъ долженъ самъ отвести дѣлянку, онъ долженъ наблюдать за правильностью рубки проданнаго лѣса, долженъ убѣдиться лично, что всѣ условія рубки покупщикомъ выполнены, лично пересчитать на вырубкѣ всѣ пни, лично освидѣтельствовать лѣсъ на катищѣ; долженъ слѣдить за сохраненіемъ лѣса, вести сложную канцелярію, и еще много другихъ обязанностей лежитъ на немъ. Все это было бы хорошо, если бы лѣсничество можно было измѣрять хотя бы десятками тысячъ десятинъ, но не милліонами же.

Въ разговорахъ съ Владиміромъ Ивановичемъ Леванда мы очень часто упоминали о томъ, что въ его лѣсничествѣ милліонъ десятинъ, но онъ каждый разъ поправлялъ насъ: „позвольте, не милліонъ, а милліонъ 105 тысячъ. Такую прибавку откидывать нельзя, ея одной хватитъ на большое лѣсничество". И дѣйствительно, видя одно лѣсничество въ 1.105 т., другое въ 5 милліоновъ, масштабъ такъ расширяется, что прибавка въ сотню тысячъ десятинъ начинаетъ казаться пустячною. Если, я говорю, лѣсничество не измѣряется милліонами десятинъ, подъ рукою у васъ достаточное количество стражи, если лѣсничество изрѣзано дорогами, да еще можно пролетѣть его изъ конца въ конецъ въ вагонѣ желѣзной дороги,—конечно, всѣ обязанности, возложенныя на лѣсничаго, могутъ быть выполнены. Ну, а какъ онѣ выполняются при здѣшнихъ условіяхъ—трудно себѣ представить; въ Небдинскомъ лѣсничествѣ на площадь 1.105.213 десятинъ 10 лѣсниковъ, на каждаго, слѣдовательно, приходится примѣрно 110 т. десятинъ и это называется „обходомъ". Не скоро и не часто такой обходъ обойдешь. Путей сообщенія—только вода, на лодочкѣ, гдѣ на веслахъ, гдѣ шестомъ попихаться, а гдѣ за веревку съ берега протащатъ, частенько же приходится пошлепать, натянувъ бахилы, и по образу пѣшаго хожденія по болотамъ какими-нибудь тропами, перескакивая съ кочки на кочку или проваливаясь между ними по колѣно въ жидкую грязь. Разстоянія же весьма солидныя; лѣсничество къ сѣверу по прямой линіи тянется на 150 верстъ, а по рѣкамъ и рѣчкамъ, да тропами куда больше наберется. Сколько же времени надо потратить на такое путешествіе для отвода дѣлянки, а потомъ придется еще такое же сдѣлать пенья считать, а на слѣдующей дѣлянкѣ опять надо то же продѣлать и канцелярію вести надо въ то же время, да и лѣсъ свой изучать. Недаромъ казенные лѣса въ нашей губерніи приносятъ съ десятины около 5 коп. дохода. Слѣдствіемъ такой постановки дѣла и является, что лѣсовъ-то этихъ и всѣхъ тѣхъ неизмѣримыхъ богатствъ, которыя эти мохнатые, мрачные, древніе лѣса скрываютъ, никто и не знаетъ и не изучаетъ.

Извѣстно, что въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ и золото есть, и колчеданы, и мѣдь, и каменный уголь, но гдѣ все это, въ какомъ количествѣ, стоитъ ли разработки—это извѣстно одному Богу; только рѣдко

какъ-нибудь случайно узнается что-нибудь, да и то только для того, чтобы и остаться этому свѣдѣнію достояніемъ нѣсколькихъ лицъ.

Вычегда по мѣрѣ удаленія отъ Усть-Сысольска становится поуже, но все еще очень широка, съ низкими песчаными берегами. Вишера впадаетъ съ праваго берега и у устья ея мы останавливаемся у деревни Вомынъ и осматриваемъ приготовленныя для предстоящаго по ней путешествія лодки; онѣ оказываются крытыя и, какъ кажется, будутъ весьма удобны. Мы пробуемъ каковы онѣ на водѣ, не валки ли, глубоко ли сидятъ, намѣчаемъ какую кому взять. П. В. Ведровъ, какъ страстный охотникъ, въ крытой лодкѣ не собирается ѣхать, а хочетъ купить себѣ челнокъ и въ немъ ѣхать впереди каравана, чтобы стрѣлять утокъ, громадныя стада которыхъ все время поднимаются впереди нашего парохода. Конечно, вокругъ насъ собирается толпа народа — и мужчины, и бабы, съ любопытствомъ насъ разглядывающая. Бабы ни одна и не понимаетъ, и не говоритъ по-русски, изъ мужчинъ нѣкоторые говорятъ, хотя въ большинствѣ случаевъ весьма плохо, такъ что не все и поймешь.

Оригинальная особенность въ поляхъ насъ поразила: вдоль каждой полосы разставлены еловые колья съ необрубленными сучьями, такъ, что въ полѣ образуются изъ нихъ цѣлые ряды; долго мы не могли добиться, что это значитъ, но наконецъ изъ очень непонятныхъ объясненій зырянъ поняли, что хлѣбъ здѣсь вызрѣваетъ поздно, когда хорошая погода уже кончается и начинаются дожди. Тогда на эти еловые остовы и вѣшаютъ снопы для просушки.

За Вомыномъ ѣдемъ среди невысокихъ песчаныхъ береговъ, коегдѣ подмытыхъ и съ залегающимъ во многихъ мѣстахъ подъ пескомъ торфомъ, обнажающимся на этихъ подмытыхъ обрывахъ. Лѣвый берегъ даетъ песчаныя отмели и рѣка становится значительно мельче, иногда уже приходится и промѣрять. У села Подъельскаго, до котораго отъ Усть-Сысольска 109 верстъ, рѣка дѣлаетъ страшную дугу такъ, что начало и конецъ ея почти сходятся и на самой серединѣ этой луки крутится очень извѣстный мѣстнымъ жителямъ водоворотъ, котораго они, какъ кажется, весьма побаиваются; здѣсь Вычегда измѣнила свое теченіе и идетъ по новому руслу, а старое подъ названіемъ „Старая Вычегда“ образуетъ какъ бы рукавъ весною, лѣтомъ же глухой заливъ, а между нею и ходовой Вычегдой образуется островъ, а лѣтомъ полуостровъ, длиною 8 верстъ, представляющій изъ себя прекрасные сѣнокосы; вообще по Вычегдѣ въ этой части ея теченія сѣнокосныхъ земель очень много, хотя, конечно, для того, чтобы обратить ихъ въ сѣнокосы требуется немало раздѣлки, но надо сказать, что тамъ, гдѣ зыряне хотя немного прикладываютъ труда къ окружающимъ ихъ лѣсамъ, вездѣ они устраиваются очень хорошо.

Картофель здѣсь родится прекрасно благодаря песчаному грунту, рожь даетъ очень хорошіе урожаи, также и ячмень, овесъ родится

самъ 7—8, но сѣется въ очень малыхъ количествахъ. Климатъ тутъ довольно хорошій, ровный, совсѣмъ не то, что на Печорѣ, гдѣ зимою въ нѣсколько дней успѣютъ быть по нѣскольку разъ и оттепели, и морозы до 40°, а ровность-то климата именно и дѣлаетъ то, что произрастаніе хлѣбовъ здѣсь вообще хорошо. Унаваживаютъ землю очень обильно, состоятельные зыряне, держащіе довольно скота, вывозятъ по разсчету до 5 т. пудовъ навоза на десятину, зато и бываютъ на такихъ поляхъ урожаи ржи самъ 20, а иногда, при особенно благопріятныхъ условіяхъ, и самъ 30.

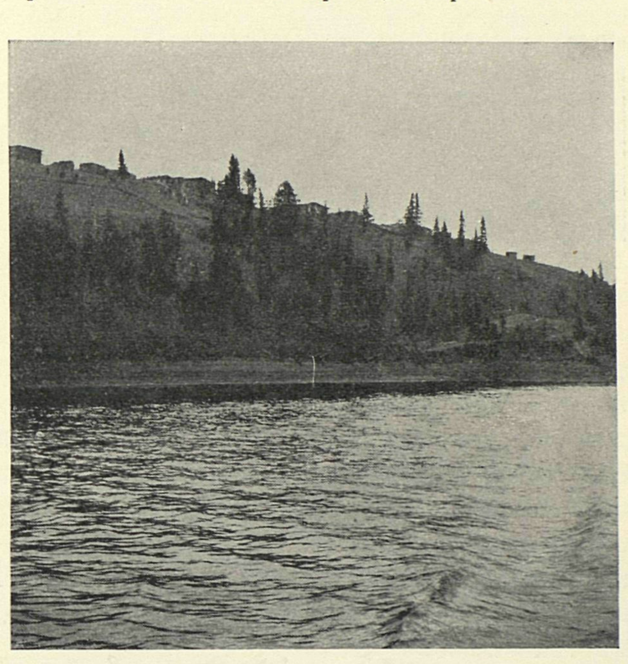
Не такъ давно еще практиковалось здѣсь въ широкихъ размѣрахъ подсѣчное хозяйство и на подсѣки выдавалось въ лѣсничествѣ очень много билетовъ, но теперь выдача этихъ билетовъ мало по малу сокращается и, какъ кажется, будетъ совершенно прекращена, въ виду того, что подсѣчное хозяйство, весьма выгодное для крестьянъ, дѣлающихъ подсѣки въ казенныхъ лѣсахъ, очень невыгодно для собственника лѣсовъ—казны, такъ какъ лѣсъ подсѣками страшно портится и на много лѣтъ на ихъ мѣстѣ образуются пустыри, по которымъ и узнаются мѣста старыхъ подсѣкъ. Конечно, это въ томъ случаѣ, если подсѣка забрасывается; но она можетъ быть обращена и въ сѣнокосъ, но въ смыслѣ лѣсного хозяйства она и въ томъ, и въ другомъ случаѣ лѣсъ портитъ. Объ урожаяхъ на подсѣкахъ мы много распрашивали, такъ мало вѣрилось намъ въ то, что мы о нихъ слыхали, но всѣ свѣдѣнія наши сходятся на томъ, что въ первый годъ подсѣка даетъ урожай въ самъ 60—80, на второй самъ 10—12, на третій уже забрасывается. Урожай перваго года, конечно, поражаетъ своею цифрой и кажется мало вѣроятнымъ, но оказывается, что и у Рума *), въ его изслѣдованіяхъ юго-восточной части Усть-Сысольскаго уѣзда, свѣдѣнія о такихъ урожаяхъ на подсѣкахъ тоже встрѣчались и даже до самъ 100; онъ также отнесся къ этимъ цифрамъ скептически и старался установить цифру урожайности подсѣкъ на первомъ году путемъ опросовъ, результатомъ чего явилась у него цифра самъ 45, но онъ все-таки говоритъ, что нѣтъ основанія отрицать возможность урожая въ самъ 100, каковая цифра была указана ему для Керчемской волости ея жителями и уѣзднымъ агрономомъ. Наши же свѣдѣнія всѣ безъ исключенія говорили объ урожаяхъ въ самъ 60—80, а собраны они въ разныхъ мѣстахъ и отъ самыхъ разнообразныхъ лицъ.

Безъ подсѣкъ, пожалуй, зырянамъ придется и плоховато; своего хлѣба, вѣроятно, имъ не хватитъ, по крайней мѣрѣ жалобы на то, что пахотной земли у крестьянъ мало, намъ пришлось слышать буквально вездѣ и ото всѣхъ, кого бы мы ни стали распрашивать. Казна облегла крестьянъ со всѣхъ сторонъ и они здѣсь нигдѣ еще не надѣлены землей, а только пользуются ею на казенно-крестьянскихъ дачахъ;

---

*) Л. Рума. Къ вопросу о колониз. пригодн. Лѣтскаго и Ношульскаго лѣсничествъ.

спора нѣтъ, что эти дачи даютъ крестьянамъ возможность существовать на очень удобныхъ условіяхъ, давая имъ землю для пашни, отпуская очень выгодно лѣсные матеріалы, выдавая за ничтожную плату разрѣшенія на разработку земель изъ-подъ лѣса, но главное зло этого неустройства заключается въ томъ, что у крестьянина нѣтъ ничего своего и онъ никогда не имѣетъ увѣренности, что у него не отнимутъ съ великими трудами сдѣланнаго руками его или его предковъ. Изъ этихъ дачъ отпускаются крестьянамъ лѣсъ и дрова, напр. на такихъ условіяхъ: бревно 10 ар. 5 вер. отпускается за 20 коп., а по прошенію по какому-нибудь особому случаю и за 5 коп.; выстроить домъ надо 400 такихъ бревенъ, такъ что эти 400 бревенъ обойдутся всего въ 80 руб. За всѣ сѣнокосы по рѣкѣ они платятъ въ казну аренду, надо сказать, очень умѣренную. Но во всякомъ случаѣ повсемѣстныя жалобы на недостатокъ собственной земли, наблюдающееся всюду нежеланіе раздѣлывать лѣса подъ культурныя земли, неувѣренность во владѣніи результатами своихъ трудовъ заставляютъ подумать о необходимости скорѣйшаго устройства здѣшнихъ крестьянъ.



Деревня Кужба на р. Вычегдѣ.

Чѣмъ дальше ѣдемъ вверхъ по Вычегдѣ, тѣмъ меньше и меньше попадается человѣческаго жилья; дичь страшная, лѣсъ глухой, ломный, непроходимый, подступивъ съ обоихъ береговъ, сдавилъ рѣку и она, раньше величавая и красиво изгибавшаяся, съ длинными плесами, съузилась и стала извиваться по нему, какъ бы выискивая мѣсто гдѣ бы ей пробить его неприступную, таинственную глубину. Иногда попадется боръ, а тамъ опять лѣсъ ломный, гдѣ частый, гдѣ порѣже; по берегу все песокъ да изрѣдка пойдетъ полоса торфа, котораго здѣсь, вѣроятно, неисчерпаемыя богатства.

Наконецъ, проѣхавъ нѣсколько селъ, очень рѣдко расположенныхъ, подъѣзжаемъ къ Усть-Куломy, конечному пункту нашего путешествія по Вычегдѣ, 1.218 верстъ отъ Вологды. Усть-Куломъ въ переводѣ съ зырянскаго языка значитъ: начало, преддверіе смерти. Дѣй-

ствительно, прежде это было послѣднее человѣческое жилье; за нимъ до самаго Урала шла совершеннѣйшая пустыня, и рискнувшій идти дальше за Усть-Куломъ совершенно не былъ уже гарантированъ отъ смерти въ этой пустынѣ — нежданной и случайной; теперь и за Усть-Куломомъ есть хотя рѣдкія, но большія села и по Печорѣ народъ живетъ, даже кое-гдѣ и дороги есть.

С. Усть-Куломъ.

Самый Усть-Куломъ есть громадное, съ двумя церквами, изъ которыхъ одна очень большая, село, тянущееся по берегу почти на 4 версты. Населеніе, конечно, исключительно зырянское, кромѣ нѣкоторыхъ служащихъ лицъ, имѣющихъ здѣсь свои квартиры— земскаго врача, при выстроенной здѣсь земской больницѣ, послѣдняго врача по направленію къ Уралу,—а весь огромный Печорскій край уже обходится безъ врачебной помощи, кромѣ тѣхъ по необходимости рѣдкихъ случаевъ, когда на Печору проѣзжаетъ усть - куломскій врачъ,—земскаго начальника и другихъ.

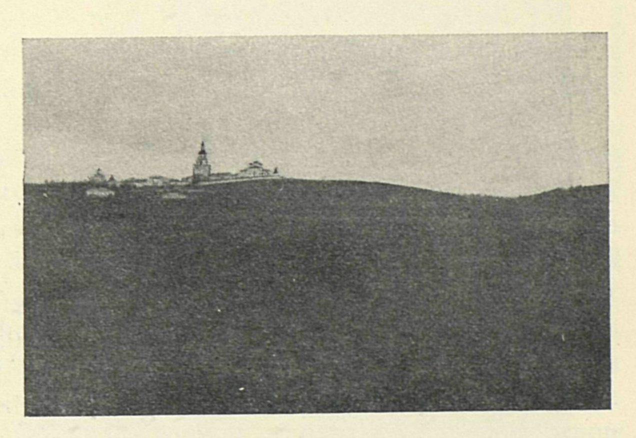
С. Усть-Куломъ.

Зырянки, какъ и раньше, ни одна почти не говоритъ по-русски; тѣ же типичныя постройки, которыя такъ непривычны были намъ сначала и теперь нисколько насъ не удивляютъ, та же широта между постройками, которую такъ любятъ зыряне. Непривычнымъ и новымъ для насъ были своеобразные зырянскіе колодцы, увидѣнные нами въ Усть-Куломѣ въ первый

разъ: изъ земли довольно высоко торчитъ просверленное дерево, какъ столбъ, а изъ него достаютъ воду длиннымъ шестомъ, на концѣ котораго прикрѣпленъ небольшой буракъ изъ бересты, по-здѣшнему „туисъ“, странный способъ—до послѣдней степени примитивный; туисъ очень невеликъ, и чтобы наполнить ведро приходится вытаскивать его не одинъ разъ, но способъ этотъ оправдывается тѣмъ, что въ этихъ узкихъ трубахъ вода не мерзнетъ и при здѣшнихъ морозахъ.

Здѣсь мы встрѣтили мѣстнаго земскаго начальника г. Красногорскаго, человѣка очень интересующагося возможностью раціональнаго сельскаго хозяйства въ данной мѣстности; оказалось, что онъ дѣлалъ опыты посѣва клевера около Усть-Кулома; первые изъ нихъ не были удачны, но потомъ, когда имъ были выбраны для посѣвовъ подходящія мѣста—результаты получились очень хорошіе; онъ засѣвалъ небольшую площадь и получалъ съ нея такой сборъ, что по разсчету съ десятины получалось бы 350 пудовъ; во всякомъ случаѣ по этимъ свѣдѣніямъ можно установить, что культура клевера тутъ возможна. Онъ же сообщилъ намъ, что въ селѣ Вомынъ на Вычегдѣ крестьяне уже не одинъ годъ сѣютъ клеверъ и результаты получаютъ хорошіе; возможность культуры клевера мы предполагали и раньше, находя дикій клеверъ при остановкахъ на пригрѣтыхъ солнышкомъ и чуть зазеленѣвшихъ мѣстахъ по берегамъ Вычегды.

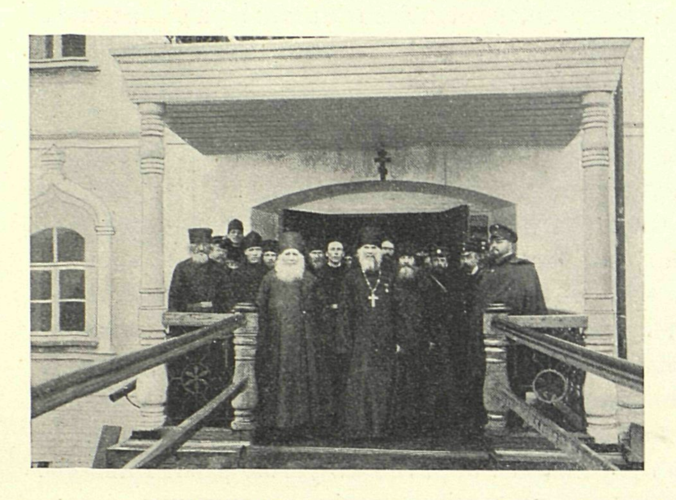
Изъ Усть-Кулома мы отправились обратно къ устью рѣки Вишеры. Погода, начавшая хмуриться еще при отправленіи, совершенно испортилась, и къ Ульяновскому монастырю, куда мы должны были заѣхать, мы подъѣхали подъ проливнымъ дождемъ. Самый монастырь расположенъ около версты отъ берега на пригорочкѣ, за нимъ безконечный лѣсъ, а отъ рѣки до него очень хорошіе, обширные луга, со стоящими на нихъ длинными рядами остожьевъ, судя по количеству которыхъ можно предположить, что сѣна тутъ обитель собираетъ не мало. Отъ самой рѣки къ монастырю раскинулось довольно длинное озеро.



Ульяновскій монастырь.

Закутавшись въ плащи, мы на поданныхъ къ пристани сытыхъ, приземистыхъ монастырскихъ лошадкахъ лихо покатили черезъ эти луга къ высящимся впереди на горкѣ, закрытымъ сѣткой дождя, бѣлымъ зданіямъ монастыря, а на переѣзъ намъ черезъ ложбинки и

лужи, показывая различную рѣзвость, во всѣ лопатки задувала монастырская молодежь, изъ любопытства, пренебрегши дождемъ, пришедшая на пристань. Такъ везомые въ экипажахъ и сопровождаемые бѣгущими по сторонамъ длинными черными фигурами и вкатили мы въ монастырскія ворота. Монастырь этотъ очень богатый и очень многолюдный, благодаря этому мечтающій, пока всуе, быть ставропигіальнымъ; братіи въ немъ настоящей до 80, а всѣхъ съ послушниками, годовиками и т. п. до 200. Зданія всѣ каменныя, крѣпкія, храмы богатые, но древняго въ немъ ничего нѣтъ, все самое обыденное, самое современное: и образа, писанные видимо недавно, и колокола, и самыя постройки.



Братія Ульяновскаго монастыря.

Ульяновскій монастырь есть отдѣленіе и дѣтище Соловецкаго монастыря, живетъ его жизнью, по его уставу и какъ дѣтище его внесъ въ Вычегодскія пустыни ту же энергію, ту же настойчивость въ трудѣ и то же культурное значеніе, какія съ давнихъ поръ вносятся Соловецкимъ монастыремъ въ пустыни нашего крайняго Сѣвера.

Монастырь, благодаря годовикамъ или трудникамъ, т. е. людямъ, идущимъ въ монастырь по обѣту на извѣстное время, имѣетъ возможность вести довольно обширное хозяйство; онъ держитъ 40 головъ скота холмогорской, но уже выродившейся, породы, что позволяетъ ему обильно унаваживать свои 40 десятинъ пашни, дающей ему очень хорошіе урожаи. По свѣдѣніямъ, даннымъ намъ о. Мельхиседекомъ, однимъ изъ незначительнаго числа 9-ти или 10-ти русскихъ въ числѣ всей зырянской братіи монастыря, урожаи бываютъ ржи до самъ 20, овса до самъ 8. Кромѣ 40 десятинъ пашни, у монастыря 10 десятинъ подъ усадьбой, 60 подъ покосами и 700 лѣсу, а всего у него 815 десятинъ.

Настоятель монастыря во время нашего пріѣзда уѣхалъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, и мы встрѣчены и ознакомлены съ монастыремъ были отцомъ казначеемъ, который, по его разсказамъ, въ дни своей молодости, происходя изъ Ижемскихъ зырянъ, бывалъ на нефтяныхъ мѣстахъ и еще когда Сидоровъ дѣлалъ тамъ свои изысканія, служилъ въ зимнее время караульщикомъ на его промыслѣ и жилъ въ такъ называемой „Сидоровской избѣ“. Характеренъ разсказъ его о томъ,

Видъ на Вычегду съ колокольни Ульяновскаго монастыря.

какъ онъ, будучи промышленникомъ охотникомъ и привыкши бродить въ одиночку по лѣсу всю зиму, нанявшись караульщикомъ, боялся ночью не родного ему мрачнаго, непроходимаго, глухого лѣса, а именно жилья, и такъ жутко становилось ему по ночамъ въ этой избѣ, что онъ не выдерживалъ, выходилъ изъ нея и, разложивши нодью *), ночевалъ гдѣ-нибудь подъ елкой со спокойною душой, такъ боязливо относившейся къ одиночеству въ пустомъ домѣ. Особыхъ свѣдѣнiй о Сидоровѣ и его промыслѣ, чего бы мы не знали уже, мы отъ о. казначея не получили, да и было это уже давненько; видимо ему, занятому теперь сложными своими обязанностями, уже и память не многое сохранила изъ того далекаго времени, когда ему приходилось бродить по нескончаемымъ Ижемскимъ лѣсамъ за бѣлкой или караулить зимою пустую избу, вдали отъ людей, въ полной пустынѣ.

Забрались мы и на колокольню поглядѣть на общiй видъ мѣстности; дождь мелкiй и упорный закуталъ все своей прозрачной дымкой; безъ конца раскинулся передъ нами темный, мокрый, напитанный влагою лѣсъ и нигдѣ, ничего, кромѣ лѣса до самаго горизонта, а по нему извивается неширокая уже здѣсь, бѣлая какъ молоко, безъ блеска, безъ отраженiй Вычегда; мрачно, уныло и поневолѣ закрадывается въ душу стремленiе вырваться отсюда скорѣй, нестись на всѣхъ парахъ по этой Вычегдѣ къ свѣту, теплу, вынырнуть изъ-подъ этого сѣраго, ровнаго, давящаго и сѣющаго дождемъ безпросвѣтнаго облачнаго неба.

Преслѣдуемые опять бѣгущими послушниками, поѣхали мы на пристань, и напутствуемые благословенiями, отправились внизъ по Вычегдѣ, разсчитывая къ вечеру дойти до с. Вомынъ, въ 3-хъ верстахъ отъ устья Вишеры и, переночевавъ тамъ, утромъ 14-мая начать свою поѣздку по этой рѣкѣ.

Остановились за дровами у села Подъельскаго и, конечно, несмотря на дождь, закутавшись въ непромокаемые плащи, вышли посмотрѣть село и, главное, славящiйся на весь округъ лѣсъ около села. Дѣйствительно, великолѣпный сосновый боръ съ бѣлымъ мхомъ на чистомъ пескѣ, дѣлающемъ дорогу сухою даже во время самаго дождя, позволилъ намъ съ удовольствiемъ прогуляться, совершенно забывая барабанящiй по поднятому надъ головой капюшону дождикъ. За селомъ осмотрѣли начатую въ казенномъ лѣсу, на уступленномъ мѣстѣ, постройку земской лечебницы; пока еще только кладутъ фундаментъ, и, по нему судя, лечебница будетъ не маленькая. Встрѣтили мѣстнаго священника и, конечно, поговорили съ нимъ о хозяйственныхъ вопросахъ населенiя и опять слышали, что у населенiя земли мало, своего хлѣба ни при какихъ урожаяхъ хватить не можетъ; казна очень стѣснила, некуда расшириться. Сѣютъ рожь, ячмень, немного льна. Поддерживаютъ еще въ изобилiи растущiя здѣсь ягоды, малина, черная

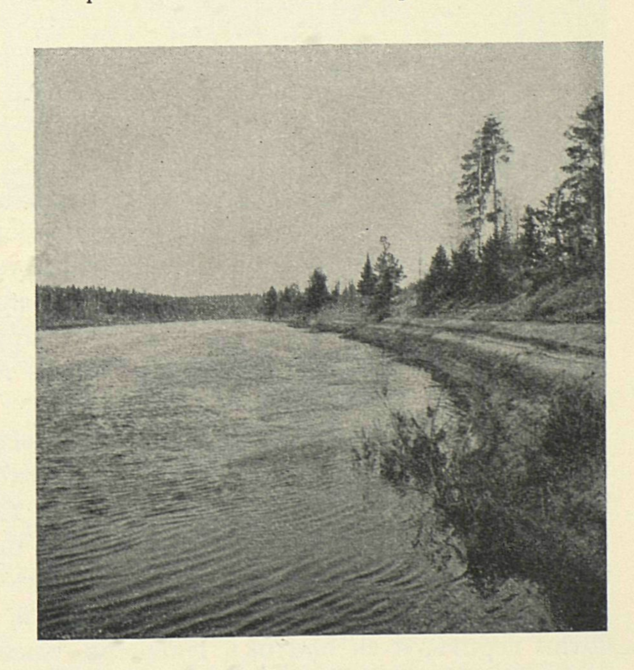
*) Костеръ особаго устройства.

смородина, брусника, а также и грибы, которыхъ около Подъельскаго растетъ множество и слава о которыхъ далеко гремитъ по Вычегдѣ. Пробовали клеверъ одинъ годъ, но неудачно и, кажется, больше пробовать боятся. Казалось бы, чего же проще придти здѣсь на помощь населенію собственникамъ всего этого громаднаго количества земли и лѣсовъ, т. е. казнѣ; управленіе земледѣлія и государственныхъ имуществъ во всеоружіи знанія могло бы имѣть свои опытныя поля, могло бы завести здѣсь правильную культуру и хлѣбовъ и травъ, населеніе легко бы переняло то, что оно воочію бы увидало и поняло бы на дѣлѣ и ему не пришлось бы самому убивать свои послѣднія средства на неудачные часто только по незнанію опыты, при вѣчномъ припѣвѣ: „земли мало, своего хлѣба не хватаетъ"; казалось бы, это было такъ просто и раціонально, а на самомъ дѣлѣ на все дѣло производства опытовъ и проведенія въ жизнь среди населенія началъ раціональнаго хозяйства управленію земледѣлія губерніи, въ которой казенной земли 27 милліоновъ десятинъ, отпускается... 50 руб., т. е. менѣе 2-хъ рублей на милліонъ десятинъ. Сопоставленіе интересное: 27.000.000 десятинъ и для показательной культуры на нихъ дается 50 рублей.

Глава IV.

Вишера, возможность колонизацiи ея бассейна, ея притоки.—Синдорское озеро, путь съ Вишеры до устья Выма.

Вечеромъ дождикъ обратился уже въ снѣгъ и температура понизилась до 0°, но утро обрадовало насъ тепломъ и солнечнымъ свѣтомъ, заливающимъ берега Вишеры, неспокойной, быстро бѣгущей по каменистому руслу. Рѣка достаточно широкая съ берегами того же характера какъ и берега Вычегды, покрытыми сплошь лѣсомъ; отъ воды полоска чистаго мѣста. Лѣсъ отъ краевъ сильно вырубленъ; гдѣ совсѣмъ чистая порубь, гдѣ среди свѣжихъ еще пней все захламощено сучьями, вершинами и корягами. Главное вниманiе наше сосредоточивается, конечно, на той узкой береговой полосѣ, которая по какой-нибудь причинѣ, раздѣлана ли она была руками человѣческими, естественно ли оголилась отъ лѣса, но теперь представляетъ сѣнокосъ или занята какою-нибудь культурою. Только по этой полосѣ и можно себѣ составить понятiе о томъ, что могутъ дать здѣшнiя мѣста, освобожденныя изъ-подъ лѣса.



Вишера 30 в. отъ устья.

Рѣка Вишера въ дальнѣйшемъ ея теченiи за послѣднимъ человѣческимъ жильемъ протекаетъ по совершенно безлюдной мѣстности верстъ болѣе 200, имѣя массу притоковъ съ обѣихъ сторонъ, изрѣзы-

вающихъ все это огромное пространство; съ сѣвера почти отъ ухтинскаго раіона прорѣзаетъ ту же территорію рѣка Нившера, впадающая въ Вишеру верстахъ въ 100 отъ устья послѣдней, также съ многочисленными притоками съ обѣихъ сторонъ и еще имѣющая значеніе потому, что по ней есть залежи сѣрнаго колчедана, особенно богатыя около самаго Нившерскаго погоста. Насколько намъ было извѣстно, по Нившерѣ и Вишерѣ въ тѣхъ частяхъ ихъ теченія, на которыхъ есть поселенія, имѣются славящіеся на всю округу сѣнокосы, о которыхъ мы слышали еще въ Яренскѣ; хлѣбныя сѣмена съ Вишеры имѣютъ особо хорошую репутацію и ихъ съ охотою покупаютъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей. Всѣ эти свѣдѣнія во всякомъ случаѣ указывали на какія-то благопріятныя условія на Вишерѣ для сельскаго хозяйства и на возможность колонизаціи этого огромнаго, пропадающаго нынѣ совершенно задаромъ края; на возможность колонизаціи его указывалъ и такой знатокъ нашего Сѣвера, какъ О. В. Маркграфъ, говорившій, что не слѣдуетъ смущаться ни глухими лѣсами, ни мхами, ни болотами, что стоитъ только вычистить мохъ и вырубить лѣсъ и пойдутъ сейчасъ же на этихъ мѣстахъ прекрасные сѣнокосы; мы впослѣдствіи убѣдились въ глубокой правотѣ его словъ, о чемъ я скажу ниже; такимъ образомъ бассейнъ Вишеры представлялъ для насъ особый интересъ именно съ колонизаціонной точки зрѣнія, имѣющей въ настоящее время такое огромное значеніе въ общемъ положеніи Россіи, а здѣсь, кромѣ того, значеніе колонизаціи еще болѣе повышалось вслѣдствіе близкаго сосѣдства къ данной мѣстности бассейна Ухты, которому, вѣроятно, предстоитъ съиграть самую крупную роль въ дѣлѣ колонизаціи сѣвера Россіи; намъ и было необходимо лично увидѣть, что представляетъ изъ себя этотъ край, дѣйствительно ли онъ въ состояніи будетъ дать человѣку возможность поселиться здѣсь и устроиться.

Верстахъ въ 30 отъ устья деревня Ивановская около 50 дворовъ, а за ней большое село Большелугъ; по берегу все время до села Богородскаго, дальше котораго по Вишерѣ уже жилья не будетъ, идетъ земскій трактъ, на которомъ и расположились и Ивановское и Большелугъ на разстояніи 4 верстъ другъ отъ друга, рѣкою же между ними верстъ 12. Въ обѣихъ деревняхъ мы въ первый разъ замѣчаемъ посаженные у домовъ кедры.

Пароходъ идетъ Вишерой самымъ тихимъ ходомъ, машины едва попыхиваютъ, дымъ чуть вьется надъ трубой; рѣка мало извѣстна, а лоцманъ весьма остороженъ, каменистое дно ея и небольшая глубина поневолѣ заставляютъ идти съ большой оглядкой. До сихъ поръ мы плыли по Вычегдѣ, рѣкѣ хотя и никѣмъ не изслѣдованной, но уже опытнымъ путемъ признанной судоходной, Вишера же, тянущаяся на сотни верстъ, и ея притокъ Нившера, также въ сотни верстъ длиною, совершенно неизвѣстны ни съ какой стороны: можетъ ли идти паро-

ходъ по нимъ, далеко ли возможно проѣхать—это никому не извѣстно. Капитанъ нашего парохода съ большимъ сомнѣніемъ уступилъ настояніямъ войти въ Вишеру и плыть по ней, опасаясь за свой пароходъ въ виду полной неизвѣстности рѣки. А надо замѣтить, что Нившера истоками своими весьма близко, кажется, подходитъ къ Ухтинскому нефтеносному району и изслѣдованіе ея, какъ возможнаго въ будущемъ пути туда, должно имѣть очень важное значеніе.

Берега песчаные, сама Вишера сильно извивается; правый берегъ во многихъ мѣстахъ подмытъ, а съ лѣваго все время тянутся песчаные наносы; частенько, гдѣ песокъ далеко вдается въ воду, раздаются коротенькіе свистки и вахтенный бѣжитъ на носъ, хватаетъ наметку и начинаетъ забрасывать ее съ монотоннымъ выкрикиваніемъ глубины; но въ большинствѣ глубина оказывается довольно солидной — аршина 3 и 4, конечно, это только теперь при весенней водѣ.

Впаденіе Нившеры въ Вишеру.

Такимъ образомъ доходимъ до села Богородскаго, не доѣзжая котораго съ версту, въ Вишеру впадаетъ Нившера; Богородское очень большое село съ приземистыми, въ безпорядкѣ разбросанными многочисленными домами, длинными улицами и закоулками между ними, съ земской почтой и волостнымъ правленіемъ. Тутъ была устроена торжественная встрѣча съ поднесеніемъ хлѣба-соли, тріумфальной аркой съ надписью отъ рѣки „добро пожаловать“, а со стороны села „счастливый путь“. Конечно, все село сбѣжалось на пристань, какъ говорится, и старъ и младъ. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть губернатора, о которомъ только слыхали, какъ о комъ-то далекомъ и недосягаемомъ, и вдругъ онъ самъ пріѣхалъ сюда, въ это заброшенное въ сплошную пустыню село, можно его видѣть и убѣдиться, что губернаторъ дѣйствительно существуетъ, а не есть какая-то фикція, которой только пугаютъ въ случаѣ нужды. Вѣроятно, огромныя разстоянія губерніи и неудобства путешествія дѣлали то, что до сихъ поръ ни одинъ губернаторъ не заворачивалъ съ Вычегды на Вишеру. Въ Богородскомъ мы не долго

Вишера 40 в. отъ Богородскаго.

задерживаемся и, не рѣшаясь въ виду полной неизвѣстности рѣки настаивать, чтобы пароходъ шелъ еще дальше, вскорѣ же, нагрузивъ въ лодки свои запасы и пожитки, начинаемъ свое лодочное путешествіе вверхъ по Вишерѣ.

Интересное чувство пришлось испытать намъ впервые: мы совершенно оторвались ото всего, отъ всей жизни, и теперь нашъ караванъ представлялъ собою особый міръ, совершенно не связанный ничѣмъ съ оставленнымъ позади; ни почтъ, ни телеграфовъ, ни даже дорогъ впереди; если бы понадобилось что-нибудь дать знать экспедиціи, и это не могло бы быть сдѣлано, такъ какъ единственный путь, по которому можно было до насъ добраться—это рѣка, но выѣхавшій позже ѣхалъ бы, не имѣя возможности догнать насъ до тѣхъ поръ, пока мы не остановились бы или не вернулись.

Медленно подвигаемся мы на веслахъ противъ довольно быстраго теченія; рѣка сильно извивается въ довольно крутыхъ сдавливающихъ ее берегахъ, но, несмотря на крутизну ихъ, глубина ея очень незначительна и, какъ говорятъ везущіе насъ зыряне, лѣтомъ она бываетъ всего отъ 1/2 до 1 аршина. Берега сплошь заросли лѣсомъ; ель, сосна и въ незначительномъ количествѣ береза заслонили все кругомъ. Въ 10 верстахъ примѣрно отъ Богородскаго съ правой стороны впадаетъ рѣчка Ковь-ю, и Вишера, имѣвшая направленіе отъ Богородскаго на З и СЗ, круто измѣняетъ свое направленіе на С. Берега все время идутъ довольно высокіе, отъ самой воды неширокая полоса покоса, на которой во многихъ мѣстахъ видны остатки стоговъ непривычной для нашихъ глазъ конструкціи: ставится по кругу нѣсколько кольевъ и между ними накладывается сѣно цилиндромъ. Эта полоса покосовъ, шириною гдѣ въ нѣсколько саженъ, а гдѣ и въ нѣсколько десятковъ саженъ, не представляетъ собою раздѣланнаго изъ-подъ лѣса мѣста, а есть естественныя, лишенныя лѣса пространства, иногда при впаденіи ручья или рѣчки, иногда безъ всякихъ видимыхъ причинъ лѣсъ не растетъ на ней и только въ рѣдкихъ случаяхъ она образовалась изъ

старыхъ вырубокъ. Тѣ травы, которыя можно было на этой полосѣ увидѣть, въ большей части, конечно, прошлогоднія, такъ какъ новой травы почти не видно еще, не представляютъ никакой разницы съ травами луговъ южныхъ уѣздовъ губерніи; одно только невольно бросается въ глаза—это масса вылѣзающихъ всюду красныхъ еще піоновъ; ихъ мы потомъ встрѣчали на всѣхъ берегахъ рѣчекъ, по которымъ намъ приходилось ѣхать, въ огромномъ количествѣ; всѣ сѣнокосы покрыты ихъ красивыми ажурными кустами. За полосой покоса сейчасъ же глухой, ломный лѣсъ и въ большинствѣ болото; далеко ли тянется болото—въ иныхъ случаяхъ сказать трудно, но часто оно имѣетъ ширину всего въ нѣсколько саженъ и тянется узкой полоской вдоль берега, а за нимъ идетъ подъемъ и сухое мѣсто, заросшее хотя мхомъ, но не лишенное уже вовсе травы, а чуть гдѣ проглянетъ полянка, сейчасъ же и встрѣтишь нѣсколько обыкновенныхъ породъ лѣсныхъ травъ.

Всѣ эти первоначальныя свѣдѣнія мы получили, побродивъ немного, когда остановились на первый нашъ ночлегъ въ лодочномъ путешествіи у впаденія въ Вишеру рѣчки Видъ-ю. Надо сказать, что рѣки, ручьи и рѣчки по-зырянски раздѣляются такъ: рѣка большая носитъ названіе съ прибавленіемъ слога „ва“, что означаетъ по-зырянски вода, напр. притокъ Нившеры, особенно славящійся своими сѣнокосами, называется „Лымъ-ва“, т. е. снѣговая вода. Слогъ „ю“ означаетъ небольшую рѣчку, но доступную для проѣзда на лодкахъ, „іоль“ означаетъ ручей, по которому на лодкахъ хотя проѣхать нельзя, но онъ все-таки представляетъ собою рѣчку, „шоръ“ обозначаетъ ручеекъ, большею частью быстро бѣгущій по камешкамъ, журчащій и съ каскадами. Такъ вотъ у впаденія въ Вишеру рѣчки Видъ-ю мы и остановились. Тутъ мы впервые увидѣли зырянскую „керку“ съ ея амбарами и чуланами. „Керка“ собственно значитъ домъ, изба, но подъ названіемъ „керка“ съ прибавленіемъ или названія урочища, гдѣ она стоитъ, или имени ея хозяина, подразумѣваются обыкновенно промысловыя избушки въ совершенно безлюдныхъ мѣстахъ, гдѣ зыряне ходятъ по зимамъ на промыселъ за бѣлкой, рябчиками и другой дичью и за звѣремъ. Въ этихъ керкахъ они ночуютъ и въ амбарахъ при нихъ складываютъ свою добычу. Самая керка представляетъ собою очень низенькую

Р. Вишера.

курную избу съ очень плоской крышей на одинъ скатъ, а иногда и на два, съ маленькими окошечками и низенькой дверью, въ которую приходится пролѣзать, согнувшись въ три погибели; четвертая часть внутренности избы занята большою печью, а остальныя три четверти служатъ для ночевки собирающихся сюда иногда въ очень большомъ количествѣ промышленниковъ. Рядомъ съ керкой, для складыванія добычи и съѣстныхъ запасовъ, ставится амбаръ съ дверью, запирающеюся замкомъ; на одинъ скатъ крыша, дверь въ высокой его сторонѣ. Оригинальна его постановка, довольно высоко отъ земли на 4 столбахъ, которые примѣрно на аршинъ отъ земли имѣютъ перпендикулярные къ своей оси зарубы по всей окружности и отъ нихъ къ землѣ спускаются конусомъ; это дѣлается для того, чтобы ни мышь, ни горностай, ни какой другой лѣсной звѣрокъ, охотникъ до готоваго запаса ѣды, не могъ въ амбаръ проникнуть; эти конусообразные, приземистые столбы подъ амбаромъ какъ нельзя болѣе показали намъ, что такое есть въ русскихъ сказкахъ „избушка на курьихъ ножкахъ“. Затѣмъ у керки ставится чуланъ; это для склада вещей, безъ запора. Онъ ставится на очень высокихъ столбахъ, выше роста человѣческаго, подтесанныхъ вверху такъ же, какъ и ножки амбара; чуланъ—очень низенькій, плоскій, тоже съ крышей на одинъ скатъ; въ полу одна или двѣ доски выдвигаются въ сторону, а между четырьмя его ногами ставится коротенькій столбъ. Вы выдвигаете доски изъ полу, становитесь на этотъ столбъ и тогда голова ваша и плечи попадаютъ въ чуланъ и вы можете взять что нужно. Чуланы обыкновенно не запираются и попавшій въ „керку“ можетъ воспользоваться его содержимымъ, достанетъ тамъ и котелокъ, и чашки, и спички, но такъ какъ вещи эти здѣсь для промышленника имѣютъ совершенно не то значеніе, какъ въ какой-нибудь деревнѣ, а дѣйствительно иногда отъ нихъ и самая жизнь его зависитъ, то уже эти условія сами собою выработали и особое отношеніе къ нимъ, такъ что о случаяхъ пропажи вещей изъ этихъ чулановъ здѣсь не слышно. Надо сказать еще, что по Вишерѣ у каждой керки мы встрѣчали и помѣщеніе для промысловыхъ собакъ, „лаекъ“, чего потомъ у керокъ по Выму и въ Архангельской губерніи уже не видѣли.

Ночевка наша въ лодкахъ оказалась не худою; крытая лодка, да еще шуба дали полную возможность прекрасно проспать ночь, не обращая вниманія на холодъ. Шуба эта сослужила мнѣ лично такую огромную службу въ путешествіи на лодкахъ даже въ іюнѣ мѣсяцѣ и такъ страшно представить себѣ, что бы было безъ нея, что я смѣло могу сказать всякому ѣдущему въ эти края: совершенно отбросивъ всякія соображенія о томъ, какой мѣсяцъ идетъ, іюль ли или ноябрь, во всякомъ случаѣ шубу необходимо брать.

Утромъ, пока готовился чай, при красивой обстановкѣ разложенныхъ костровъ среди этого пустыннаго лѣса, между прочимъ сказать,

Керка у р. Видъ-ю на р. Вишерѣ.

уже совершенно вырубленнаго, — т. е. лѣсъ-то остался, но все хорошее изъ него уже вырублено,—подъ просвѣчивающимъ сквозь легкія, бѣлыя, прозрачныя облака солнцемъ мы бродили довольно далеко отъ берега Вишеры, лазили по страшному лому въ болотахъ, переходили черезъ ручьи, выходили за болота въ сухой лѣсъ и впервые испытывали ощущеніе быть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ знаешь, что впереди на сотни верстъ никакого жилья не будетъ и кромѣ насъ со спутниками другихъ людей нѣтъ никого. Въ лѣсу вездѣ мохъ, отойдешь одинъ подальше вглубь лѣса и чувствуешь себя совершенно одинокимъ, какъ будто заброшенъ въ пустыню; вѣтеръ шумитъ особеннымъ шумомъ хвойнаго лѣса, вдали гдѣ-то кукушка кукуетъ, поютъ недавно прилетѣвшія птички; жизнь идетъ своимъ чередомъ и безъ присутствія человѣка.

Р. Возь-ю на Вишерѣ.

Въ дальнѣйшемъ теченіи начинаютъ попадаться песчаные острова, но общая картина рѣки не мѣняется: почти исключительно хвойный лѣсъ съ кое-гдѣ только замѣтными березками подходитъ къ самому берегу, а отъ него до воды протянулась узкая песчаная полоса, заросшая травой съ осокой, что собственно и составляетъ покосъ; лѣсъ большею частью испорченъ вырубками, частью самовольными, частью по билетамъ, попадаются и старыя подсѣки, а то, что осталось, представляетъ изъ себя тонкія ели и сосны и всюду страшный ломъ, черезъ который и пролѣзть трудно; часто попадаются болота, отдѣленныя отъ рѣки только

Р. Вишера.

узенькой полосой покоса съ старыми остожьями, замытой пескомъ недавнимъ весеннимъ разливомъ.

Верстахъ въ 20 отъ Богородска Вишера перерѣзаетъ непривычный для глаза среди ея исключительно песчаныхъ береговъ кряжъ красной глины со множествомъ въ немъ камней, торчащихъ въ отмытомъ неровномъ откосѣ и грудою насыпанныхъ у его подножія въ самой водѣ; оба берега здѣсь высоки и ярко красны на весеннемъ солнечномъ свѣтѣ, а проѣдешь ихъ и опять та же картина сплошного лѣса съ узенькимъ покосомъ по песчаному берегу, но вся она, довольно мрачная, скрашивается яркимъ весеннимъ свѣтомъ съ темными, глубокими тѣнями.

Р. Вишера.

Съ лѣвой стороны впадаетъ р. Пукдэмъ, сажени 3 шириной. Отъ устья ея начинается тропа „Ваня-пазъ“, выходящая прямо къ Синдорскому озеру, отъ котораго и беретъ начало рѣка Вишера; какой-то Ваня съ простой маткой, т. е. зырянскимъ примитивнымъ компасомъ, безъ котораго ни одинъ промышленникъ не выйдетъ здѣсь въ лѣсъ, прошелъ отсюда на Синдоръ 80 верстъ и его ходомъ стали ходить и другіе, и образовалась тропа, по-зырянски „пазъ“, получившая по первому своему ходоку и названіе. Говорятъ, что тропа эта, проложенная Ваней, пряма какъ проведенная инструментальнымъ способомъ.

Зыряне разсказываютъ старинное преданіе, что на Пукдэмѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его устья, когда-то жилъ особенный, не здѣшній человѣкъ по имени Григорій; онъ воздѣлывалъ землю и держалъ головъ 20 скота, который, по преданію, стерегли у него медвѣди; вообще этотъ Григорій „много зналъ“ и предсказалъ, что на этомъ мѣстѣ со временемъ будетъ большой заводъ, большое село и большая каменная церковь. Зыряне это предсказаніе почему-то разсказываютъ съ большою гордостью, вѣрятъ въ него и говорятъ о немъ только уже при ближайшемъ знакомствѣ, когда убѣждаются, что распрашивающій дѣйствительно интересуется тѣмъ, о чемъ спрашиваетъ, а не разговариваетъ только для пустой болтовни.

Лѣсъ на берегу Вишеры.

Картина береговъ Вишеры не мѣняется до самаго конца, т. е. до истока ея изъ болотъ около Синдорскаго озера, разница только въ томъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ она дѣлается уже и извилистѣе; берега то низкіе, то повыше, часто подмыты и тогда сверху обрывается подступившій лѣсъ вмѣстѣ съ верхнимъ слоемъ почвы; иногда почва эта, скрѣпленная корнями, цѣлымъ пластомъ перегнется и прикроетъ сверху подмытый и обваливающійся песчаный обрывъ, иногда куски ея съ кустами и деревьями сползаютъ къ водѣ.

Вода въ рѣкѣ совершенно желтая,—ясное указаніе на залегающіе здѣсь торфяники, кое-гдѣ выходящіе наружу, но, вѣроятно, большинство ихъ залегаетъ подъ песчаными слоями.

Долгое время Вишера течетъ прямо съ запада, затѣмъ круто поворачиваетъ и течетъ отъ самыхъ Синдорскихъ болотъ на ЮЮЗ, извиваясь и пересѣкая не одинъ разъ границу Яренскаго и Усть-Сысольскаго уѣздовъ. Во все время своего теченія Вишера принимаетъ съ обоихъ береговъ громадное количество притоковъ въ видѣ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, идущихъ изъ совершенно неизвѣстной глубины лѣса. Начало ея прослѣдить очень трудно, такъ какъ берется она маленькою рѣченкой изъ ровнаго, гладкаго, безлѣснаго, покрытаго кочкой, такъ называемаго „клюквеннаго“ болота, окружающаго четырехверстнымъ кольцомъ Синдорское озеро, и въ этомъ болотѣ она то совершенно теряется, то проступаетъ лывами; ѣзда на лодкѣ уже не возможна и приходится четыре версты до берега озера идти по болоту, а оттуда уже опять на лодкѣ попадаете въ деревню Синдорскую, расположенную на р. Вискѣ, въ 4—5 верстахъ отъ его впаденія въ озеро. Самое озеро длиною верстъ 12, шириною отъ $1^1/_2$ до 3, съ очень болотистыми берегами, на которые почти нельзя выйти, съ чуть замѣтно солоноватою водой.

По р. Виску къ деревнѣ Синдорской начинается узкая полоса луговъ, очень хорошихъ покосовъ, но надо сказать, что сѣна съ нихъ для нуждъ жителей не хватаетъ и они кормятъ свой скотъ и лошадей совершенно особымъ способомъ: во-первыхъ, они заготовляютъ и примѣшиваютъ къ корму ягель (бѣлый мохъ), а во-вторыхъ, они ловятъ въ очень рыбномъ своемъ озерѣ массы ершей, сушатъ ихъ, размалываютъ въ муку и прибавляютъ эту муку къ корму. Какъ говорятъ, скотъ и лошади великолѣпно ѣдятъ эту муку и, повидимому, она кромѣ пользы имъ ничего не приноситъ. Со способомъ кормленія скота ягелемъ мы уже раньше познакомились изъ разсказовъ въ Яренскомъ уѣздѣ объ Удорскомъ краѣ, т. е. сѣверо-восточной сторонѣ его и одинаково на распросы, и тамъ и тутъ, получили указанія, что этотъ способъ значительно понижаетъ густоту молока, дѣлаетъ его болѣе „тощимъ“, т. е. съ меньшимъ содержаніемъ жира, и синимъ.

Деревня Синдорская расположена вдоль берега р. Виска и состоитъ изъ 24 дворовъ, жители ея занимаются главнымъ образомъ рыболовствомъ въ озерѣ; хлѣбопашествомъ не занимаются, хотя казалось бы,

что почва здѣсь песокъ и супесь при обильномъ унаваживанiи могла бы дать возможность получать хлѣбъ. Отсутствiе хлѣбопашества жители объясняютъ крайней суровостью климата, не позволяющей сѣять никакого хлѣба. Такъ какъ отъ нихъ до ближайшей церкви не менѣе 70 верстъ, то они выстроили у себя очень красивенькую деревянную небольшую церковь и хлопочутъ теперь о назначенiи къ нимъ священника.

О возможности хозяйства по Вишерѣ и Виску изъ того, что мы видѣли, можно сказать такъ: для возможности земледѣлiя въ районѣ р. Вишеры имѣются всѣ данныя: климатъ этой мѣстности, хотя и нѣтъ точныхъ свѣдѣнiй именно о ней, долженъ не очень отличаться отъ климата г. Усть-Сысольска, а тамъ средняя годовая температура равняется $+0,1^\circ$ C, а температура пятимѣсячнаго вегетативнаго перiода, съ мая по сентябрь, равняется $+12,4^\circ$ C. Такая температура, говоритъ Рума *), не должна поселять сомнѣнiй въ возможности вести здѣсь чисто земледѣльческое хозяйство съ посѣвами ржи, ячменя, пшеницы, овса, картофеля и т. п. Если мы даже допустимъ, что бассейнъ Вишеры находится нѣсколько сѣвернѣе Усть-Сысольска и потому температура его должна быть ниже, то и тогда окажется, что температура вегетативнаго перiода въ $+12,4^\circ$ можетъ быть убавлена на цѣлый градусъ безъ измѣненiя благопрiятныхъ условiй для земледѣлiя. Страшнаго бича урожаевъ—засухъ здѣсь не бываетъ; въ записяхъ имѣнiя „Дырносъ" въ 9 верстахъ отъ Усть-Сысольска засухи отмѣчены только два раза въ перiодъ времени съ 1818 года **). Раннiе заморозки хотя и наблюдаются, но вредное влiянiе ихъ носитъ въ большинствѣ случаевъ частичный характеръ и поражаетъ поля, находящiяся въ особо неблагопрiятныхъ условiяхъ. Это положенiе, принятое Рума, можетъ быть, конечно, отнесено и къ району Вишеры, къ которому очень близки тѣ мѣстности, какiя Рума изслѣдовалъ. Несомнѣнно, что поврежденiя, наносимыя ранними заморозками, бываютъ на низкихъ мѣстахъ, по окраинамъ болотъ, лѣсовъ и т. п., а противъ этого, конечно, можно бороться: вырубка лѣсовъ, какъ говоритъ Маркграфъ ***), должна избавить населенiе отъ вреднаго влiянiя мокроты грунта, поздней весны и раннихъ инеевъ, а Котляревскiй ****) прямо указываетъ на необходимость дозволить крестьянамъ вырубку лѣсовъ, прилегающихъ къ ихъ пашнямъ, какъ на средство ослабить или даже вовсе устранить вредное влiянiе холодовъ и тумановъ.

Вѣтры, наблюдаемые въ Усть-Сысольскѣ, съ большою вѣроятностью можно принять дующими и на Вишерѣ; тогда окажется, что

*) Л. Рума. Къ вопросу о колонизацiон. пригодн. Лѣтскаго и Ношульскаго лѣсничествъ.

**) Кауфманъ. Матерiалы и соображенiя по вопросу о колониз. свободныхъ земель сѣверо-восточныхъ губернiй.

***) Матерiалы по вопросу о колонизацiи района Пермь-Котл. ж. д.

****) Землевладѣнiе и экон. бытъ крестьянъ 3-хъ СВ уѣздовъ Вологодской губернiи.

Болота по берегамъ р. Вишеры.

благопріятные вѣтра наблюдаются въ году въ 46,7% регистра безразличные въ 18,6% и только 19,1% вѣтровъ неблагопріятныхъ (Рума), а въ вегетативномъ періодѣ вѣтры располагаются такъ: благопріятныхъ 38,4%, базразличныхъ 21% и вредныхъ 26,7%. Такимъ образомъ, климатъ района Вишеры вполнѣ допускаетъ возможность земледѣлія.

Что касается почвы и условій рельефа мѣстности бассейна Вишеры, то и тутъ мы не встрѣтили ничего такого, что давало бы поводъ думать объ особо неблагопріятныхъ условіяхъ для земледѣлія; во всѣхъ мѣстностяхъ, какія мы имѣли возможность видѣть по Вишерѣ, преобладающею почвою всегда были песокъ и супесь, въ немногихъ мѣстахъ суглинки. Песчаныя почвы для сѣверныхъ культуръ являются самыми подходящими; производительность ихъ всецѣло зависитъ отъ унаваживанія, „при песчаныхъ угодьяхъ вопросъ сводится лишь къ достаточности сѣнокосовъ, т. е. кормовъ и удобрительныхъ средствъ", говоритъ Макграфъ, а Кауфманъ полагаетъ, что „климатическимъ условіямъ сѣвера болѣе отвѣчаютъ физическія свойства песчаныхъ почвъ и что преимущества ихъ въ физическомъ отношеніи въ большей или меньшей мѣрѣ уравновѣшиваютъ преимущества глинистыхъ почвъ въ отношеніи ихъ химическаго состава". Песчаныя почвы не избѣгаются крестьянами районовъ, близкихъ къ Вишерѣ, для своихъ полей и, какъ показываютъ наблюденія Кауфмана, при унаваживаніи даютъ недурные урожаи, въ среднемъ нѣсколько выше самъ 8-ми для ржи; но, не придавая особаго значенія почвѣ, приходится обращать большое вниманіе на топографію мѣстности.

Необходимымъ условіемъ для выбора мѣста подъ пашню является его скатистость и притомъ направленіе ската; благопріятныя направленія скатовъ—Ю, ЮЗ и З, среднія—ЮВ и СЗ и неблагопріятныя С и СВ, но самое вредное это низкія, не имѣющія ската мѣста. Какъ бы ни была богата почва, но въ такихъ мѣстахъ никакая культура ничего не дастъ и, наоборотъ, самая тощая почва на благопріятномъ скатѣ будетъ давать, конечно при унаваживаніи, хорошіе урожаи. Эти условія одинаково выведены и Рума, и Кауфманомъ. Если мы съ этой точки зрѣнія взглянемъ на районъ Вишеры, то тутъ окажутся опять же самыя благопріятныя условія: вся эта огромная площадь прорѣзана массой рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ въ довольно широкихъ и глубокихъ долинахъ, и слѣдовательно скатистыхъ мѣстъ тутъ возможно найти какое угодно количество и въ какихъ угодно направленіяхъ.

Такимъ образомъ, изо всего этого слѣдуетъ, что земледѣліе въ данной мѣстности возможно, а слѣдовательно, возможна и колонизація,—но на какихъ же условіяхъ?

Для хлѣбопашества необходимо обильное унаваживаніе песчаныхъ и супесчаныхъ здѣшнихъ почвъ; для этого, конечно, требуется держать достаточное количество скота; въ настоящее время сѣнокосовъ для

прокормленія такого количества недостаточно и переселенцамъ прежде всего предстоитъ раздѣлка для нихъ лѣсныхъ площадей, что требуетъ огромнаго труда и времени, а первое время поселенцу нужнаго ему для унаваживанія скота прокормить будетъ нечѣмъ. Исходомъ изъ такого положенія является устройство подсѣкъ, которыя дадутъ возможность выдержать первое время; но для того, чтобы подсѣка была готова, требуется 2 года и сѣется на ней хлѣбъ только на 3-й годъ, причемъ первый годъ подсѣка даетъ очень хорошій урожай, на второй уже значительно хуже, а на третій она запускается и даетъ уже покосъ, и слѣдовательно дастъ возможность переселенцу выдержать первые годы и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ раздѣланную подъ сѣнокосъ лѣсную площадь. Такимъ образомъ, переселеніе сюда можетъ быть сдѣлано только съ поддержкою переселенца правительствомъ въ первые годы.

Обратный путь нашъ по Вишерѣ не былъ такъ пріятенъ, какъ подъемъ вверхъ, погода надолго испортилась и въ Богородское мы пріѣхали въ холодъ и дождь; насколько оно имѣло веселый видъ въ солнечную и теплую погоду, настолько оно сейчасъ непривѣтливо и угрюмо; слезящіяся деревья, скользкая почва, пропитанныя водой избы и сѣющій мелкій дождь наводятъ хандру и дѣлаютъ насъ недовольными и раздражительными; пароходъ нашъ ушелъ изъ Богородскаго, боясь быть запертымъ въ Вишерѣ, если бы вода стала падать; она и стала было убывать, но дождики поддержали ее, и мы, прибывъ вечеромъ въ село, послали въ Сторожевскъ у устья Вишеры дать знать, чтобы пароходъ, если есть возможность, шелъ бы за нами.

Утромъ погода стала еще хуже—задулъ сильный восточный вѣтеръ, дождь изъ мелкаго, сѣющаго обратился въ сильный, прямой, рѣзко шлепающій по лужамъ и взбивающій на нихъ пузыри; по ослизлымъ улицамъ села побѣжали ручьи, все попряталось; къ полдню дождь пересталъ, но вѣтеръ еще болѣе усилился; тяжелыя, рваныя гряды облаковъ замѣнили молочно-сѣрую пелену, покрывавшую небо, и побѣжали быстро на западъ. Мы ждали парохода до 4 часовъ, бродили по селу, скучали и наконецъ рѣшили отправиться на лодкахъ внизъ, разсчитывая, что пароходу нельзя, вѣроятно, войти за мелководьемъ въ Вишеру, но все-таки тая въ глубинѣ сердца надежду: авось, встрѣтимъ его на пути; ужъ очень непривлекательно было ѣхать на лодкахъ въ такую погоду. И дѣйствительно, эта часть нашего путешествія оставила въ насъ самыя скверныя воспоминанія; сперва мы изъ теплаго помѣщенія не особенно ощутили холодъ, и, хотя одѣлись и тепло, но усѣлись не въ крытыя части лодокъ, а снаружи, и, соединивъ двѣ лодки вмѣстѣ, превесело понеслись по теченію внизъ; но скоро пронизывающій вѣтеръ заставилъ насъ почувствовать, что хотя на дворѣ и 17-е мая, но мѣстность, въ которой мы находились, богата разными сюрпризами вродѣ мороза и снѣга въ маѣ мѣсяцѣ. Когда сидишь смирно на мѣстѣ,

то долгое время не замѣчаешь какъ-то, сильно ли озябъ, но стоитъ только зашевелиться, какъ почувствуешь, что не только озябъ, но просто промерзъ насквозь. Такъ было и съ нами: мы все сидѣли смирно впереди своихъ избушекъ, разговаривали, смотрѣли на низкія, нависшія, готовыя пролиться дождемъ облака, на синіе далекіе лѣса, на чуть теплющуюся, какъ робкая надежда, на самомъ горизонтѣ свѣтлую полоску, обѣщавшую намъ хоть на будущее, что разгуляется же эта погода, что разойдется же эта плотная пелена облаковъ, что блеснутъ солнечные лучи и засинѣетъ между облаковъ глубокое синее небо; глядѣли на свинцовыя, холодныя волны непривѣтливой рѣки и не давали себѣ отчета, промерзли мы насквозь или еще нѣтъ; наконецъ насырѣвшіе за время поѣздки сапоги до того настыли, что ногамъ стало больно, какъ зимой, и мы стали забираться внутрь лодокъ, и вотъ тутъ-то мы и почувствовали, что не только снаружи озябли, но, кажется, и всѣ внутренности дрожали и уже никакая шуба не могла насъ согрѣть; къ довершенію всего пошелъ дождь, и мы закутавшись, пронизываемые сыростью и холодомъ, сидѣли закрывшись въ своихъ домикахъ, мечтая о теплѣ и сухомъ помѣщеніи и потерявъ всякую надежду на приходъ парохода; стало уже сильно темно. Съежившись, лежимъ мы подъ шубой и вдругъ раздается изъ сосѣдней лодки голосъ Алексѣя Николаевича: „Пароходъ“,—возгласъ, заставившій насъ, забывъ холодъ и дождь, бросивъ шубу въ сторону, повыскакать наружу и дѣйствительно за поворотомъ рѣки, вся сіяя электрическими лампочками, съ красиво блестящими краснымъ и зеленымъ сигнальными огнями, медленно выплывала намъ навстрѣчу наша милая, желанная „Вологда“.

Радость наша отъ этой встрѣчи просто была неописуема; мы забыли всѣ невзгоды пути, поскорѣй перебрались въ теплыя, сухія, комфортабельныя каюты парохода и съ радостными лицами долго не могли еще навосхищаться и электричествомъ, и вѣнскими стульями, и и всѣмъ тѣмъ, что въ обыкновенной жизни совершенно перестаешь цѣнить и цѣну чему познаешь вполнѣ, только будучи на долгое время всего этого лишеннымъ. Температура была снаружи 0° и порхалъ снѣжокъ, но мы радостные, съ поднятымъ настроеніемъ нимало теперь этимъ не смущались и съ удовольствіемъ, сидя въ общей каютѣ за самоваромъ, слушали частое постукиваніе машинъ и ровный шумъ журчащей за бортомъ воды; пароходъ медленно шелъ къ устью Вишеры.

Насколько мы обрадовались пароходу, настолько же и пароходъ обрадовался намъ въ лицѣ всего остававшагося на немъ персонала; за то время, что мы ѣдемъ на немъ, всѣ находящіеся на пароходѣ успѣли, конечно, настолько свыкнуться другъ съ другомъ, что намъ было радостно видѣть вновь физіономіи всѣхъ остававшихся и на ихъ лицахъ видна радость при видѣ насъ, и даже у сопровождающаго губернатора его швейцара Сергѣя, не любящаго выражать свои чувства, всегда солид-

наго и страшно серіознаго, несмотря на какой то важный разговоръ съ бариномъ, какъ-то особенно дрожитъ усъ и глаза какъ-то радостно играютъ; видимо обрадовался, что видитъ своего барина живымъ и здоровымъ. Полное блаженство мы испытали, когда могли раздѣться и лечь спать на приготовленныя намъ постели.

Утромъ мы подходили уже къ Усть-Сысольску и тутъ узнали, что ночью грязь совершенно замерзла и держала на себѣ свободно и людей, и лошадей. Да и сейчасъ, пока стоимъ у пристани, нѣтъ-нѣтъ да и начнетъ порхать мелкій снѣжокъ.

Въ Усть-Сысольскѣ съ удовольствіемъ прочли послѣднія газеты отъ 7 мая; тутъ не приходится спѣшить и то, что случилось 11 дней назадъ, силою обстоятельствъ, надо считать за самыя свѣжія новости. Недолго остановившись въ городѣ, мы отправляемся къ Усть-Выму, началу второй и главнѣйшей цѣли нашей экспедиціи; тутъ мы разстались съ нашимъ милымъ компаніономъ, лѣсничимъ Небдинскаго лѣсничества В. И. Леванда.

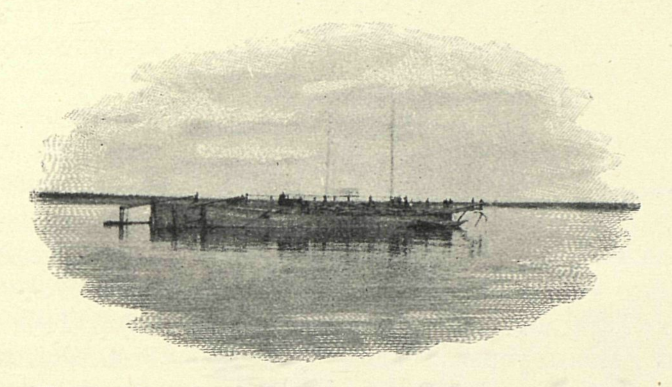
Пока мы стояли въ Усть-Сысольскѣ, лѣсной ревизоръ Ф. А. Лабурцевъ принесъ на пароходъ образцы каменнаго угля, повидимому очень хорошаго качества, и далъ свѣдѣнія о его мѣстонахожденіи; этотъ каменный уголь выходитъ на крутомъ подмытомъ берегу притока Вычегды съ лѣваго берега Локчима, верстахъ въ 100 отъ Усть-Сысольска къ ЮВ и верстахъ въ 30 отъ деревни Лупадино на Локчимѣ. Пластъ угля имѣетъ толщину около аршина и залегаетъ очень неглубоко отъ поверхности земли, но далеко ли идетъ онъ, одинъ ли онъ или есть и другіе пласты глубже его, идетъ ли этотъ пластъ параллельно поверхности или уходитъ вглубь, ничего этого не изслѣдовано и никому не извѣстно.

Верстъ за 30 до Вогваздина мы уже встрѣтили глубину 6 и даже 5 четвертей; это при весенней-то майской водѣ; какова же тутъ глубина лѣтомъ. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что судоходство здѣсь лѣтомъ если и не должно прекращаться, то должно быть сильно затруднено. Предположеніе о томъ, что мы въ этомъ мѣстѣ прошли не фарватеромъ, а какимъ-нибудь мелкимъ мѣстомъ, не можетъ быть допустимо, такъ какъ велъ насъ опытный лоцманъ, хорошо знающій Вычегду.

Берега здѣсь идутъ песчаные съ отмелями и островами, а по берегамъ растетъ неважный лѣсъ. Благодаря песчанымъ отмелямъ и островамъ долина рѣки здѣсь очень расширена и сопровождающія рѣку въ ея теченіи высоты видны совсѣмъ вдалекѣ. По островамъ и берегамъ тянутся широкою полосой покосы, повидимому очень хорошіе, но нѣсколько запущенные; по нимъ видны кусты и купы деревьевъ, а если бы ихъ вычистить, получились бы прямо превосходные заливные луга.

Населеніе въ этой части Вычегды очень рѣдкое и деревни можно считать на разстояніи одна отъ другой верстахъ въ 20, а если встрѣ-

чается нѣсколько деревень довольно близко одна отъ другой, то онѣ носятъ одно названіе съ прибавленіемъ верхній, средній и нижній, или по-зырянски: „кыфтытъ“ или „катытъ“, но собственно это является, конечно, одной деревней.



Барки на Вычегдѣ съ чугунными издѣліями Кажемскаго завода.

Глава V.

Село Усть-Вымъ, Сереговскій солеваренный заводъ и Кылтовскій женскій монастырь.

Деревня Вогваздино, гдѣ мы остановились на ночь, расположена почти у самаго устья Выма; въ ней земская станція, почтовая контора и телеграфъ. Тутъ мы должны были дождаться ѣдущихъ съ нами на нефтеносные раіоны управляющаго земледѣліемъ и государственными имуществами Вологодской губерніи И. М. Шемигонова, нефтяного предпринимателя, еще въ 1872 году сдѣлавшаго заявки, Н. А. Волкова, почетнаго гражданина города Вологды, много лѣтъ бывшаго въ немъ городскимъ головою, и двоюроднаго брата губернатора С. И. Попова, товарища прокурора Владимірскаго Суда, долго служившаго въ Архангельскѣ и, благодаря этому, хорошо знакомаго съ Сѣверомъ, да тутъ же присоединились къ намъ лѣсничій Вымскаго лѣсничества М. В. Вылегженинъ и нашъ хозяйственный староста въ путешествіи на Ухту, знатокъ здѣшняго края, прожившій въ Усть-Вымѣ 8 лѣтъ, Ф. Д. Прокышевъ, помощникъ Вологодскаго исправника, такъ что компанія наша, отправляющаяся въ пустынныя, мало извѣстныя страны, значительно увеличивалась. И. М. Шемигоновъ пріѣхалъ на слѣдующую ночь вмѣстѣ съ Яренскимъ лѣснымъ ревизоромъ Н. Ф. Степановымъ, а прибытія С. И. Попова и Н. А. Волкова, какъ оказалось, мы должны были дожидаться цѣлыхъ 3 дня, которые мы и рѣшили употребить на то, чтобы побывать въ Усть-Вымѣ, Сереговѣ, осмотрѣть тамошній солеваренный за-

Самоѣдъ и зыряне.

водъ и проѣхать въ находящійся въ 14 верстахъ отъ Серегова Крестовоздвиженскій-Кылтовскій женскій монастырь.

Тутъ въ Вогваздинѣ мы встрѣтили только что пріѣхавшихъ съ Ижмы тѣмъ самымъ путемъ, какимъ мы должны будемъ ѣхать, двухъ зырянъ и самоѣда; они привезли какого-то купца, отправившагося въ Москву. На наши распросы о дорогѣ, они очень насъ пугаютъ, что трудно будетъ проѣхать по Вуквѣ изъ-за ужасныхъ на ней заваловъ, что впослѣдствіи оправдалось только отчасти. Самоѣдъ Иннокентій Петровичъ Хантанзей держитъ себя страшно самостоятельно, въ разговорѣ съ нами не обнаруживаетъ ни малѣйшаго смущенія и видимо ужасно доволенъ и разговоромъ, и угощеніемъ его папиросами.

Церковь въ Усть-Вымѣ на мѣстѣ вѣщей березы.

Первый изъ трехъ ожидательныхъ дней мы употребили на посѣщеніе села Усть-Вымъ. Съ утра погода уже хмурилась; слоистыя холодныя облака съ маленькой свѣтлой полоской на самомъ горизонтѣ и съ тяжело синѣющей противоположной стороной не предвѣщали намъ ничего хорошаго; и вода какая-то свинцовая, мелкою зыбью колеблющаяся безъ всякихъ отраженій, сильный вѣтеръ, тепла всего 2°, все такъ непривѣтливо, угрюмо, словно не 19-е мая, а осень глухая. Песчаные пустынные берега, синѣющій вдали хвойный лѣсъ, жалкая деревушка на берегу и, въ довершеніе всего, на самомъ гребнѣ берега деревянный покосившійся крестъ, какъ какая-то могила; вся картина невольно наводитъ тоску на душу и заставляетъ желать поскорѣе двинуться съ мѣста, ѣхать къ этой чуть замѣтной на горизонтѣ свѣтлой полосѣ.

Вдали на берегу видны двѣ бѣлыя церкви села Усть-Вымъ, къ которымъ мы и направляемъ свой путь, проходя самымъ устьемъ Выма, рѣки широкой и многоводной, но не глубокой; въ особенности мелко ея устье, постоянно заносимое пескомъ и, какъ говорятъ, лѣтомъ совершенно непроходимое. Сейчасъ-то еще пароходъ проходитъ свободно и, войдя въ Вымъ, подчаливаетъ къ приготовленному наскоро плотику

на берегу, отъ котораго чуть подняться и попадаешь въ самое село очень большое съ хорошими домами, крытыми нерѣдко и желѣзомъ, съ 3 церквами, раскинувшееся по нѣсколькимъ холмамъ, раздѣленнымъ между собою оврагами, въ которыхъ, несмотря на 19-е мая, еще лежитъ масса льда и грязнаго, трухлаго зимняго снѣга; черезъ овраги кое-гдѣ перекинуты мостики. Къ несчастію нашему, пошелъ дождь, и чѣмъ дальше тѣмъ сильнѣе, наконецъ хлынулъ такой, что намъ пришлось спасаться отъ него въ какой-то постройкѣ вродѣ часовни.

Церквей въ Усть-Вымѣ 3; одна довольно древняя, называемая соборомъ, въ которой покоятся мощи трехъ Вымскихъ святителей: Іоны, Герасима и Питирима. Замѣчательнаго въ ней очень немного: есть нѣсколько старинныхъ иконъ, въ ризницѣ имѣется древній деревянный потиръ Стефана Пермскаго. Вообще здѣсь все полно легендами объ этомъ святителѣ, просвѣтителѣ зырянъ, и самый храмъ этотъ, по преданію, построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ состоялось предложенное преподобнымъ Стефаномъ зырянскому кудеснику Паму испытаніе огнемъ, и этотъ послѣдній испытанія не выдержалъ и огнемъ былъ сильно обожженъ и, какъ посрамленный, былъ изгнанъ отсюда принявшими вѣру православную зырянами; другая, маленькая церковь выстроена на мѣстѣ священной вѣщей березы, срубленной Стефаномъ. Третья церковь выстроена на мѣстѣ, кажется, безъ всякаго историческаго значенія, но она замѣчательна тѣмъ, что въ ней одинъ изъ „много трудящихся къ благолѣпію храма“ священниковъ „подновилъ“ при помощи обыкновеннѣйшаго расписывателя деревенскихъ храмовъ всю старинную живопись, а самыя стѣны раскрасили они такими веселенькими колерами и вообще такъ „потрудились“, что проѣзжавшій архіерей пришелъ въ ужасъ отъ этого благолѣпія и священнику пришлось имѣть по этому поводу съ владыкой весьма мало пріятное объясненіе.

Живутъ усть-вымцы не худо; богатые сѣнокосы на другой сторонѣ рѣки даютъ имъ возможность держать по многу скота, а слѣдовательно, обильно унаваживая пашню, и получать хорошіе урожаи. Скотъ здѣсь комолый и, какъ намъ говорили, очень дойный, но при болѣе детальныхъ распросахъ оказалось, что удойливость здѣсь удовлетворяетъ гораздо меньшимъ требованіямъ, чѣмъ въ юго-западныхъ уѣздахъ губерніи; здѣсь считаютъ очень хорошимъ удоемъ, если корова даетъ съ новотелу въ день кринокъ 8, т. е. 24—25 фунтовъ, между тѣмъ въ Грязовецкомъ и Вологодскомъ уѣздахъ хорошимъ удоемъ считается 1 п.—1 п. 10 ф. съ новотела, годового же счета удоя намъ никто дать не могъ. Урожаи здѣсь, какъ намъ пришлось узнать изъ распросовъ, недурные и хлѣбъ рѣдко портится ранними заморозками, но жалобы на недостатокъ пахотныхъ земель и тутъ раздавались отовсюду, а слѣдовательно, и опять вставалъ вопросъ о необходимости скорѣйшаго устройства крестьянъ.

Проходя подъ дождемъ по селу, мы видѣли почти у каждаго дома разведенные хмѣльники. Оказалось, что разведеніемъ хмѣля занимается здѣсь почти каждый крестьянинъ, но не въ цѣляхъ промысла, а для собственнаго употребленія—для варки пива въ сельскіе праздники; это обыкновенное начало хмѣлеводства. Требуя сравнительно немного труда, эта отрасль сельскаго хозяйства обыкновенно быстро переходитъ границу домашняго потребленія и даетъ излишекъ, идущій въ продажу, когда же крестьянинъ увидитъ, что она даетъ ему и барышъ, то уже легко переходить на промышленное хмѣлеводство, конечно, смотря по мѣстности, въ разныхъ размѣрахъ; повидимому и усть-вымцы сейчасъ находятся именно на границѣ перехода къ промышленному разведенію хмѣля. Насъ сперва поразилъ видъ его на такой сѣверной широтѣ и не вѣрилось, чтобы онъ тутъ хорошо шелъ, но мы должны были убѣдиться, что ни условія климата, ни условія почвы отнюдь не препятствуютъ здѣсь произрастанію хмѣля — видимо онъ растетъ превосходно.

Изъ села открывается широкій видъ на впаденіе Выма въ Вычегду, который удалось снять только изъ окошка, забравшись въ домъ, а то дождь не только не далъ возможности снимать что-либо на улицѣ, но и выдти-то изъ дому почти не позволялъ. Село Усть-Вымъ было когда-то кафедрою жившихъ здѣсь архіереевъ и имѣло, будучи таковою, большое значеніе, и вотъ теперь опять, можетъ быть, наступаютъ для него хорошіе дни; если дорога съ Ухты будетъ выведена на Вычегду, какъ предполагается, въ Усть-Вымъ, можно предвидѣть въ будущемъ экономическій подъемъ и его и всей окружающей мѣстности.

Сліяніе Выма и Вычегды у с. Усть-Вымъ.

Къ вечеру мы ушли опять на свою стоянку въ Вогваздинѣ, и ночью пріѣхалъ къ намъ И. М. Шемигоновъ съ Н. Ф. Степановымъ. Къ утру дождь пересталъ, но поднялся страшный нордъ-остъ, вспѣнившій всю рѣку; громадные валы съ бѣлой шуршащей пѣной на гребняхъ бѣгутъ безъ конца мимо насъ, вся поверхность рѣки кипитъ, пѣнится и глухо шумитъ. Плескъ отъ катящихся на берегъ валовъ стоитъ въ воздухѣ. Холодно и сыро.

Идемъ въ Серегово, и тамъ, оказывается, губернатору приготовлена встрѣча, по примѣру Богородской, съ аркою, флагами и не-

обыкновенно затѣйливымъ хлѣбомъ-солью, поднесенными волостнымъ старшиной.

По самому берегу растянулся въ обѣ стороны отъ пристани солеваренный заводъ, представлявшій для насъ, никогда на такихъ заводахъ не бывавшихъ, особенный интересъ. Не медля, мы и принимаемся за его подробный осмотръ; онъ производитъ весьма печальное впечатлѣніе своимъ разрушеннымъ и заброшеннымъ видомъ, совершенно необъяснимымъ при тѣхъ выгодныхъ условіяхъ, въ какія онъ поставленъ. Грязь и гадость вездѣ несосвѣтимыя, постройки старыя, гнилыя, около каждой навалены груды мусора, чрены, въ которыхъ выпариваютъ соль, заржавленные — вездѣ видъ запущенности и брошенности безъ ремонта и безъ поддержки.

Сереговскій солеваренный заводъ.

На заводѣ 9 варницъ или 9 чреновъ; выпарка соли этимъ способомъ есть, конечно, самый примитивный, самый невыгодный способъ ея добыванія: въ варницѣ, вродѣ громаднаго сарая, открытаго сверху, виситъ прикрѣпленный къ балкамъ и опирающійся на кирпичную кладку огромный лотокъ — „чренъ“, на который течетъ соляной растворъ, а подъ этимъ череномъ безбожно жгутъ дрова, жаръ которыхъ и выпариваетъ въ чренѣ изъ разсола воду, а соль остается. Топка устроена такимъ примитивнымъ способомъ, что сжигаемыя дрова, кромѣ выпариванія разсола, очень значительную часть своего жара отдаютъ для согрѣванія атмосфернаго воздуха, другими словами, накаленный дровами воздухъ прямо вылетаетъ черезъ открытую крышу наружу, и не дѣлается даже ни малѣйшей попытки утилизировать хотя часть этого пропадающаго совершенно даромъ тепла. Понятно, что дровъ при такомъ способѣ сжигается масса. Чренъ опоражнивается въ 2 сутокъ одинъ разъ и даетъ сразу 160—180 пудовъ соли; для полученія этого количества соли подъ череномъ сжигается 5 куб. саженъ дровъ, которыя обходятся, если заготовлять ихъ въ казнѣ, по 4 руб. 70 коп., а если въ своемъ лѣсу, то по 4 р., и, значитъ, на пудъ соли за одни дрова падаетъ уже отъ 11,1 до 14,6 коп., а продается соль по 38 коп. за пудъ. Разсолъ здѣсь богатѣйшій, съ содержаніемъ 9% соли и достается съ 163-саженной глубины; выкачиваетъ его оттуда прескверненькая паровая машина посредствомъ какихъ-то скрипящихъ, стучащихъ и визжащихъ деревянныхъ приспособленій, скверно смазанныхъ и грязныхъ; работаетъ въ настоящее время одна труба, а остальныя всѣ заброшены. Нынѣшній годъ, вслѣд-

ствіе того, что дровъ заготовлено не въ достаточномъ количествѣ, заводъ будетъ работать только 3 мѣсяца, а если онъ имѣетъ достаточно дровъ и работаетъ круглый годъ, то можетъ вырабатывать отъ 170 до 200 тысячъ пудовъ. Добываемая соль сортируется по цвѣту, т. е. бѣлая, посѣрѣе и темная; послѣдняя получается, когда начинаютъ выпаривать соль послѣ чистки чрена, производимой 1 разъ въ мѣсяцъ, и на мѣстѣ продается только она за тѣ же 38 коп., а первые 2 сорта всѣ вывозятся.

Работа на заводѣ ужасно тяжелая по тѣмъ условіямъ, въ какихъ она производится; въ варницахъ развивается такой страшный жаръ, что двери поневолѣ приходится держать открытыми и въ нихъ несетъ снаружи холодный воздухъ, какъ ураганъ, а спереди жаръ, какъ въ аду, при этомъ еще вся внутренность варницы наполнена дымомъ, отъ котораго ѣстъ глаза и становится горько во рту; непривычному человѣку не пробыть въ варницѣ и 10 минутъ, а рабочіе видимо привыкли и сидятъ себѣ, пронизываемые холодомъ сзади, припекаемые спереди, со слезящимися красными глазами, какъ ни въ чемъ не бывало, но, вѣроятно, ревматизмы и страданія глазъ составляютъ среди нихъ не рѣдкое явленіе.

Заводъ этотъ принадлежитъ наслѣдникамъ Булычева и сейчасъ находится въ арендѣ у Гурылева, но тотъ самъ на заводѣ не живетъ, а заправляетъ дѣлами управляющій. При заводѣ имѣется для рабочихъ лавка, жалобы на которую приходилось намъ выслушивать отъ многихъ жителей Серегова; они жалуются, что и весь товаръ тамъ дорогъ и нехорошъ, но въ особенности претендуютъ на дороговизну и плохое качество ржаной муки, которую необходимо имъ покупать, такъ какъ своего хлѣба у нихъ не хватаетъ и они всѣ продовольствуются привознымъ; жалуются они въ гораздо меньшей степени и на земскую торговлю мукой, хотя сознаются, что не будь ея, тогда пришлось бы довольствоваться еще худшей и платить за нее еще дороже. Въ общемъ осмотръ завода оставляетъ по себѣ самое непріятное впечатлѣніе.

На другой день мы отправились въ Кылтовскій монастырь. Послѣ того какъ прекратился вѣтеръ, разогнавшій всѣ облака, погода установилась, стало тепло, ясно и тихо и такъ выстояло весь день, такъ что поѣздка эта удалась намъ отлично и впечатлѣнія отъ нея остались у насъ самыя лучшія. Противъ Серегова на другомъ берегу Выма высится лиственничная роща и въ ней стоитъ чистенькій, крѣпкій, новенькій монастырскій домъ для пріѣзжающихъ; мы переправились туда и отправились на лошадяхъ по прямой, какъ стрѣла, очень хорошо сдѣланной дорогѣ въ монастырь. Дорога идетъ все время песчанымъ грунтомъ ровная и гладкая, среди глухого лѣса съ канавками по сторонамъ, по довольно широкой расчищенной изъ-подъ лѣса полосѣ, и тутъ мы вспомнили слова О. В. Маркграфа, что стоитъ только освободить здѣшнюю землю отъ лѣса и мха и она обратится въ прекрасный покосъ; дѣйстви-

тельно, вся эта полоса дороги представляетъ изъ себя уже не мшистый покровъ заболоченнаго лѣса, а заросшее травою пространство безъ всякихъ признаковъ мха. По мѣрѣ удаленія отъ Выма дорога все поднимается и наконецъ съ высшей точки ея открывается чудный видъ на безконечные лѣса по долинѣ Выма, сливающейся въ голубой дали съ долиною Вычегды. На 14-ти верстахъ дорога не одинъ разъ поднимается на горы, не въ одномъ мѣстѣ опускается внизъ и перебѣгаетъ по прекрасно устроеннымъ мостамъ рѣчки и болота; въ одномъ мѣстѣ она идетъ мостомъ саженъ 150, пересѣкая очень обширное и очень мокрое болото съ большими лывинами, зарослями осоки и тощей березы. Лѣсъ по сторонамъ дороги почти исключительно хвойный на моховомъ покровѣ, съ часто встрѣчающимися между корней лужицами черной торфяной воды; онъ также то взбѣгаетъ на горки, то опускается въ низины, то разступится и откроетъ скрытое въ глубинѣ его болото; чѣмъ ближе подъѣзжаемъ къ монастырю, тѣмъ болѣе мѣняется картина лѣса: онъ становится суше, рѣже и къ хвойному начинаетъ примѣшиваться все болѣе и болѣе лиственнаго, стали попадаться травяныя полянки, мелькаютъ лужайки и наконецъ лѣсъ круто спускается къ р. Кылтовкѣ, на противоположной сторонѣ которой и стоитъ монастырь; многочисленныя его зданія, святыя ворота и колокольня новенькой деревянной церкви едва видны среди густо покрывающаго берегъ рѣчки сосноваго лѣса, куда и вбѣгаетъ дорога, немного поднимаясь въ гору съ широкаго моста. Видна какая-то кирпичная стройка изъ-за лѣсу, блестятъ на солнцѣ желѣзныя недавно выкрашенныя крыши, много чистыхъ и опрятныхъ домиковъ, маленькая, красивая церковь выглядываетъ сквозь зелень сосенъ; все это вмѣстѣ производитъ пріятное впечатлѣніе людской плодотворной работы среди глухого безлюдья.

Дорога отъ Серегова въ Кылтовскій монастырь.

Когда мы прибыли въ монастырь и познакомились съ его работами и ихъ результатами за очень недолгое время, такъ какъ монастырь

Кылтовскій монастырь.

этотъ еще очень недавно и основанъ-то, мы вполнѣ убѣдились въ возможности колонизаціи здѣшнихъ дикихъ мѣстъ, мало чѣмъ отличающихся отъ очень недалекаго отсюда бассейна рѣки Вишеры, въ возможности быстрой переработки здѣшнихъ глухихъ моховыхъ лѣсовъ въ культурныя мѣста. Благодаря любезности настоятельницы монастыря мы имѣли полную возможность детально ознакомиться со всѣмъ его хозяйствомъ, что мы и сдѣлали, осмотрѣвъ и поля монастырскія, и расчистки, и сѣнокосы, и заведенные въ очень недавнее время заводы смолокуренный и гончарный и скотный дворъ, однимъ словомъ, все, на что только успѣли и могли взглянуть. Энергичная настоятельница ускореннымъ темпомъ обращаетъ прежнюю пустыню въ прекрасную культурную мѣстность; монастырь ежегодно увеличиваетъ площадь свободной отъ лѣса земли, обращая ее въ пашни и сѣнокосы; мы видѣли тѣ мѣста, которыя только что вышли изъ расчистки и уже заняты гдѣ сѣнокосами, гдѣ пашней, и тѣ порубки, произведенныя нынѣшней зимой, заваленныя еще вершинникомъ и сучьями, которыя будущимъ лѣтомъ уже обратятся въ пашни или луга, видѣли и покосы монастырскіе по р. Кылтовкѣ, тоже расчищенные изъ-подъ лѣса, и поля, раскинувшіяся по склонамъ береговъ Кылтовки и еще какой-то маленькой рѣчки. Увеличивая постоянно площадь земли очисткою изъ-подъ лѣса и обращая ее въ пашню, монастырь долженъ соотвѣтственно съ этимъ увеличивать и количество покосовъ, и количество скота; онѣ держатъ сейчасъ 42 головы холмогорскаго прекраснаго скота, однотипичное очень хорошее стадо съ прекраснымъ производителемъ; стадо годъ отъ году увеличивается, а параллельно съ этимъ увеличивается и количество сѣнокосной и выгонной земли.

При монастырѣ имѣются смолокуренный и гончарный заводы; къ устройству перваго монастырь пришелъ естественнымъ путемъ, получая большое количество годныхъ для смолокуренія деревьевъ изъ расчищаемаго лѣса, которыя, не будь этого завода, должны бы были пропадать совершенно непроизводительно, а теперь они отдаютъ монастырю все, что возможно взять отъ нихъ, и такимъ образомъ заводъ не даетъ лѣсу уйти изъ монастырскаго хозяйства и унести съ собой то, чѣмъ можно еще изъ него воспользоваться.

Гончарный заводъ устроился у монастыря совершенно случайно: какой-то прохожій замѣтилъ подходящую глину и показалъ какъ изъ нея можно дѣлать посуду; нѣсколько монахинь переняли у него это умѣніе, а настоятельница выстроила на берегу рѣчки у самой этой глины заводикъ и теперь монастырь и не знаетъ другой посуды, кромѣ своей. И въ гончарномъ, и въ смолокуренномъ заводѣ приставлены управляющими монахини, а имъ для работы удѣлено изъ общаго числа братіи по нѣскольку молоденькихъ послушницъ и сейчасъ работа тамъ просто кипитъ.

Въ самомъ монастырѣ строится уже, взамѣнъ временной маленькой церкви, огромный каменный храмъ и во время нашего посѣщенія

работа была уже доведена до концовъ оконъ нижняго ряда. Зданій въ монастырѣ очень много и для келій и для разнообразныхъ мастерскихъ; есть тутъ и иконописная, и сапожная и вышивальная, произведеніями которой мы любовались въ ризницѣ. Всюду, куда ни заглядывали, начиная отъ помѣщенія настоятельницы и кончая кухней, мы

~~Братія~~ Кылтовскаго монастыря.
Сестры

видѣли образцовую чистоту и порядокъ, видно, что все хозяйство здѣсь ведется умѣлыми, энергичными руками и въ монастырѣ не сидятъ сложа руки, но, напротивъ, онъ похожъ на улей, гдѣ всякій членъ общины несетъ извѣстную долю труда, а результатомъ такого устройства является высокое его экономическое положеніе, постоянный прогрессивный ростъ и громадное культурное значеніе для края; масса годовиковъ-послушницъ разноситъ потомъ по всѣмъ мѣстамъ, иногда и очень отдаленнымъ отъ монастыря, и улучшенные пріемы хозяйства и ту крупицу нравственныхъ началъ, какую успѣваетъ заронить въ ихъ души монастырь съ его дисциплиной, общей работой, равной для всѣхъ членовъ, и его порядкомъ.

Вечеромъ мы, напутствуемые всякими благими пожеланіями, отправились изъ монастыря обратно въ Серегово и оттуда въ Вогваздино, встрѣтить С. И. Попова и Н. А. Волкова. Пароходъ „Надежда“, на которомъ они пріѣхали, пришелъ только на другой день въ 1 часъ и только что новые члены нашей экспедиціи вошли на нашъ пароходъ и перенесли ихъ багажъ, какъ мы уже отправились къ главной цѣли нашего путешествія въ далекіе края по р. Ухтѣ, о которыхъ такъ много мы слышали, такъ много говорили и въ которыхъ такъ мало кто бывалъ.

Глава VI.

Рѣка Вымъ, его пороги и притоки.

Путешествіе наше начиналось хотя въ пасмурную, но теплую погоду съ очень сильнымъ вѣтромъ. Входимъ совершенно свободно въ Вымъ и ѣдемъ этой широкой красивой рѣкой, не уже, пожалуй, и самой Вычегды.

Отъ устья на довольно далекое пространство весь лѣвый берегъ заставленъ плотами; это все лѣсъ, вырубленный въ казенныхъ дѣлянкахъ, отправляемый въ Архангельскъ на тамошніе лѣсопильные заводы для отправки уже въ видѣ досокъ, брусьевъ и т. п. за границу; плоты подошли подъ берегъ и отстаиваются здѣсь отъ сильнаго восточнаго вѣтра, бороздящаго Вымъ мелкой толчеей зыби вплоть до праваго песчанаго берега и проносящагося дальше со свистомъ и шумомъ, нагибая безлистныя еще деревья и поднимая на берегу мелкій песокъ; а подъ лѣвымъ довольно высокимъ берегомъ вѣтеръ не хватаетъ воды и поверхность ея совершенно спокойна, только бѣгутъ по ней отъ сильнаго теченія мелкія струйки и отъ плотовъ и отъ камешковъ на краю берега; вѣтеръ этотъ продолжался, однако, очень недолго, и уже когда мы подъѣзжали къ деревнѣ „Ляли“ въ 12 верстахъ отъ Усть-Выма, онъ упалъ, стало тепло и тихо; отраженіе гористаго лѣваго берега, съ щетиной покрывающаго его лѣса, какъ въ зеркалѣ чуть колеблется въ рѣкѣ зубчатой полосой; голубыя, туманныя горы уходятъ въ даль за поворотомъ спокойно плывущей рѣки и на ихъ фонѣ ярко выдѣляется бѣлая церковь села.

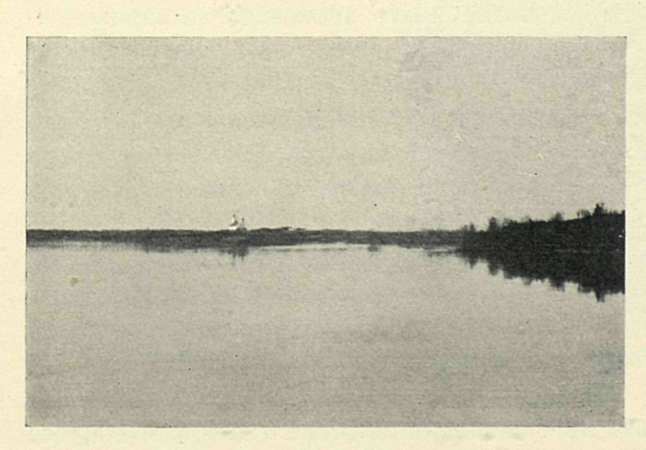
Далѣе проходимъ мимо Серегова съ красиво брошеннымъ посреди рѣки противъ села островомъ, съ высящейся лиственничной монастырской рощей на другомъ берегу рѣки и съ начинающимися отсюда по лѣвому берегу горами, задернутыми дымкой голубого тумана, идемъ мимо села „Кошекъ“ и „Княжпогоста“. Послѣднее было мѣстопребываніемъ зырянскаго волхва Пама, ревниво отстаивавшаго языческую вѣру своего народа отъ вносимаго Стефаномъ Пермскимъ свѣта правосла-

вія. Названія селъ „Ляли“ и „Кошки“ также связываются преданіемъ съ дѣятельностью въ этомъ краѣ Св. Стефана; разсказываютъ, что онъ, когда шелъ здѣсь съ своею проповѣдью, пришелъ въ село, теперешнее „Ляли“, и засталъ здѣсь весь народъ по случаю какого-то праздника пляшущимъ и припѣвающимъ „ляли, ляли“. Проповѣдь его они, занятые пляской и пѣніемъ, слушать не стали и тогда Стефанъ, будто бы, сказалъ: „Такъ будьте же вы отнынѣ на вѣкъ „ляли“, и отправился отсюда далѣе. Въ теперешнихъ Кошкахъ, будто бы, жители его проповѣдь подняли на смѣхъ и, насмѣхаясь надъ святымъ, стали мяукать; и отсюда онъ тогда удалился, давъ этому селу вѣчное названіе „Кошки“.

Вымъ въ 135 в. отъ устья.

Рѣка идетъ все такая же широкая въ высокихъ берегахъ; по правому берегу почти все время въ виду идетъ земскій трактъ до с. Турьи; вечеръ тихій, теплый и пасмурный, и только на горизонтѣ на закатѣ облака чуть приподнялись и открыли розовую полоску потухающаго неба. Вода какъ зеркало впереди, а сзади переливается крупною зыбью, пущенною нашимъ пароходомъ, и отраженія береговъ мѣрно колеблются въ ней, раскачиваясь и отбрасывая отъ себя оторванныя темныя пятна.

Также тихо, тепло и пасмурно было и на утро, когда мы подъѣзжали къ с. Весляны. Берега здѣсь уже пошли невысокіе, сплошь заросшіе лѣсомъ, пустынные, а до лѣса неширокая полоса покоса. Весляны стоятъ на лѣвомъ берегу Выма, при впа-



С. Весляны на Вымѣ.

деніи въ него рѣчки Веслянки, въ 135 верстахъ отъ Усть-Выма, довольно большое село съ оригинальной по архитектурѣ церковью, но совершенно новѣйшей постройки. Домовъ много порядочныхъ, но выдающихся нѣтъ.

Всѣ жители, которыхъ мы распрашивали объ экономическомъ положеніи, въ одинъ голосъ говорятъ, что урожаи тутъ очень плохи, самый лучшій при благопріятныхъ обстоятельствахъ бываетъ самъ 5, а частенько не собираютъ сѣмянъ, губитъ всходы морозъ; это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что болота и лѣсъ подступили къ самымъ полямъ. Около домовъ сѣютъ коноплю, для собственнаго употребленія, не съ промысловой цѣлью, сѣютъ и ленъ также только для себя; для него выбираютъ по берегамъ увалы, куда не хватаетъ сѣверный вѣтеръ, такія распашки и видны на противоположномъ берегу. Покосы имѣютъ по рѣкамъ и рѣчкамъ, но такъ какъ полоса ихъ очень узка, то косятъ даже далѣе 200 верстъ отъ села. Конечно, своего хлѣба не хватаетъ и живутъ покупнымъ, а средства къ жизни добываютъ охотой, рыболовствомъ и работой на лѣсныхъ заготовкахъ. Вымъ рѣка рыбная и вымская семга славится не хуже печорской.

Церковь въ Веслянахъ.

Отъ Веслянъ есть ходъ на Ухту на самые нефтяные промыслы— тропа длиною въ 120 верстъ; это былъ визиръ очень узкій, проведенный лѣснымъ вѣдомствомъ, но затѣмъ, съ разрѣшенія его, расширенный частными лицами, когда явилась потребность провозить на нарождающіеся промыслы и припасы и вещи; провозить, конечно, можно лишь зимою, лѣтомъ же тутъ только и возможно пѣшее хожденіе изъ-за болотъ, которыя идутъ здѣсь почти сплошь на всемъ протяженіи тропы. Кругомъ села весь надвинувшійся на него со всѣхъ сторонъ лѣсъ растетъ на болотѣ, сухая полоса отъ края лѣса не болѣе 100 саженъ, а за ней сейчасъ же гдѣ моховое, а гдѣ и непроходимое мокрое болото.

До Веслянъ по Выму мы все-таки встрѣчали еще хотя и рѣдкія, какъ бы отвоеванныя человѣкомъ у лѣса пространства, на которыхъ ютятся деревни и села, выше Веслянъ намъ встрѣтятся еще только два маленькіе поселочка по нѣсколько домовъ, а за ними уже пойдетъ совершенная пустыня болѣе 200 верстъ.

За Веслянами верстахъ въ 7 впадаетъ въ Вымъ съ праваго берега р. Іолъ-ва, и на мысу, образуемомъ ею и Вымомъ, прицѣпилось нѣ-

сколько домиковъ деревни Іолъ-ва, послѣдняго человѣческаго жилья на нашемъ пути вплоть до переволока; далѣе уже мы никакого человѣка встрѣтить не можемъ; рыбу ловить еще рано, на охоту идти сейчасъ въ такую даль незачѣмъ, а другихъ дѣлъ весною въ лѣсу не бываетъ.

Часамъ къ 4 совершенно разъяснило, солнце залило своимъ свѣтомъ и тепломъ, стало даже жарко; благодаря двумъ теплымъ днямъ луга едва-едва зазеленѣли и по лѣсу кое-гдѣ какъ будто чуть-чуть застлалъ какой-то зеленоватый туманъ. Недалеко уже за Іолву можетъ идти пароходъ, пороги на Вымѣ дѣлаютъ его выше совершенно несудоходнымъ; верстъ 7 прошли мы и остановились, приходится разставаться съ пароходомъ и начинать лодочное путешествіе.

Вышли на берегъ, прекрасный сухой покосъ, и стали перетаскивать всѣ свои вещи въ лодки, запасаясь для долгаго путешествія, стараясь ничего не забыть; одну лодку заняли спеціально съѣстными припасами, которыхъ намъ на всю компанію, конечно, надо не малое количество, затѣмъ и сами мы распредѣляемся на каждую лодку по 2 человѣка и по 3 „ямщика“,—такъ зыряне называютъ здѣсь тѣхъ, которые везутъ васъ; гребцами ихъ назвать нельзя, такъ какъ грести на Вымѣ противъ теченія совершенно невозможно, а идутъ пихаясь въ каменистое дно шестами съ заостренными желѣзными наконечниками. Лодки очень длинныя, аршинъ въ 9, и узкія. На серединѣ устроена будочка длиною такъ, что два человѣка могутъ лежать головами другъ къ другу, пожалуй, можно въ будочкѣ этой и сидѣть, но почти касаясь головой потолка, влѣзать же въ нее приходится на четвереулькахъ.

Рѣка и деревня Іолъ-ва.

Едва мы отъѣхали отъ мѣста разставанія съ пароходомъ и со всѣми остающимися на немъ, напутствующими насъ, отправляющихся въ утлыхъ лодочкахъ въ такое далекое и казавшееся въ то время такимъ труднымъ путешествіе, едва скрылся за поворотомъ рѣки все еще стоящій и дымящійся нашъ красивый, сверкающій подъ красно-

ватыми лучами склоняющагося уже солнца пароходъ, какъ впереди уже забѣлѣлась поверхность рѣки и какой-то шумъ и плескъ, чѣмъ ближе мы къ этому мѣсту подвигались, становился все явственнѣе. Это первый порогъ „Кычилъ-кось“, т. е. кривой порогъ; издали онъ ничего особеннаго не представляетъ и кажется, что теперь при высокой водѣ тутъ только быстрое теченіе, даже съ пѣной, но когда очутишься у самаго порога и лодку, несмотря на страшныя усилія пихающихся ямщиковъ, начинаетъ вертѣть какъ щепку, когда видишь эти напряженныя лица ихъ, видишь, какъ они торопливо бросаются съ своими шестами, изо всѣхъ силъ стараясь, чтобы не дать лодкѣ стать поперекъ теченія, и слышишь ихъ тревожные крики, порогъ принимаетъ нѣсколько иную окраску и начинаешь понимать, что малѣйшая неловкость на немъ можемъ окончиться весьма плачевно. Это наше первое знакомство съ порогами, потомъ мы ихъ столько переѣхали и по теченію и противъ теченія, что стали относиться къ нимъ довольно равнодушно, но первые производили на насъ сильное впечатлѣніе. Когда лодка очутится на самомъ порогѣ, кругомъ нея вода положительно кипитъ; вся поверхность рѣки покрыта мятущимися волнами съ бѣлой пѣной на гребняхъ, съ плескомъ и шумомъ выскакивающими вверхъ и обдающими лодку брызгами. Между волнъ все дно видно, каменистое и гладкое какъ плитнякъ съ трещинами и разсѣлинами. Быстрота воды страшная, голова кружится, когда смотришь на эту кипящую, мчащуюся по бокамъ лодки пѣну. Едва-едва, несмотря на страшныя усилія, проталкиваемся черезъ самую стремнину и начинаемъ замѣтно подвигаться впередъ, а на самой быстринѣ впечатлѣніе такое, какъ будто лодка стоитъ на мѣстѣ.

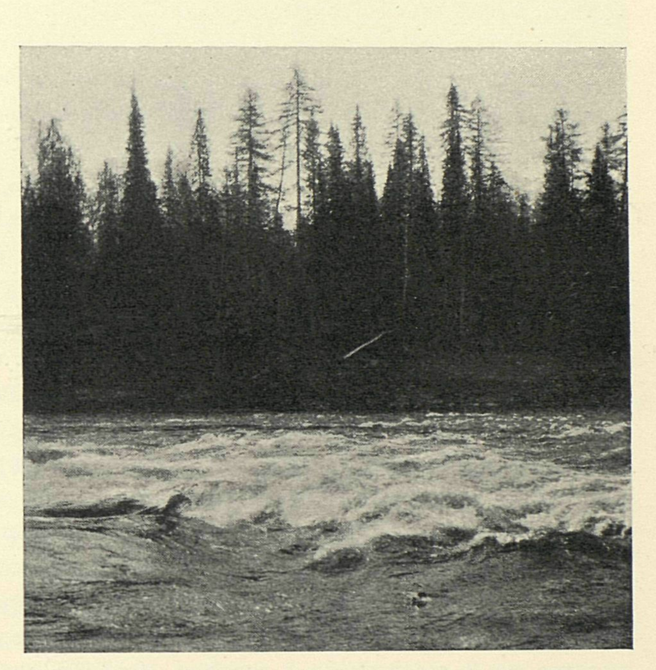
Уже и при этомъ первомъ порогѣ замѣчается характерная особенность того мѣста, гдѣ порогъ—высокій берегъ и на немъ выходы слоистаго камня; и впослѣдствіи вездѣ приходилось наблюдать, что порогъ всегда помѣщается тамъ, гдѣ на берегъ выходитъ камень, т. е. каменная гряда въ этомъ мѣстѣ прорѣзана рѣкой и остатки ея, поднимающіеся со дна, и образуютъ порогъ. Вода чиста и совершенно прозрачна, все дно, состоящее сплошь изъ слоистаго гладкаго камня, видно, какъ будто это не дно рѣки, а наружная поверхность.

Ѣдемъ спокойнымъ мѣстомъ, и удивительно странно глядѣть на рядъ идущихъ впереди лодокъ съ ихъ оригинальнымъ способомъ передвиженія: мѣрно, въ тактъ поднимаются и опускаются шесты въ рукахъ ямщиковъ, словно люди эти съ усиліемъ вкалываютъ какія-то огромныя булавки въ упругую поверхность рѣки, быстро ихъ вытаскиваютъ и опять медленно съ усиліемъ вкалываютъ. Всѣ рабочіе мокры и въ однѣхъ рубахахъ, они вынесли страшное напряженіе при проходѣ порога и слѣдующей за нимъ быстрины, всего, пожалуй, версты 2.

Проѣхали мы отъ остановки парохода верстъ 10—12, и тутъ второй порогъ, гораздо большій и считающійся зырянами самымъ большимъ и опаснымъ, „Рочь-кось“, т. е. русскій порогъ; далеко еще не

Р. Вымъ.

доѣзжая, уже слышенъ его ревъ; вся рѣка здѣсь перегорожена высокимъ валомъ взлетающей вверхъ ревущей воды съ бѣлою пѣной. Свечерѣло уже, и въ холодномъ воздухѣ надъ порогомъ стоитъ облако тумана и скрываетъ подъ своимъ покровомъ что творитъ тутъ бѣшеная рѣка; далеко уже отъѣхали отъ порога, благополучно перескочивъ этотъ переливающійся валъ, а все еще вслѣдъ намъ доносится могучій грохотъ его и бѣлое облако тумана неподвижно стоитъ надъ нимъ, медленно расплываясь сверху. Стало очень прохладно; правый берегъ еще освѣщенъ красноватымъ свѣтомъ заката, лѣвый мраченъ и теменъ, ели придвинулись къ самой водѣ и склонились надъ ней, и таинственна темная глубина дикаго, пустыннаго лѣса. Небо безъ одного облачка.



Порогъ „Рочь-кось" на Вымѣ.

За этими порогами идутъ еще: малый Рочь-кось, Ышъ-мысъ-кось (быкъ-корова-порогъ, названный такъ, вѣроятно, вслѣдствіе рева, имъ издаваемаго) и Коинъ-кось (волкъ-порогъ, опять же, вѣроятно, по вою, имъ издаваемому). Послѣдній оказался для нашей лодки опаснѣе и хуже всѣхъ, такъ какъ она чуть-чуть на немъ не опрокинулась, застрявъ въ камняхъ. При проѣздѣ всякаго порога самая интересная минута та, когда лодка на самой быстринѣ, при полномъ напряженіи рабочихъ силъ, нѣсколько моментовъ стоитъ на мѣстѣ, пока наконецъ проскользнетъ впередъ и медленно, съ усиліемъ выпихнется на болѣе тихое мѣсто; тутъ поневолѣ на мгновеніе мелькаетъ мысль: ну, худо дѣло,—и только что подумаешь, какъ чувствуешь, что лодка начинаетъ опять двигаться.

Нѣсколько выше Коинъ-кося съ лѣваго берега впадаетъ въ Вымъ рѣка Коинъ, берущая начало изъ тѣхъ же болотъ около Синдорскаго озера, изъ которыхъ текутъ и Веслянка и Вишера, такъ по крайней мѣрѣ говорятъ зыряне, побывавшіе въ тѣхъ мѣстахъ. Коинъ рѣка довольно широкая, немного уже его и рѣка Пейсынъ-ю, впадающая въ Вымъ съ праваго берега верстъ 5 выше Коина, съ подошедшимъ къ самымъ берегамъ лѣсомъ, въ которомъ очень много лиственницы; при

впаденіи Пейсынъ-ю, между нимъ и Вымомъ образуется очень сухой высокій мысъ съ 2 расположенными на немъ керками и съ прекраснымъ покосомъ. Тутъ мы останавливаемся на ночлегъ, ужинаемъ или обѣдаемъ, назвать можно какъ угодно, по времени — ужинъ, а такъ какъ мы цѣлый день ничего не ѣли, кромѣ легкой закуски утромъ, то, пожалуй, и обѣдъ, и располагаемся кто въ керкахъ, кто въ амбарахъ, а кто въ лодкахъ; съ начала-то путешествія намъ казалось страшновато ночевать въ лодкахъ, на самой рѣкѣ среди тумана, поднимающагося съ ея поверхности, и при очень низкой для второй половины мая температурѣ, но впослѣдствіи ни одинъ членъ экспедиціи не выходилъ ночевать на берегъ, такъ хорошо спалось намъ въ лодкахъ, тепло укрывшись шубой на толстомъ слоѣ соломы.

Ночь совершенно свѣтлая, и мы пользуемся случаемъ пройти поглубже въ лѣсъ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается въ его таинственной глубинѣ. П. В. Ведровъ, какъ страстный охотникъ, беретъ ружье и идетъ „постоять на тягѣ", что кажется здѣсь, въ такой большой сѣверной широтѣ, въ такомъ глухомъ крупномъ лѣсу и при такомъ морозѣ, чѣмъ-то несообразнымъ, и я, будучи самъ охотникомъ, даже рискую предсказывать, что, конечно, это затѣя пустая и ничего не только П. В. не убьетъ, но и не увидитъ. Но я былъ жестоко посрамленъ, когда, услышавъ выстрѣлъ, отправился къ П. В. и увидѣлъ самъ воочію и тянущаго вальдшнепа и убитаго Петромъ Владиміровичемъ.

Въ то время, пока П. В. стоялъ на тягѣ, я успѣлъ довольно далеко зайти въ глубь лѣса, причемъ характеръ берега оказался совершенно обычный—типичный для береговъ нашихъ сѣверныхъ рѣкъ: сначала полоса покоса до лѣса, затѣмъ очень неширокая въ этомъ мѣстѣ полоса болота, на которомъ растетъ лѣсъ и которое, казалось бы, такъ легко спустить въ рѣку, стоило бы только прокопать нѣсколько канавъ отъ болота до берега, а дальше мѣстность начинаетъ подниматься и версты на 2, насколько я успѣлъ пройти, идетъ сухой боръ съ бѣлымъ мхомъ, съ страшнымъ количествомъ лома на совершенно чистомъ пескѣ; нѣсколько разъ попадались сырыя мѣста, не песчаныя, на которыхъ растетъ лѣсъ гораздо выше, начинаетъ попадаться ель и немного березы, показываются кустарники, рябина, ольха и растетъ прекрасная трава. Какъ на покосахъ, такъ и на подобныхъ мѣстахъ въ лѣсу, породы травъ особенностей никакихъ не представляютъ и ничѣмъ не отличаются отъ травъ, покрывающихъ наши луга и лѣсные покосы.

Уже очень поздно улеглись мы спать, достаточно продрогши на морозѣ; прошлогодняя трава вся покрылась инеемъ, а на утро уже въ 6 часовъ было жарко; такіе переходы отъ дневного жара къ ночному морозу мы потомъ испытывали каждую ночь и совершенно къ нимъ привыкли.

Утро превосходное, ясное и тихое; надъ рѣкой въ тѣни, куда еще не хватило солнышко, стелются остатки ночного тумана, далеко синѣютъ

покрытые лѣсомъ берега. Третій теплый день и все начинаетъ зеленѣть; изъ лѣсу раздаются разнообразные крики всякихъ прилетныхъ птичекъ, а по песчанымъ берегамъ перепархиваютъ, трепеща крылышками, кулички, и голоса ихъ все время мелодично звенятъ, какъ колокольчики.

Зыряне-ямщики.

Ѣду и разговариваю съ своими ямщиками Степаномъ Деичемъ, Рупомъ Сидорычемъ и Пилатіемъ Діомидычемъ; послѣдній, впрочемъ, сильно глухъ и по-русски говоритъ мало, Рупъ тоже не особенно много говоритъ о дѣлѣ, а больше любитъ поразсказать о себѣ и сколь онъ всѣми уважаемъ и чтимъ, а Степанъ толково отвѣчаетъ и разсказываетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Узнаю отъ него совершенно тѣ же свѣдѣнія, что и отъ тѣхъ, кого распрашивалъ въ Веслянахъ: на песчаномъ грунтѣ по берегамъ Выма хлѣбъ родится плохо, самое лучшее самъ 5, и то только на сильно унавоженной почвѣ. Кто держитъ 3-хъ коровъ, считается уже богачемъ, такъ какъ онъ можетъ достаточно унавоживать свою очень небольшую пашню и получать завидные урожаи въ самъ 5, но тутъ большимъ препятствіемъ служитъ малое количество покосовъ и ихъ страшная удаленность отъ селеній. Часто рожь зябнетъ и тогда и посѣянныя сѣмена пропадаютъ совершенно даромъ. Недостатокъ покосовъ принуждаетъ искать для скота какого-нибудь подсобнаго корма, и зыряне заготовляютъ на зиму бѣлый мохъ, которымъ и кормятъ коровъ. Очень поддерживаетъ зырянъ, живущихъ на Вымѣ, рыболовство; Вымъ рѣка рыбная, въ ней ловится семга (лёль), лохъ, сигъ (кебасъ), харіусъ (ноомъ) и другія, менѣе цѣнныя породы рыбъ. Въ Усть-Вымѣ бываетъ ярмарка, на которую рыболовы свозятъ свою добычу и продаютъ ее пріѣзжающимъ туда рыботорговцамъ, и въ хорошіе годы заработываютъ этимъ очень много; ловятъ неводами (сирпъ), заводя ихъ на лодкахъ. Свѣдѣнія объ урожаяхъ совершенно сходятся съ тѣмъ, что говорили и вездѣ по Выму тѣ, кого приходилось распрашивать.

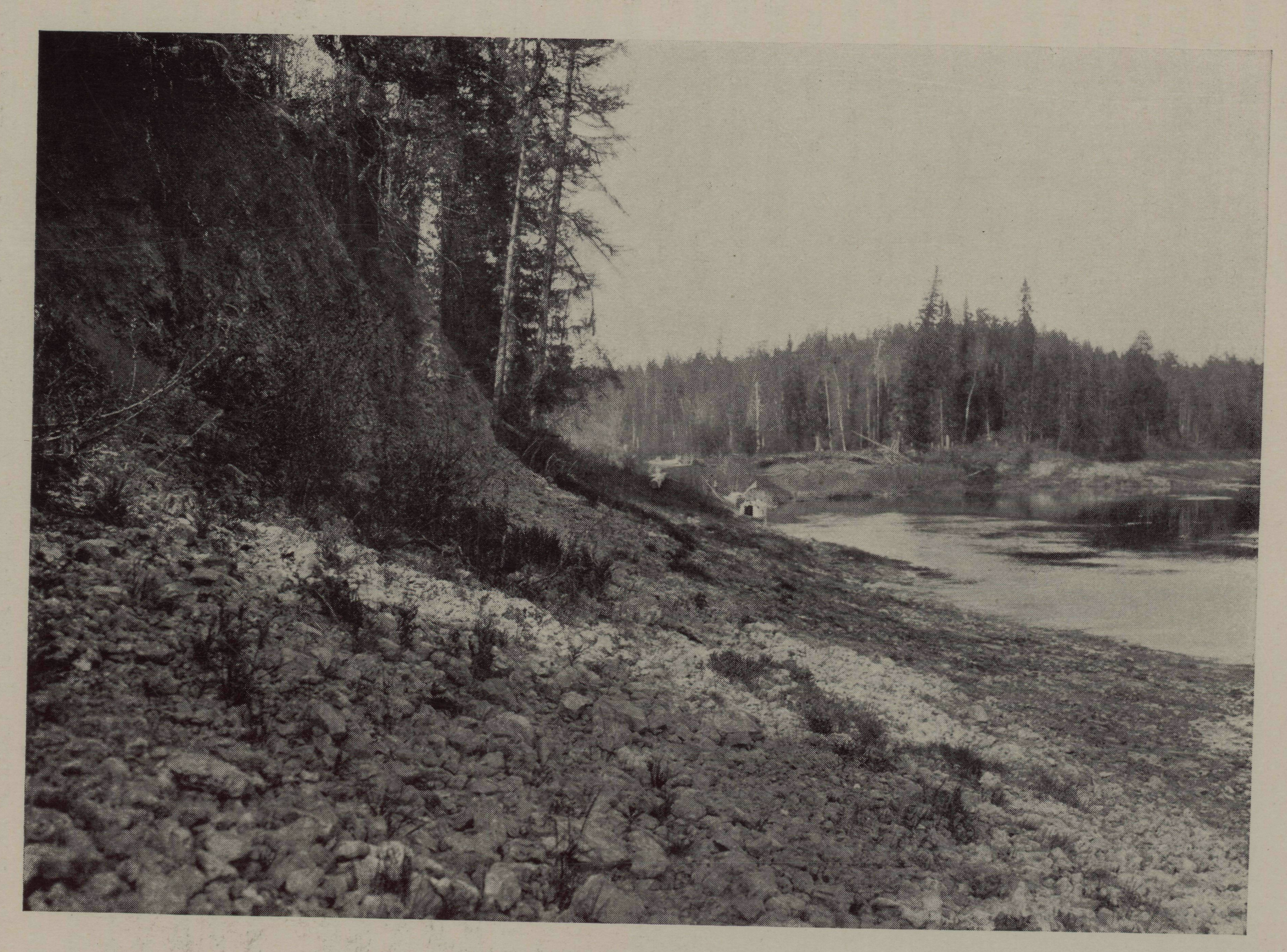
По берегамъ Выма довольно часто попадаются керки, типъ постройки которыхъ нѣсколько отличается отъ керокъ по Вишерѣ; здѣсь керка обязательно снабжена или сѣнями или по крайней мѣрѣ навѣсомъ, на сторонѣ, гдѣ дверь, собашники и чуланы отсутствуютъ, остаются при керкахъ только амбары.

Пользуясь приваломъ на высокомъ правомъ берегу, верстахъ въ 18 отъ ночлега, мы съ И. М. Шемигоновымъ отправляемся въ ботаническую экскурсію и забираемся въ глубь лѣса на берега какихъ-то ручейковъ; здѣсь, между двухъ стѣнъ деревьевъ, въ этихъ миніатюрныхъ долинкахъ, безъ малѣйшаго признака вѣтра, воздухъ, накаленный солнцемъ, дѣлаетъ прямо чудеса; кажется, на глазахъ поднимается и растетъ всякая травинка, еще вчера голая земля съ побурѣвшими остатками прошлогодней травы сегодня уже покрыта массой молодыхъ ярко зеленѣющихъ травъ, долго сдерживаемая сила растительности начинаетъ пышно распускаться, въ особенности по этимъ накаленнымъ естественнымъ теплицамъ. Результаты нашей экскурсіи, однако, далеко не блестящи; всѣ почти виды намъ извѣстны давно по нашимъ лугамъ юго-западныхъ уѣздовъ, я радуюсь только, найдя совершенно у насъ не встрѣчающуюся linnea borealis.

Пришли мы къ стоянкѣ, когда уже весь караванъ собрался къ отплытію, ѣдемъ дальше и скоро пересѣкаемъ выходящій на берегъ визиръ; на берегу стоитъ визирный столбъ въ надписями: № 239, s. 301, w. 78 в. 300 с. Судя по положенію этого столба, можно думать, что съ утра мы ушли 28—30 верстъ, а характеръ песчаныхъ береговъ съ изрѣдка попадающимися выходами камня, съ лѣсомъ то взбѣгающимъ на холмы, то опускающимся въ низины, то надвинувшимся къ самой водѣ и кое-гдѣ нависшимъ надъ подмытыми стѣнами береговъ, нисколько не мѣняется; такъ же однообразно тянутся они, уходя впередъ насколько глазъ хватаетъ. Зыряне разсказываютъ намъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ этотъ визирный столбъ, въ старину было поселеніе чуди бѣлоглазой.

Керка на Вымѣ.

Въ 66 верстахъ отъ Веслянъ (по зырянскому счету) съ праваго берега впадаетъ р. Чисъ-ва и около ея впаденія, на самый берегъ Выма выдвинулась скала съ ясно выраженными слоями камня; весь скатъ берега подъ ней состоитъ изъ продуктовъ разрушенія этой горы и покрытъ сплошь разслоившимися кусками известняковъ, а на половинѣ этого ската изъ-подъ камней бьетъ



Скала, у подножія которой выходятъ сѣро-водородные ключи.

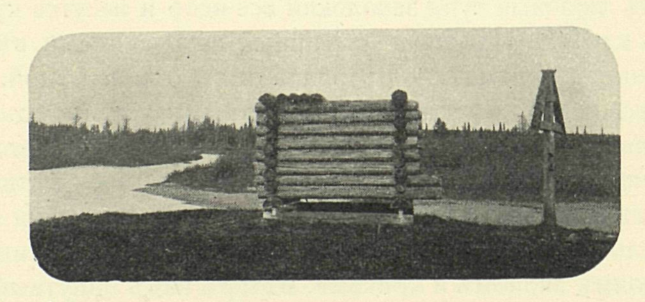
нѣсколько ключей прозрачной холодной воды, сильно пахнущей сѣроводородомъ; запахъ настолько силенъ, что даже при проѣздѣ мимо по рѣкѣ совершенно ясно ощущается.

За этотъ день мы прошли, по зырянскому счету, 42 версты, да вчера 30, итого отъѣхали отъ Веслянъ 72—75 верстъ. Счетъ верстъ зыряне ведутъ совершенно по особенному: они дѣлятъ всю рѣку на извѣстныя части по названію „чёмкасъ“; долго добивались мы, по какому разсчету опредѣляютъ они длину своихъ чёмкасовъ, и, наконецъ, изъ распросовъ и объясненій поняли, что они разсчитываютъ ихъ не по количеству верстъ, но по тому количеству труда, какое приходится на прохожденіе этой части затрачивать; такъ они говорятъ: „этотъ чёмкасъ трудный всего версты въ 3“, а другой легкій и на 8 верстъ растянется, но въ общемъ ошибки не будетъ, если принять чёмкасъ равнымъ 6 верстамъ. Всю рѣку Вымъ отъ Веслянъ и до Шомъ-Вуквы они раздѣляютъ на 18 чёмкасовъ и самую Шомъ-Вукву также на 18 чёмкасовъ такъ, что, по ихъ счету, до переволока 36 чёмкасовъ или 216 верстъ, что довольно вѣрно, по крайней мѣрѣ по картамъ, хотя, надо сказать, и не особенно точнымъ, выходитъ это разстояніе равнымъ 222 верстамъ. Вечеромъ мы были отъ Веслянъ въ 12 чёмкасахъ.

Вымъ въ 75 в. отъ Веслянъ.

Хорошая погода насъ не долго порадовала, и уже на слѣдующій день съ утра опять мрачныя тучи заволокли все небо и несутся куда-то вдаль, свиваясь въ клубки, холодно и страшный юго-западный вѣтеръ реветъ въ лѣсу, свинцовая рѣка вся въ волнахъ съ бѣлой пѣной. Какъ вчера при солнцѣ все казалось веселымъ и радостнымъ, такъ сегодня все мрачно и непривѣтливо; лѣсъ уныло шумитъ, мѣрно раскачиваются великаны-ели, со свистомъ треплетъ своими чуть опушающимися вѣтвями березка, дрожитъ подъ напоромъ вѣтра сосна; никакой живой души и не видно и не слышно, словно вымерли вчерашніе веселые кулички и птицы, наполнявшіе лѣсъ своимъ звономъ и криками. Вѣтеръ намъ попутный и много помогаетъ работѣ шестами, идемъ довольно быстро, около 4 верстъ въ часъ.

Съ праваго берега не особенно далеко одна отъ другой впадаютъ рѣчки Помрасъ-ю и Нюрочъ-ю; ни далеко ли онѣ идутъ, ни откуда онѣ берутся, словомъ, ничего о нихъ не извѣстно. Недалеко проѣхавъ отъ впаденія Нюрочъ-ю, переходимъ границу Вологодской и Архангельской губерній и входимъ въ предѣлы послѣдней; мы вышли на берегъ и убѣдились, что границы въ натурѣ никакой нѣтъ, нѣтъ даже и малѣйшаго намека на то, что она когда-нибудь здѣсь существовала, и только ѣхавшіе съ нами лѣсники указывали на одну очень старую сосну съ затесями и говорили, что она стоитъ какъ разъ на границѣ. Такимъ образомъ, мы въѣхали уже въ Архангельскую губернію. Путь на Ухту идетъ по рѣкѣ Выму и по его притоку Шомъ-Буквѣ, верховья которой уже подходятъ къ среднему теченію Ухты, и другимъ способомъ водою попасть на нее нельзя. Шомъ-Вуква вся цѣликомъ находится въ предѣлахъ Архангельской губерніи, а Ухта только частью своего теченія проходитъ въ Вологодской, но именно тою частью, которая и извѣстна своими выходами нефти. Отсюда до Шомъ-Вуквы, по которой намъ предстояло ѣхать, остается всего 2 чёмкаса, т. е. около 12 верстъ. Вымъ сталъ замѣтно уже, и больше сталъ дѣлать загибовъ, но характеръ береговъ его не измѣняется до самаго впаденія Вуквы, куда мы къ вечеру и добрались; поднялись на довольно высокій берегъ и передъ нами открылась унылая картина сѣверной природы: Вуква впадаетъ въ Вымъ такимъ образомъ, что обѣ рѣки составляютъ какъ бы вилку о двухъ зубцахъ; на берегу у впаденія стоитъ старая заброшенная керка съ провалившейся крышей и рядомъ съ ней покосившійся гнилой, покрытый мохомъ крестъ, слѣды когда-то бывшихъ здѣсь людей. Отъ этого мѣста виденъ и Вымъ, текущій среди песчаныхъ заросшихъ лѣсомъ береговъ, и узенькая извилистая Вуква, вытекающая изъ какого-то сѣраго, однотоннаго лѣса. Къ вечеру поразъяснило и стало морозить. И на другой день облака грядами тянутся по небу, холодно; кое-гдѣ проглянетъ голубое небо, брызнутъ холодные лучи солнца, все подъ ними засверкаетъ и заискрится, а потомъ опять сдвинутся тяжелыя облака и опять весь пейзажъ станетъ непривѣтливымъ и мрачнымъ и сдавитъ со всѣхъ сторонъ то маленькое пространство, гдѣ мы ѣдемъ.



Устье Шомъ-Вуквы.

Глава VII.

Рѣка Шомъ-Вуква, переволокъ, рѣка Ухта, выходы нефти на ней, Сидоровскій заводъ и окружающая его мѣстность.

Вуква характерная лѣсная рѣчка, извилистая, неширокая; лѣсъ—ель, береза, сосна и изрѣдка лиственница, подходитъ къ самой водѣ; березы и молодой и старой порядочно, и она здѣсь еще совершенно голая рѣзко выдѣляется красновато-лиловыми пятнами на фонѣ сочной темной зелени елей. Все еще попадаются покосы по берегу и по нимъ разростаются у самой воды кустики тальника и ивы. Верстахъ въ 25 отъ устья, Вуква входитъ въ страшно глухой еловый лѣсъ, который уже не даетъ здѣсь мѣста никакимъ покосамъ, никакимъ полянкамъ, подступилъ съ обоихъ довольно высокихъ береговъ и смотрится въ рѣку; въ мрачную глубину его впереди уходитъ рѣка. Здѣсь въ Вукву впадаетъ такая же мрачная рѣчка Той-ю. Съ береговъ кое-гдѣ съ журчаніемъ падаютъ въ Вукву ручейки (по-зырянски шоры).

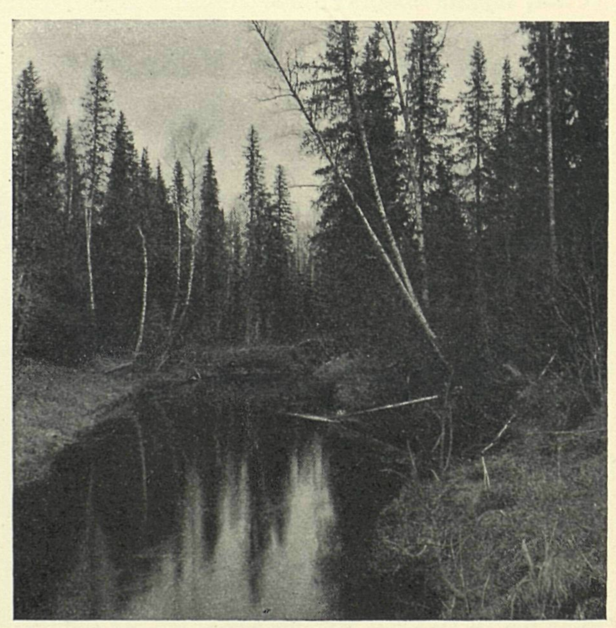
Вуква въ 30 в. отъ устья.

Пройдя эту мрачную часть Вуквы, мы выѣзжаемъ на очень веселое мѣсто съ молодымъ березнячкомъ, зелеными полянками, лужайками, по которымъ купами

Шомъ-Вуква въ еловомъ лѣсу.

растутъ деревья. Видны старыя остожья,—оказывается, что и отсюда сплавляютъ сѣно въ деревни по Выму, а это составляетъ верстъ 140; какъ, значитъ, велика нужда въ сѣнѣ и какъ мало тамъ расчищенныхъ мѣстъ, если и отсюда зыряне выцарапываютъ сколько могутъ травы и на утлыхъ плотикахъ везутъ ее домой за 140 верстъ, а, какъ говорятъ, иногда и довезутъ-то ее только до пороговъ, а тамъ при неудачѣ и плотикъ налетитъ на камни и разлетится на свои составныя части и сѣно поплыветъ внизъ по теченію уже самостоятельно.

Съ праваго берега вливается рѣка Мадмасъ, довольно широкая при впаденіи и, какъ говорятъ зыряне, очень длинная, по крайней мѣрѣ лѣсъ весною гонятъ по ней цѣлые 7 дней, а за нимъ Вуква опять течетъ по еловому лѣсу, дѣлаясь все уже и извилистѣе. На берегахъ навалено безъ конца деревьевъ, принесенныхъ весенней водой, ломъ ужаснѣйшій, и среди этого лома и перепутавшихся между собой во всевозможныхъ положеніяхъ корягъ и стволовъ извивается Вуква, поворачивая то туда, то сюда, ни разу не образуя хотя бы не особенно длиннаго плеса. И чѣмъ дальше, тѣмъ Вуква становится уже, лома на берегахъ все больше. То она идетъ лѣсомъ и тотъ нависнетъ



Вуква въ 60 в. отъ устья.

Устье р. Мадмасъ.

надъ ней и угрюмо смотрится въ ея темныя воды, а она бурлитъ между наваленнымъ ломомъ, то пробѣжитъ зеленѣющей полянкой съ песчаными берегами и все вьется и вьется и лодки наши только и дѣлаютъ, что поворотъ за поворотомъ. Рѣка очень мелка и ея дно при ея особенно чистой, чуть желтоватой водѣ видно со всѣми мельчайшими подробностями; и на немъ также много затонувшаго лома.

На восьмомъ чёмкасѣ мы прошли тропой на перерѣзъ рѣки версты 4, на лодкахъ же, выдѣлывая всѣ крюки, какъ изворачивается Вуква, надо тутъ ѣхать верстъ 16. Тропа идетъ то по боровымъ мѣстамъ, заросшимъ ягелемъ, то перебѣгаетъ черезъ болота; ломъ въ лѣсу страшный, вѣковой; вѣдь никто никогда тутъ не только не подумалъ убрать что-нибудь, но даже, вѣроятно, и не взглянулъ на эти поваленные огромные стволы, вошедшіе въ землю и уже заросшіе мохомъ, — въ особенности ломъ этотъ ужасенъ на болотахъ, которыя уже и сами по себѣ достаточно неудобопроходимы, благодаря страшнымъ кочкамъ, а тутъ еще сверху нихъ навалены старые гнилые стволы съ остатками сучьевъ, на нихъ упали слѣдующіе и образуется просто невозможное сплетеніе всей этой гнили поверхъ кочекъ, а подъ нимъ среди кочекъ вода и грязь, въ которую нога проваливается до колѣна; въ особенно скверныхъ мѣстахъ черезъ воду набросаны тѣ же самые старые стволы. Вышли мы, пройдя эти 4 версты, на берегъ и долго еще ждемъ, когда подойдутъ наши лодки, покрикиваемъ и, наконецъ, начинаютъ и тамъ покрикивать, потомъ и лодки показались длинной вереницей, извивающіяся по поворотамъ и зигзагамъ рѣчки. Тутъ стоитъ керка и мы располагаемся у нея на ночлегъ среди сплошного еловаго лѣса на высокомъ берегу. Рядъ лодокъ приткнулся къ берегу съ воткнутыми подлѣ каждой изъ нихъ въ берегъ шестами, засверкали огоньки, синій дымокъ поднялся столбами къ небу, вездѣ закопошились люди; на нѣкоторое время глухой лѣсной уголъ ожилъ, услышавъ людской говоръ, а потомъ опять онъ уснетъ въ своемъ

Шомъ-Вуква въ 90 в. отъ устья.

Лѣсъ, заросшій бѣлымъ мхомъ (ягелемъ).

покоѣ и долго еще только звѣрь да птица будутъ оживлять эту пустыню.

За нынѣшній день мы ушли 50 верстъ, это очень удачно. Отсюда Вуква становится еще уже, и казалось, что извилистѣе уже нельзя быть, но она дѣлается еще извилистѣе и вьется по глухому ельнику, какъ змѣя; ломъ начинаетъ становиться такимъ, что намъ уже приходится кое-гдѣ прорубаться; имъ завалены и берега, и дно, а въ иныхъ мѣстахъ такъ навалило сверху подмытыхъ елокъ и березъ, что лодка проходитъ подъ ними, какъ подъ сводами. Сѣверъ даетъ себя знать: ѣдешь по солнцу—жарко, чуть въѣхалъ въ тѣнь и чувствуешь, что въ ватной курткѣ только что такъ; здѣсь берега еще не зеленѣютъ, все еще совершенно мертво, чуть только кое-гдѣ начинаетъ пробиваться травка, да яркими свѣже-зелеными пятнами торчатъ по склонамъ кусты чемерицы. Иванъ Михайловичъ Шемигоновъ взялъ ель толщиною въ $1^1/_2$ дюйма и сосчиталъ сколько ей лѣтъ—оказалось тридцать; конечно, такой ростъ показываетъ лучше всего суровость здѣшняго климата.

Съ 12-го чёмкаса есть тропа, по которой только 17 верстъ до самаго переволока; сперва надо пройти до керки верстъ 6, а потомъ, пересѣкши рѣчку, верстъ 11 до переволока, рѣкою же туда придется ѣхать болѣе 40 верстъ. Подъѣзжая къ этой тропѣ, мы уже дошли до того, что хвостъ нашего каравана и начало его шли навстрѣчу другъ къ другу, раздѣленные только неширокимъ перешейкомъ—такъ извивается Вуква. Мы рѣшили пройти хотя до керки, а нѣкоторые изъ любителей пошли и до переволока. Тропа, послѣ того какъ недалеко отъ рѣчки пересѣчетъ большое мокрое болото, идетъ все время прекраснымъ сосновымъ боромъ по песчаному грунту, сплошь заросшему ягелемъ; удивительное зрѣлище представляетъ собою этотъ совершенно бѣлый покровъ, такъ похожій въ общемъ на снѣжный, хрустящій подъ ногами, какъ снѣгъ же въ морозный день, ярко освѣщенный солнцемъ, съ голубоватыми тѣнями деревьевъ, протянувшимися поперекъ нашей тропинки,

Завалы на Вукъ-вѣ.

которая то взбѣгаетъ на холмъ, то перебѣгаетъ черезъ низинки, то войдетъ въ довольно частый лѣсокъ, то выбѣжитъ на полянку, наконецъ, выводитъ насъ на совершенно открытую возвышенную площадь со слѣдами бывшаго здѣсь когда-то лѣсного пожара, но теперь уже заросшую густо пошедшимъ молоденькимъ соснякомъ; на краю этой площади, на склонѣ берега подошедшей сюда нѣсколькими своими изгибами Вуквы, расположилось сразу нѣсколько керокъ подъ названіемъ „Ягу-керка-долъ“ (по-зырянски „ягъ“ значитъ именно боръ, заросшій ягелемъ). Ходоки и отсюда отправляются пѣшкомъ далѣе вплоть до переволока, а мы садимся опять въ лодки и разсчитываемъ, что къ вечеру и мы доберемся къ нему, но надеждамъ нашимъ не суждено было сбыться: ломъ на рѣчкѣ дѣлается все больше и больше, и сильно насъ задерживаетъ; то сверху повалилось дерево и его приходится перерубать, то со дна торчатъ такія коряги, что съ разлета, намѣреваясь проскочить, такъ плотно усаживаемся на нихъ, что и назадъ только съ великими трудами удается сдвинуться и приходится выпиливать въ нихъ себѣ проходъ.

Мы такъ привыкли къ счету разстояній по чёмкасамъ, что для насъ совершенно ясны отвѣты зырянъ съ этимъ счетомъ, и вотъ на 14 чёмкасѣ въ этой совершеннѣйшей пустынѣ, на Вуквѣ, ставшей уже настолько узкой, что двумъ лодкамъ только что разъѣхаться, вдругъ мы встрѣчаемъ какую-то чужую лодку; мы такъ привыкли чувствовать, что тутъ только мы одни и никого изъ неучастниковъ нашего каравана нѣтъ на десятки по крайней мѣрѣ верстъ кругомъ, что положительно недоумѣваемъ, кто же это такой, кромѣ насъ, попалъ въ эти мѣста; оказалось, что это ѣдетъ съ промысла живущій тамъ въ такъ называемой Сидоровской-избѣ, какъ назвать уже по должности и не знаю: управляющимъ назвать нельзя потому, что управлять тамъ нечѣмъ, довѣреннымъ тоже не подходитъ, потому что нельзя же довѣренному, по самому смыслу этого названія, жить на промыслѣ, на которомъ ничего не дѣлается и ничего, кромѣ избы нѣтъ, и караульщикомъ избы

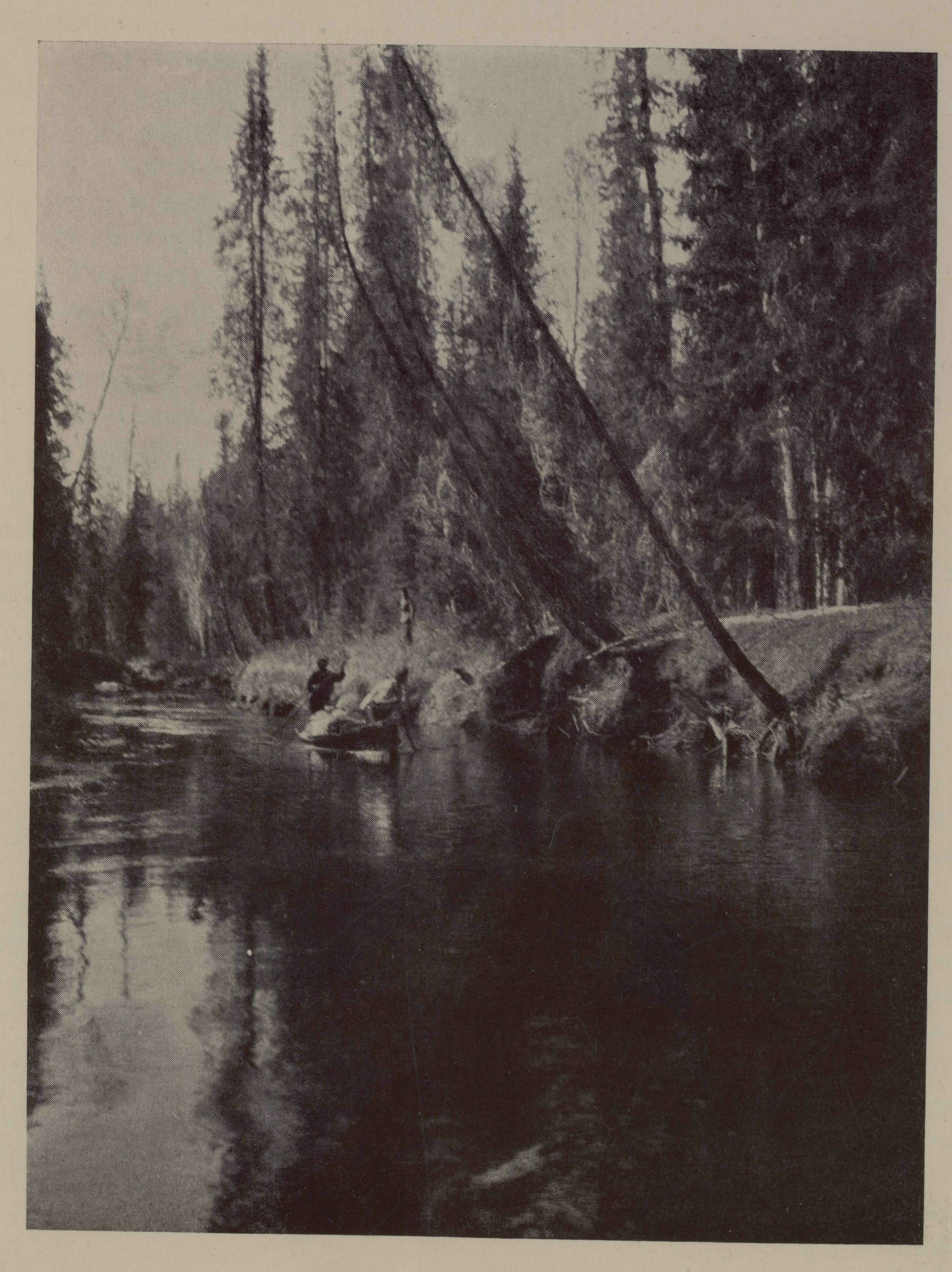
Ягель.

также, пожалуй, назвать нельзя, такъ какъ онъ чиномъ много повыше этого,—ну, такъ ѣдетъ это неопредѣленное лицо навстрѣчу экспедиціи нѣкоего Воронова, которая якобы съ машинами, инструментами и всѣмъ прочимъ ѣдетъ на Ухту добывать нефть. Едва мы разъѣхались съ этимъ господиномъ и немного отъѣхали отъ него, какъ дорогу намъ преградила, видимо только что упавшая послѣ уже проѣзда встрѣчной лодки, вершковъ въ 8 ель; пришлось вырубать въ ней кусокъ и проложить себѣ такимъ образомъ дорогу.

На 15-мъ чёмкасѣ характеръ рѣки рѣзко измѣняется и она бѣжитъ открытыми полянами съ купами березокъ и изрѣдка приткнувшейся къ нимъ елью, покрытыми травой, а глухой ельникъ и мохъ какъ-то отошли и только изрѣдка приближаются съ одного берега; по березовымъ зарослямъ поютъ птицы, которыхъ совершенно не слышно въ глухомъ лѣсу. Тутъ среди болота, сплошь покрытаго остроконечными кочками, въ Вукву впадаетъ рѣчка Бадъ-іоль съ праваго берега и недалеко съ лѣваго Кременечь-іоль, и ширина Вуквы, у которой сразу отнимается столько воды, отсюда уже не болѣе 8—10 шаговъ, а сама она становится совершенно болотной рѣчкой, извивающейся среди сквернаго кочковатаго болота; между кочками жидкая грязь, подальше отъ берега, впрочемъ, видны мѣста повыше и посуше, а когда мы, не дойдя 2-хъ чёмкасовъ до волоку, принуждены были остановиться на ночевку и, выйдя на берегъ, отошли отъ рѣки въ сторону, то тамъ оказался прекрасный сухой боръ съ бѣлымъ мохомъ на высокомъ песчаномъ мѣстѣ, съ громадной высоты рѣдкими лиственницами.

Тутъ на рѣчкѣ мы нашли записку ушедшихъ пѣшкомъ, они здѣсь перешли ее и отправились дальше тропой на волокъ, до котораго отсюда остается 6 верстъ. На мѣстѣ нашей остановки въ Вукву впадаетъ маленькій болотный ручей Ягмусеръ-іоль и еще убавляетъ воды, а уже и такъ намъ приходилось въ нѣсколькихъ мѣстахъ тащить лодки по дну волокомъ. Къ ночи сильно морозитъ и мы едва-едва досидѣли, пока готовился ужинъ, и поскорѣе забрались подъ шубы, а на утро, только что солнце выглянуло, какъ и стало припекать и сгонять ночной туманъ, струями утекающій по водѣ отъ его лучей въ тѣнь.

Отъ впаденія послѣдняго ручья, Вуква мѣняетъ свое названіе на названіе чисто русское, не совсѣмъ удобное для напечатанія, по какой-то странной случайности пріобрѣтшее себѣ право на существованіе среди всѣхъ другихъ чисто зырянскихъ кличекъ, и становится она просто сквернымъ болотнымъ ручьемъ шириною аршина въ 4, извивающимся по сплошному, грязному, жидкому кочкарнику, заросшему ивовыми кустами и тальникомъ. Попробовалъ слѣдить за ея извивами и по приблизительному измѣренію насчиталъ на 100 саженяхъ десять изворотовъ въ разныя стороны; наконецъ послѣдній изворотъ и лодки съ энергіей высаживаются рабочими на берегъ; отсюда 6 верстъ до Ухты—водораздѣлъ между бассейнами Сѣверной Двины и Печоры.

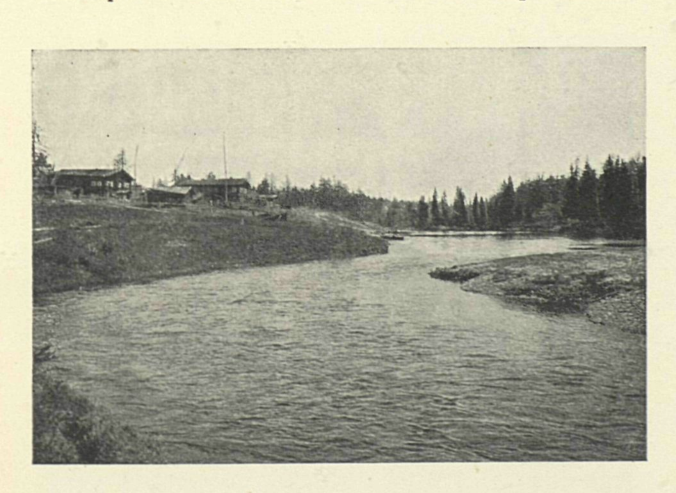


Вукъ-ва на 8 чёмкасѣ отъ устья.

Насъ уже ждали, такъ какъ пришедшіе еще вчера члены нашей экскурсіи распорядились, чтобы все по возможности было готово къ скорѣйшей переправѣ нашихъ лодокъ черезъ это шестиверстное пространство; на берегу уже были приведены лошади, запряженныя въ особаго устройства длинные экипажи, приспособленные именно къ перевозкѣ лодокъ, часть которыхъ разгружаютъ и вещи отправляютъ на отдѣльной подводѣ. Мы всѣ отправляемся пѣшкомъ и не раскаиваемся, такъ какъ дорога превосходная, идетъ гористымъ сухимъ мѣстомъ, покрытымъ лѣсомъ опять же съ бѣлымъ мохомъ, пересѣкая въ одномъ мѣстѣ болото по хорошо устроенному мосту; черезъ 6 верстъ выходимъ на довольно высокій открытый берегъ рѣки Ухты, главной цѣли нашей поѣздки. Послѣ Вуквы съ ея продолженіемъ, она кажется очень широкой, да и на самомъ дѣлѣ она довольно широка, быстра, но мелка; сверкая и искрясь на яркомъ солнцѣ, бѣжитъ она среди довольно высокихъ, заросшихъ сплошь лѣсомъ береговъ, образуя какъ разъ противъ выхода дороги изъ лѣса островъ, сплошь состоящій изъ мелкихъ камней.

Перевозка лодокъ на переволокѣ.

По склону берега раскинулся поселокъ изъ трехъ домовъ, въ которыхъ и живутъ 3 брата зырянина, существующіе главнымъ образомъ перевозкою лодокъ черезъ волокъ, а какъ побочное занятіе (въ смыслѣ заработка), они служатъ казенными лѣсниками. Держатъ они 12 лошадей, на обязанности которыхъ и лежитъ перевозка лодокъ, 14 коровъ, 50 овецъ; тщетно стараются сѣять хлѣбъ; озимовые посѣвы мы видѣли еще по дорогѣ, немного въ сторонѣ, и

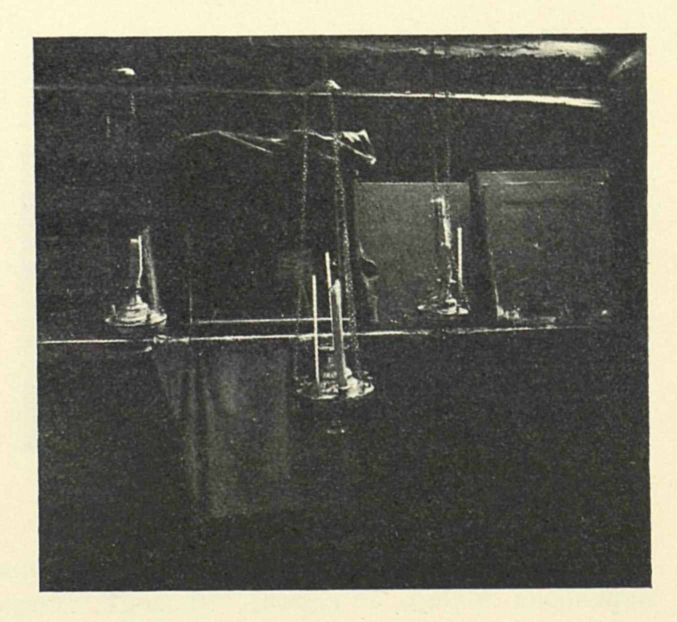


Поселокъ на переволокѣ на Ухтѣ.

Молельня на переволокѣ.

я даже полюбопытствовалъ поглядѣть какова здѣсь рожь родится и сходилъ къ нимъ съ дороги; на мой взглядъ, всходы были очень плохи, да и, по разсказамъ здѣшнихъ хозяевъ, рожь родится плохо, собирать урожаи приходится не часто, такъ какъ очень нерѣдко всѣ всходы погибаютъ отъ ночныхъ морозовъ, но, несмотря на такія неудачи, они все-таки сѣютъ, надѣясь на счастливый случай.

Въ поселкѣ своя молельня — просто какой-то сарай, въ которомъ внутри повѣшены по стѣнамъ нѣсколько иконъ, а передъ ними висятъ подсвѣчники съ толстыми свѣчами по серединѣ и мелкими по бокамъ, нѣчто въ родѣ иконостаса. Здѣсь, откуда до ближайшей церкви зимой 120 верстъ, а лѣтомъ и всѣ 150, потребность имѣть свое мѣсто, гдѣ бы можно было помолиться, выразилась въ устройствѣ такой молельни, но мы и вездѣ наблюдали въ деревняхъ зырянъ склонность непремѣнно заводить свои деревенскія мѣста для молитвы, т. е. часовни, даже въ такихъ деревняхъ, у которыхъ подъ бокомъ село. Вообще надо сказать, что зыряне, по этимъ внѣшнимъ признакамъ, народъ очень религіозный; не только во всякой деревнѣ можно встрѣтить часовню, но почти у каждой керки, у каждаго мѣста, гдѣ принято остана-



Внутренность зырянской молельни.

вливаться для отдыха, всегда торчитъ крестъ аршина въ 3 высотой; живущій часто въ одиночку въ лѣсу зырянинъ любитъ себя ограждать крестомъ отъ темныхъ, таинственныхъ силъ мрачной глубины здѣшнихъ лѣсовъ.

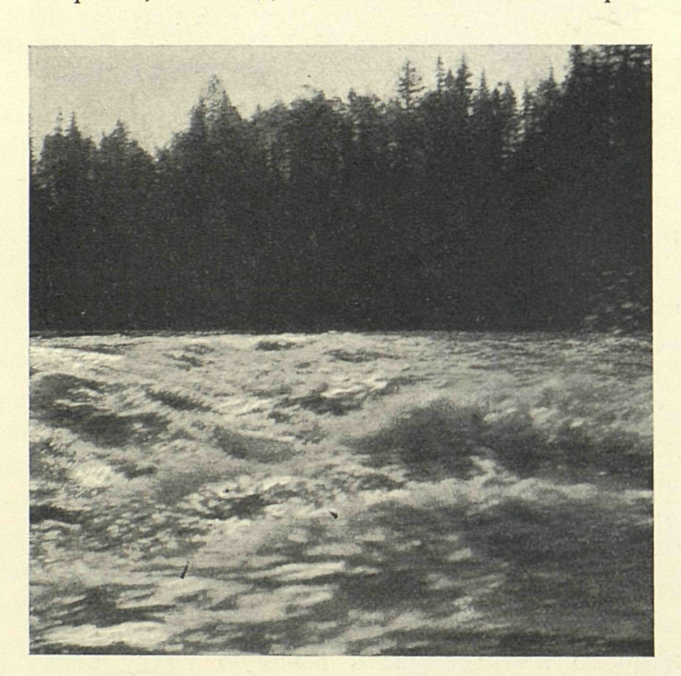
Земля подъ поселеніе отведена этимъ тремъ братьямъ казною, и живутъ они здѣсь, повидимому, припѣваючи, обдирая безъ милосердія тѣхъ, кому приходится, хочешь не хочешь, пользоваться ихъ услугами; это намъ пришлось испытать и на себѣ; ободрали они и за ночлегъ тѣхъ, кто пришелъ тропой наканунѣ, ободрали и экспедицію, взявъ за перевозку каждой лодки за 6 верстъ по 4 рубля, и то послѣ долгой торговли, а запросили они за всѣ 8 лодокъ 50 рублей. Служатъ они лѣсниками такихъ обходовъ, что, пожалуй, и ходить-то въ нихъ не стоитъ, все равно не обойдешь; это тутъ-то лѣсникъ докладывалъ И. М. Шемигонову съ самымъ равнодушнымъ видомъ, что у него въ обходѣ 278 тысячъ десятинъ 700 квадр. саженъ; вѣроятно, и въ голову ему никогда не приходило, что его обходъ равняется хорошенькому государству. Одинъ изъ нихъ оленеводъ, что обозначается прикрѣпленною къ князьку крыши парой оленьихъ роговъ,—это значитъ, что онъ имѣетъ стадо оленей, которыхъ пасутъ пастухи-самоѣды обыкновенно на тѣхъ условіяхъ, что они получаютъ жалованье и процентъ съ прироста стада; зимой они пригоняютъ стадо къ хозяину, который провѣряетъ количество головъ и величину прироста и разсчитывается съ пастухомъ; вознагражденіе, понятно, самоѣду полагается самое мизерное, такъ какъ дикій самоѣдъ страшно эксплуатируется полудикимъ зыряниномъ во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, гдѣ условія жизни сталкиваютъ этихъ двухъ жителей здѣшнихъ мѣстъ.

Зырянскій дѣдъ съ внучатами.

На переволокъ нашихъ лодокъ ушелъ почти весь день, чѣмъ мы и воспользовались и въ компаніи съ И. М. Шемигоновымъ и Н. А. Волковымъ отправились немного поизслѣдовать высшую точку водораздѣла. Прошли мы прежде всего на видѣнныя нами еще по дорогѣ озими и посмотрѣли ихъ: несмотря на 28 мая, онѣ были высотою не болѣе вершка, рѣдки и тощи и были болѣе похожи на плохой начинающій только что проростать лужокъ, чѣмъ на озимовое поле. По дорогѣ посчитали годы сосны длиною въ 16 аршинъ, шириною въ 5 вершковъ,

оказалось 192 года, другой въ $4^{3}/_{4}$ вершка оказалось 142 года; и состоянiе озимей, и такiе почтенные года сосенъ при столь малой ихъ солидности, безъ сомнѣнiя, служатъ яснымъ показателемъ крайней суровости здѣшняго климата, едва ли позволяющей надѣяться на возможность здѣсь какой-нибудь сельскохозяйственной культуры. На самой высшей точкѣ перевала И. М. Шемигоновымъ и мною собрано довольно много интересныхъ ископаемыхъ. Мѣстность, сколько мы ни ходили, вездѣ одна: песокъ, на немъ сухой мохъ очень разнообразныхъ видовъ и тощiй сосновый лѣсокъ; болотъ намъ не попалось, но, конечно, это не значитъ, что ихъ здѣсь нѣтъ.

Наконецъ, къ вечеру лодки наши были всѣ перевезены, и мы, не откладывая, поскорѣе нагрузивъ ихъ своими вещами, отправились внизъ по Ухтѣ, которая отъ самаго переволока является очень красивой рѣкой, быстро бѣгущей между высокихъ береговъ, покрытыхъ мѣшанымъ лѣсомъ изъ ели, березы и лиственницы, а у самой воды засѣла во многихъ мѣстахъ плотной массой еще совершенно голая ива. Берега часто представляютъ песчаные съ промоинами обрывы, иногда очень высокiе, а подножiя ихъ состоятъ сплошь изъ мелкаго свѣтлаго, бѣлѣющаго среди надвигающихся сумерокъ, камня, изъ котораго попадаются и островки на рѣкѣ, а иногда онъ отходитъ отъ береговъ въ рѣку въ видѣ полуострова; иногда берегъ попадается совсѣмъ низкiй и по нему растянется ровное гладкое болото съ чуть начинающей подниматься изъ воды ровной ярко-зеленой щеткой осоки.



Порогъ на Ухтѣ.

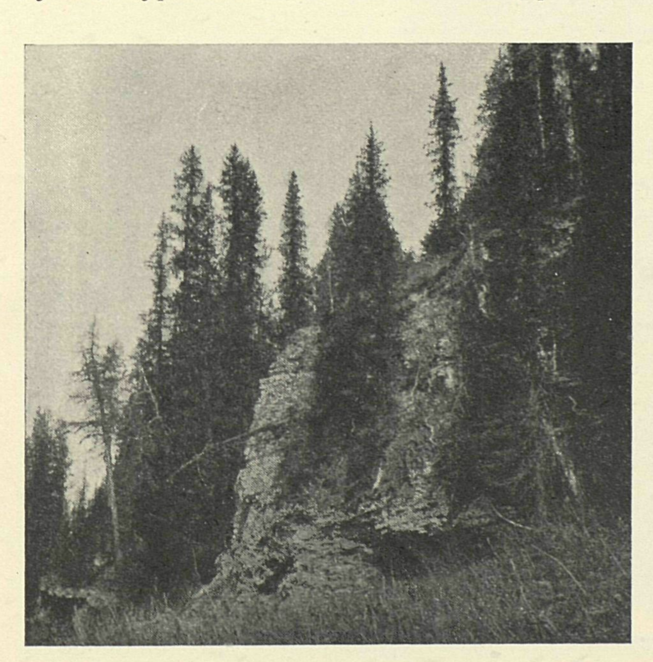
Верстахъ въ 8 отъ поселка на Ухтѣ порогъ „Омуль-iола-кось“, гораздо поменьше Вымскихъ, да и ѣдемъ мы по теченiю, такъ что не успѣетъ лодка въѣхать въ пѣнящуюся поверхность рѣки, какъ страшно быстрое теченiе въ одинъ моментъ выноситъ ее на гладкую поверхность спокойнаго мѣста и она уже скользитъ далеко отъ порога почти безъ всякихъ усилiй рабочихъ; все дѣло тутъ въ томъ, чтобы она попала въ проходъ между камнями, разбиваясь о которые, кипитъ вода, и не повернулась бы,

Ухта.

пока ее проноситъ этимъ проходомъ. Впечатлѣніе гораздо болѣе слабое, чѣмъ на Вымскихъ порогахъ.

Съ утра на другой день все стало похоже на весну: тепло, тихо, ясно, глубокое голубое небо; все пронизано насквозь солнечнымъ свѣтомъ; легкій вѣтерокъ едва пошевеливаетъ пушистыя лапы елей, вода въ рѣкѣ беззвучно струится, и каждый камешекъ на ея днѣ виденъ и облитъ солнцемъ; птичьи голоса звенятъ по лѣсу. Облитые солнечнымъ свѣтомъ берега то обрывомъ высятся надъ рѣкой, то поднимаются покрытые щетиной лѣса горы, береза чуть зазеленѣла и, гдѣ ея побольше, кажется, что лѣсъкакъ-будтопокрылся какимъ-то зеленымъ пухомъ. Ива пропала, ель, сосна, береза и возвышающаяся надъ всѣми ими лиственница взбѣгаютъ на крутые скаты горъ до самыхъ верхушекъ и тянутся въ даль безъ конца, а подъ ними сухой, шуршащій подъ ногами мохъ, ровнымъ слоемъ застилающій песчаную почву. Иногда горы немного отступятъ отъ рѣки и оставятъ на берегу низинку, всю заросшую мохнатыми елями, а за ними поднимается сплошь покрытая лиственницею гора. Часто попадаются выходы на берегъ камня, какъ видно съ лодки, известковаго сланца. Ухта въ своемъ теченіи здѣсь перерѣзываетъ Тиманскій хребетъ и имѣетъ характеръ совершенно горной рѣки, со скалами, выходящими на берегахъ, каменистымъ дномъ, поро-

Ухта.



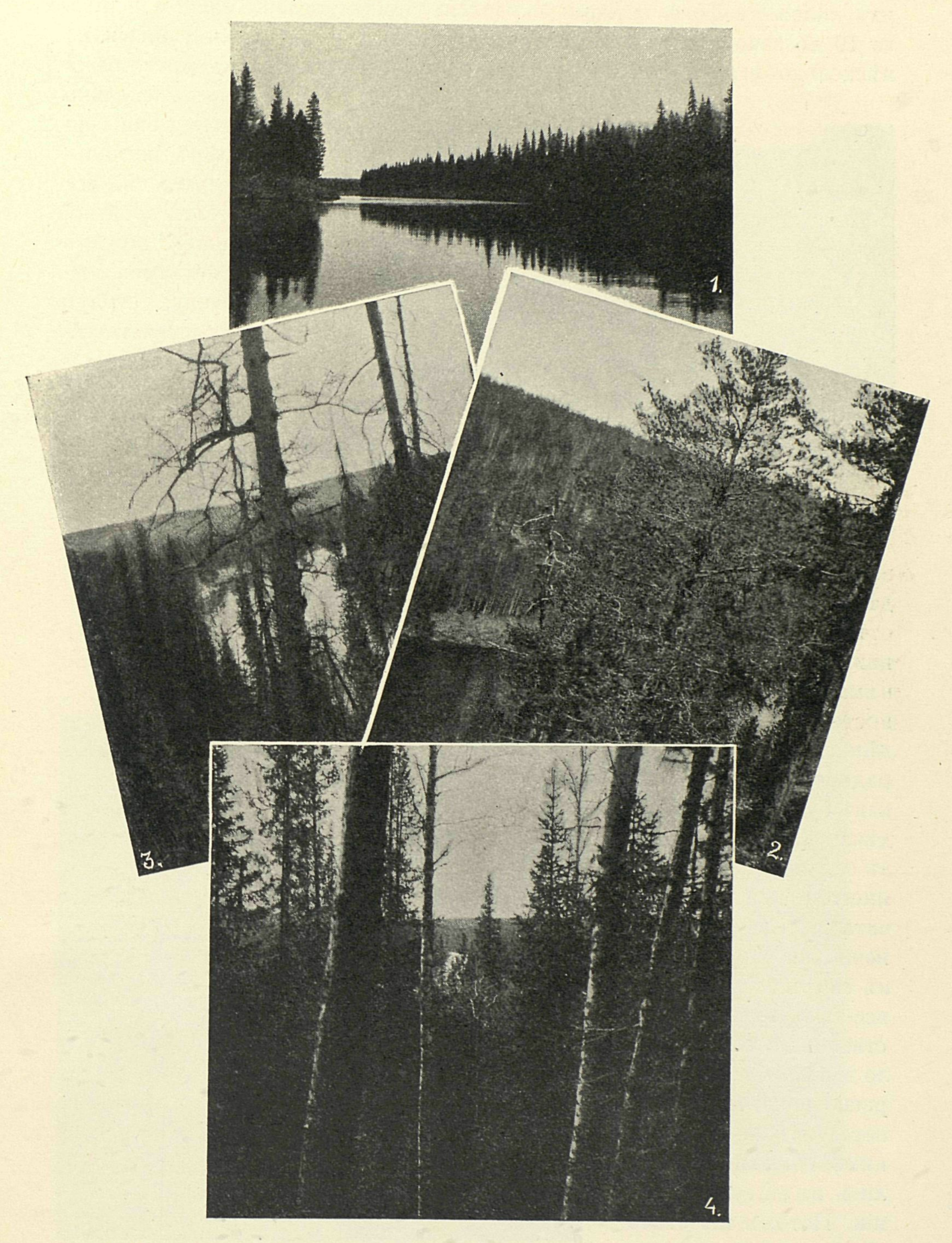
Скалистый берегъ Ухты.

гами и очень высокими горами. Верстъ за 25 до завода порогъ съ страннымъ названіемъ „Лапша-кось“, перегораживающій всю рѣку отъ острова у праваго ея берега до лѣваго, и пробѣгать приходится за этимъ островомъ по узкому проходу, по которому вода прямо несется и лодку проноситъ съ такою скоростью, что не успѣешь мигнуть, какъ уже островъ остался назади. Кое-гдѣ въ Ухту впадаютъ небольшія рѣчки и тутъ горы какъ будто чуть раздвигаются и образуютъ узенькую глубокую долину, а верстъ за 20 до завода съ праваго берега впадаетъ рѣчка Карьіоль и тутъ долина Ухты расширяется и соединяется съ довольно широкой долиной этой рѣчки, а далѣе горы опять надвигаются и заключаютъ рѣку; недалеко отсюда почти подрядъ 3 порога: Карь-іоль-кось, малый Чужмыль-кось и большой Чужмыль-кось; послѣдній довольно серіозный, и мы, предвидя, что на обратномъ пути, когда вода спадетъ и камни будутъ торчать изъ нея, и когда намъ придется переходить его не по теченію, а противъ него, вѣроятно, онъ доставитъ намъ сильныя ощущенія, стараемся запомнить тотъ ходъ, гдѣ теперь такъ удачно пронеслись черезъ эту кипящую и ревущую стремнину.

Ухта въ 25 в. отъ завода.

На привалѣ поднимались на горы, на самыя вершины, свѣтлѣвшія своими не заросшими лѣсомъ лужайками, какъ плѣшины, выдѣляющимися на фонѣ покрывающаго горы хвойнаго лѣса; поднимаясь туда, въ одномъ изъ глухихъ овраговъ нашли еще остатки зимняго снѣга,— послѣдній снѣгъ, который мы видѣли въ нынѣшнемъ году. Это было 29 мая. Съ горъ открываются великолѣпные виды на долину Ухты, струящейся глубоко внизу подъ ногами; едва бѣлѣютъ приткнувшіяся къ берегу наши лодочки, какъ какія-то букашки копошатся около нихъ люди, а кругомъ облегъ все вѣковой лѣсъ, глухой, ломный, неизвѣданный, и протянулся во всѣ стороны, и ушелъ безпредѣльно въ даль, и пропалъ въ голубомъ туманѣ у самаго горизонта.

Далѣе рѣка начинаетъ мѣнять свой характеръ: горы начинаютъ отходить, берегъ понижается и заросъ березой, осиной, ольхой, и на



1.—Ухта. 2.—Ухта въ 33 в. отъ завода. 3.—Ухта съ горнаго берега. 4.—Гористый берегъ Ухты.

ихъ лиловомъ фонѣ пятнами вкраплена темная зелень елей, а верстъ за 10 до завода идутъ громадныя сплошныя гари, раскинувшіяся на нѣсколько верстъ по рѣкѣ то по одному берегу, то по другому, и неизвѣстно насколько вглубь отъ рѣки, по крайней мѣрѣ, насколько глазъ хватаетъ, все идутъ онѣ; вѣроятно, такой лѣсной пожаръ представляетъ грандіозную картину, стоитъ только представить себѣ, какъ громадное пламя съ трескомъ и воемъ, клубясь и разсыпая искры, перебрасывалось черезъ рѣку съ берега на берегъ.

Выходъ нефти на р. Ухтѣ.

За 7 верстъ до завода, у впаденія въ Ухту съ лѣваго берега рѣчки Гердъ-іоль, мы увидѣли на Ухтѣ первыя нефтяныя пятна, стоящія на одномъ мѣстѣ, и отъ нихъ тонкая пленка нефти, играя разными красками, плыветъ внизъ по рѣкѣ; ясно, что нефть выходитъ на днѣ рѣки и каплями поднимается на ея поверхность. Эта первая увидѣнная нами нефть обрадовала насъ ужасно, какъ будто мы и не надѣялись на самомъ дѣлѣ ее увидѣть; мы такъ много о ней слышали, читали, говорили, конечно были убѣждены въ ея существованіи, но все-таки увидѣть ее собственными глазами было для насъ весьма интересно и какъ-будто теперь мы уже безъ всякихъ сомнѣній увѣрились въ ея существованіи. Потомъ мы столько ее видѣли, что стали относиться ко вся-

Выходъ нефти на Ухтѣ.

Ухта.

кому выходу ея совершенно равнодушно. Версты за 4—5 до завода мы увидѣли на берегу черную блестящую трубу и около нея какую-то черную лужу; конечно, мы по новости сейчасъ же причалили и занялись подробнымъ осмотромъ этого выхода; видимо, кто-то бурилъ здѣсь, опустилъ трубу и, добурясь хотя и очень неглубоко до нефти, забилъ трубу пробкой и оставилъ такъ все свое начинаніе до лучшихъ временъ. Нефть сочится черезъ пробку, на которой отъ внутренняго давленія все время вздуваются черные пузыри; просачивающаяся нефть стекаетъ по трубѣ, отчего та и блеститъ такъ на солнцѣ, и образуетъ около нея лужу, изъ которой прососала ходъ

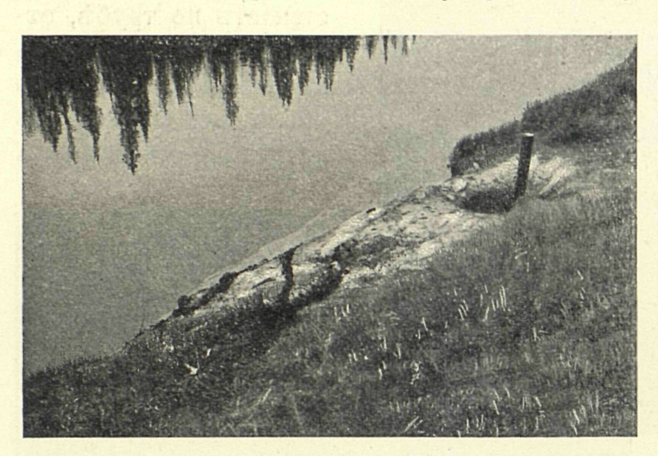
Выходъ нефти на Ухтѣ.

Выходъ нефти на Ухтѣ.

и тоненькой струйкой медленно сбѣгаетъ въ рѣку; у трубы сильно пахнетъ керосиномъ. Желая хорошенько изслѣдовать, мы раскупориваемъ трубу и оттуда вытекаетъ соленая вода со струями по ней нефти. Вода побѣжала довольно сильно и ручейкомъ стала сбѣгать въ рѣку, а по ней все время то тоненькими струйками, то сплошными жирными черными пятнами плыветъ нефть. Опущенный въ трубу лотъ показалъ глубину въ 14 саж., діаметръ трубы 4 дюйма. Пробовали мы и жечь нефть, и она горѣла у насъ, треща, коптя и испуская характерный смрадъ горящаго керосина.

Не успѣли мы отъѣхать отъ этой трубы и версты, какъ на берегу опять видна труба, забитая пробкой, со стоящей кругомъ нея черной лужей, а немного далѣе въ рѣку вливается цѣлый нефтяной ручей отъ стоящей подальше отъ берега трубы, а тамъ выходятъ у самаго берега газы изъ воды, постоянно поднимаясь со дна, загорающіеся отъ подставленной зажженной спички. Заявочные столбы, попадавшіеся намъ и ранѣе, здѣсь попадаются весьма часто.

Проѣхали еще мимо одной трубы и, наконецъ, къ вечеру уже подъѣзжаемъ къ Сидоровской избѣ; на высокомъ правомъ берегу видны нѣсколько строеній довольно большого размѣра, а немного подалѣе виденъ пониже небольшой домикъ—казенная изба для остановки лѣсныхъ чиновъ. Верстахъ въ полутора или двухъ изъ-за лѣса видна вышка на промыслѣ Гансберга, уже бурящаго на лѣвомъ берегу; кругомъ Сидоровской избы видна старая выгарь. Къ самой водѣ сверху сдѣлана въ песчаномъ откосѣ лѣстница съ набитыми досками въ видѣ ступенекъ, съ перилами, но песокъ во многихъ мѣстахъ сильно осыпается и засыпаетъ ступеньки; приставъ къ берегу, съ трудомъ поднимаемся мы по этой лѣстницѣ кверху и выходимъ на совершенно ровную площадь, покрытую остатками стараго горѣлаго лѣса и сухимъ красноватымъ мхомъ, и раскидываемъ на ней недалеко отъ избы свой лагерь; рѣдко кое-гдѣ видны на этой площади зеленыя сосны; у самаго края довольно высокаго обрыва стоятъ другъ за другомъ двѣ довольно большихъ избы,—передняя, въ которой живутъ, и задняя, пустая, какъ видно, бывшая казарма для рабочихъ, съ многознаменательной латинскою надписью надъ входомъ: „In magnis et voluisse sat est", т. е. въ великихъ дѣлахъ достаточно и одного настойчиваго желанія. Неизвѣстный авторъ написалъ это изрѣченіе здѣсь, на Ухтѣ, на нефтяномъ промыслѣ, и, конечно, болѣе неудачнаго мѣста для такой надписи, я думаю, нигдѣ найти нельзя; вся исторія нефтяного дѣла на Ухтѣ именно доказываетъ совершенно противоположное; она именно служитъ доказательствомъ, что одного горячаго желанія въ такомъ дѣлѣ, какъ разработка ухтинской нефти, недостаточно, что, несмотря ни на какія жертвы, принесенныя людьми съ горячимъ желаніемъ сдѣлать здѣсь что-нибудь, они не могли сдѣлать ничего, что здѣсь, кромѣ желанія, надо еще что-то такое,



Выходъ нефти на Ухтѣ.

Видъ на Ухту съ береговыхъ горъ.

что поважнѣе самаго горячаго желанія. Вся исторія ухтинской нефти есть исторія гибели частной предпріимчивости въ борьбѣ съ этимъ именно чѣмъ-то.

Ухтинская нефть была извѣстна еще во времена Петра Великаго, а въ 1745 году московскіе купцы Набатовы добывали ея до 4.000 пуд. въ годъ и получали изъ нея перегонкою до 1.000 пудовъ освѣтительнаго масла, которое сбывалось даже и за границу. Со смертью Набатова дѣло это прекратилось до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда вздумалъ добывать на Ухтѣ нефть Сидоровъ. Вотъ исторія его попытокъ развить нефтяное дѣло на сѣверѣ и служитъ лучшимъ доказательствомъ, что для латинской надписи, начертанной на Сидоровской казармѣ, именно это-то мѣсто и есть самое неподходящее. Всѣ его злоключенія описаны имъ самимъ въ его книгѣ „Сѣверъ Россіи“ и вотъ каковы: въ 1864 году онъ, произведя развѣдки нефтеносныхъ мѣсторожденій, подалъ установленныя закономъ заявки вмѣстѣ съ просьбой объ отводѣ ему заявленныхъ площадей для разработки нефти въ Архангельскую Казенную Палату. На означенное прошеніе Казенная Палата 2-го ноября 1866 года отказала Сидорову, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что относительно разработки нефти никакихъ законоположеній и правилъ въ горномъ уставѣ не существуетъ, а потому и никакой разработки не можетъ быть разрѣшено до утвержденія новаго устава, а также и поставленные имъ знаки въ мѣстахъ залежей нефти, указанные въ прошеніи, не должны имѣть никакого значенія. Если же онъ не можетъ ожидать изданія новаго горнаго устава, то предоставляется ему право обратиться съ означенной просьбой въ Министерство Финансовъ. Сидоровъ, конечно, не былъ удовлетворенъ этимъ и, желая достигнуть намѣченной себѣ цѣли, обратился съ просьбой въ Петербургъ, гдѣ, дѣйствительно, обратили вниманіе на его просьбу и въ мартѣ 1867 года дозволили ему получить отводы нефтеносныхъ площадей. Однако, дѣло Сидорова и тутъ потерпѣло неудачу такъ какъ, когда онъ выписалъ изъ Швеціи горнаго мастера и опытныхъ рабочихъ и послалъ партію ихъ на Ухту для развѣдокъ и производства работъ, то Архангельское губернское начальство не дозволило имъ приступать къ работамъ, основываясь на томъ, что для изслѣдованія нефти оно само посылаетъ туда особую спеціальную коммиссію. Сидоровъ и тутъ не упалъ духомъ и вновь обратился объ устраненіи этихъ препятствій. Министерство, видимо, убѣжденное доводами Сидорова, вновь предоставило ему право производить развѣдки, но на площади уже только въ одну квадратную версту, и сообщило объ этомъ мѣстному губернатору. Послѣдній, какъ говоритъ Сидоровъ, вновь придумалъ поводъ къ подавленію этого дѣла и обратился въ Петербургъ съ настойчивой просьбой объ отказѣ ему, доказывая, что Сидоровъ человѣкъ неблагонадежный, а между тѣмъ Сидоровъ въ это время уже успѣлъ пріобрѣсти себѣ громкую извѣстность своею энергіей въ изслѣ-

дованіи Сѣвера и состоялъ членомъ Архангельскаго Статистическаго Комитета. Послѣ этого Сидоровъ лично поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и добился распоряженія объ отводѣ ему участка въ одну квадр. версту.

Но всѣмъ злоключеніямъ Сидорова все еще не конецъ: въ маѣ 1868 года онъ снова обращается въ Министерство съ указаніемъ, что онъ встрѣтилъ новое препятствіе, а именно: будто бы изъ распоряженія Министра губернское начальство усмотрѣло, что предоставлено ему отвести то именно мѣсто, которое находится въ 40 верстахъ отъ села Усть-Ухты, т. е. гдѣ эти 40 верстъ по измѣренію цѣпью придутся, причемъ далѣе этого отнюдь нельзя выйти ни на одинъ шагъ, между тѣмъ тотъ источникъ, который былъ Сидоровымъ заявленъ, оставался бы внѣ предѣловъ назначенной ему къ отводу площади. Мѣстная администрація обязала Сидорова взять такой отводъ въ одну квадратную версту, хотя бы тамъ оказались скалы и горы, исключающія всякую возможность производить буреніе и устроить какое-либо нефтяное промышленное производство. На это указаніе Сидорова вновь послѣдовало отъ Министерства распоряженіе объ отводѣ ему площади въ одну версту, причемъ форма ея должна быть сообразована съ требованіями предпринимателя и одновременно съ этимъ было приступлено къ заключенію съ Сидоровымъ аренднаго договора, на что потребовалось два года и три мѣсяца (съ 31 мая 1868 по 5 сентября 1870 г.). Итакъ, послѣ 6 лѣтъ хлопотъ, наконецъ, Сидоровъ получилъ право на разработку нефти, но пока хлопоты эти продолжались, выписанные имъ изъ Швеціи мастера уже успѣли уѣхать, взыскавъ съ него протори и убытки; Сидоровъ все-таки началъ буреніе, но, дойдя до глубины въ 24 сажени, буръ у него сломался и вытащить его изъ скважины не могли; пока собирались его вытаскивать, Сидоровъ умеръ и дѣло его заглохло; заявки были переуступлены наслѣдниками Сидорова вторымъ лицамъ *). Это ли еще не прекрасное доказательство того, что одного, хотя бы и самаго энергичнаго, желанія—недостаточно.

Послѣ Сидорова, какъ извѣстно, хлопоталъ по ухтинской нефти Галинъ, а въ 90-хъ годахъ районъ по Ухтѣ былъ признанъ завѣдомо нефтеноснымъ и предоставленъ для развѣдокъ и разработки компаніи Канкрина; эта компанія похоронила дѣло глубоко и надолго, уплачивая въ казну аккуратно арендныя деньги и ровно ничего не дѣлая ни по изысканію, ни по разработкѣ нефти. Только теперь районъ этотъ сдѣланъ свободнымъ для частныхъ предпринимателей, которые и потекли туда широкимъ потокомъ, какъ то показываетъ количество сдѣланныхъ заявокъ.

Возвращаюсь къ описанію Сидоровскаго завода. При этихъ двухъ указанныхъ выше довольно большихъ зданіяхъ есть еще нѣсколько

---

*) Докладъ инженера Петрова о результатахъ поѣздки на Ухтинскія нефтяныя мѣсторожденія Печорскаго края.

Сидоровская изба.

маленькихъ, какіе-то хлѣвушки, баня и т. п. Живущій здѣсь г. Альбертини держитъ корову и дѣлаетъ попытки развести огородъ, пока тщетныя; мы видѣли уже третьи всходы картофеля, а первые два погибли убитые морозомъ; вѣроятно, и третьи ожидаетъ та же участь; пока мы были здѣсь, ночные морозы еще не убили ихъ, но увѣренности въ томъ, что ихъ не убили и слѣдующіе, заставшіе насъ уже на обратномъ пути, имѣть нельзя. Кругомъ этого поселка, производящаго на насъ послѣ 320 верстъ ѣзды по совершеннѣйшей пустынѣ радостное впечатлѣніе, страшно унылое мѣсто—сплошная старая выгарь, покрытая и упавшими и стоящими еще, сгнившими, гніющими и имѣющими еще гнить остатками горѣлаго лѣса. Обгорѣлые стволы деревьевъ гдѣ высятся еще печальные и сухіе, гдѣ уже упали и сучья ихъ торчатъ кверху, въ видѣ какой-то сѣтки, вездѣ ломъ. Песчаная почва покрыта разнообразными породами сухихъ мховъ: гдѣ красный, гдѣ бѣлый шуршащій подъ ногами, гдѣ проглядываетъ и чистый бѣлый песокъ; ни одной травинки, кромѣ пышно разросшихся стелющихся по землѣ кустовъ толокнянки (herba uvae ursi), которые одни только и радуютъ глазъ зеленымъ цвѣтомъ. Безплодная, обнаженная пустыня, сплошь покрытая ломомъ, а чуть гдѣ замѣтно посвѣжѣе и позеленѣе—оказывается болото. За этой громадной площадью вдали виденъ тощій сосновый лѣсокъ.

Лагерь у Сидоровской избы.

Намъ порядочно пришлось побродить по этой безотрадной, голой мѣстности, когда мы осматривали потомъ протекающія здѣсь и впадающія недалеко другъ отъ друга въ Ухту двѣ рѣчки Непь-іоль и Джюнъ-іоль, или, какъ ее почему-то зовутъ по-русски, Половинъ-іоль, и находящуюся отсюда въ нѣсколькихъ верстахъ довольно большую рѣчку Ярегу; всѣ эти три рѣчки знамениты тѣмъ, что на нихъ встрѣчается очень много выходовъ нефти, которые намъ и хотѣлось провѣрить самимъ.

Джюнъ-іоль течетъ сплошь въ страшномъ лому, изъ-за котораго берега ея, можно сказать, совершенно непроходимы, и намъ стоило не

Р. Непь-іоль.

малыхъ усилій пробираться къ ней въ нѣсколькихъ мѣстахъ черезъ этотъ ломъ, а большею частью мы были принуждены, слѣдуя ея теченію, идти порядочно отступивъ отъ нея, но и въ этихъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ возможно было подойти къ самой водѣ, мы наткнулись въ одномъ мѣстѣ на капли нефти, поднимающіяся со дна, а въ другомъ на выступающую нефть на песчаномъ сыромъ берегу; мы ее пробовали смывать, и черезъ нѣсколько минутъ маленькая черная лужица опять образовывалась и сплывала въ рѣчку. Дно рѣчки каменистое, лѣвый берегъ песчаный, а подальше отъ него сухой мохъ и ужасный вѣковой ломъ; съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ здѣсь существуетъ лѣсъ, деревья валились и сгнивали, на нихъ валились слѣдующія и т. д., и сколько вѣковъ это происходило — одному Богу извѣстно; правый берегъ суглинистый и значительно повыше, отъ самой рѣчки такой же ломъ, какъ и на лѣвомъ, а по мѣрѣ подъема — лѣсъ становится почище и попроходимѣе; почва покрыта мхомъ, но уже не сухимъ, а тѣмъ пушистымъ, бархатнымъ, въ которомъ тонетъ при ходьбѣ нога и подъ которымъ всегда сохраняется сырость; почва, по нѣкоторымъ даннымъ, богатая и И. М.

Р. Джюнъ-іоль (Половинъ-іоль).

Джюнъ-іоль.

Шемигоновъ беретъ съ собою пробу для почвеннаго анализа. Въ одной изъ низинъ, гдѣ попадаются деревья потолще и покрупнѣе, видѣли сосну, сломанную бурей, длиною 14 ар., шириною въ комлѣ 5 вер., 130-ти лѣтъ, да нарочно срубили другую посмотрѣть годы и сопоставить ихъ съ ея величиной; оказалось 17 ар. длины, $6^1/_4$ верш. ширины, 181 годъ. Опять несомнѣнное доказательство страшно суроваго климата.

Непь-іоль по характеру своему значительно отличается отъ Джюнъ-іоля; онъ страшно извивается по глубокому оврагу, прорѣзанному имъ на этой песчаной равнинѣ, и теченіе его всюду сопровождается топкими кочковатыми болотами, очень часто сплошь заросшими кустовой березой, а поближе къ водѣ щетинятся какія-то неправильныя мохнатыя искривленныя ели; и овраги, по которымъ пробирается Непь-іоль, и все огромное плато, по которому прорѣзались эти овраги, покрыты остатками горѣлаго когда-то лѣса, и если уже по Джюнъ-іолю ломъ страшный, то по Непь-іолю, можно сказать, ломъ уже прямо невообразимый: тутъ прямо образовалась какая-то паутина изъ старыхъ обгорѣлыхъ стволовъ и сучьевъ, перепутавшихся между собою на всякіе манеры и иногда до такой степени ловко, что пройти въ этихъ мѣстахъ сквозь подобную паутину прямо невозможно. Почва тутъ совершенно безплодная, чистый песокъ, дающій пищу только какимъ-то тощимъ мхамъ и кое-гдѣ опять той же, должно-быть очень нетребовательной толокнянкѣ; песокъ во многихъ мѣстахъ ничѣмъ не прикрытъ и ярко бѣлѣетъ на солнцѣ, въ особенности тамъ, гдѣ онъ обнажается на склонахъ овраговъ и солнечные лучи ударяютъ на него въ упоръ.

Непь-іоль впадаетъ въ Ухту у самой Сидоровской избы и у устья его замѣтны бываютъ плывущія по нему, хотя и не сплошь, нефтяныя пятна, но намъ выходовъ нефти на немъ найти не пришлось, главною причиною чему, вѣроятно, была малая доступность его береговъ; подходили мы къ самой рѣчкѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и переходили ее не однажды, но ни разу не пришлось напасть на выходъ нефти, а идти все время берегомъ прямо невозможно. На всей печальной и унылой площади этой гари, песка и тощаго мха очень нерѣдко попадаются и заявочные и уже отводные столбы. Вѣроятно, большинство дѣлающихъ заявки разсчитываетъ на возможность спекуляціи ими и только немногіе имѣютъ намѣреніе самимъ разработывать нефть; для этого требуются очень большіе капиталы, но, кажется, они имѣются только у немногихъ изъ дѣлавшихъ заявки, а заявокъ сдѣлано не мало: въ Архангельской губерніи 83 и въ Вологодской болѣе 300; такова цифра заявокъ была въ то время, когда экспедиція наша отправлялась въ путешествіе.

Глава VIII.

Выдача заявочныхъ свидѣтельствъ, геологическое строеніе района, промыселъ Гансберга, анализы нефти и условія ея вывоза.

Всякій желающій заняться добываніемъ нефти прежде всего отыскиваетъ такое мѣсто, гдѣ, по его мнѣнію или по какимъ-либо даннымъ, есть надежда получить нефть. Отыскавъ такое мѣсто, онъ отмѣчаетъ его постановкой столба, разсчитывая, чтобы площадь, ограниченная четырьмя сторонами перпендикулярными къ четыремъ линіямъ проведеннымъ отъ столба по главнымъ румбамъ на разстояніе 150 саж. въ каждую сторону, не покрыла собою сосѣднихъ заявленныхъ такихъ же площадей. Ограниченное такимъ образомъ пространство представляетъ собою квадратъ со сторонами въ 300 саж. и, слѣдовательно, площадь этого квадрата равняется 37,5 десятинъ. Подъ столбъ, во избѣжаніе могущихъ быть попытокъ занять заявленную уже площадь, закапываютъ въ глубокую яму какой-нибудь неуничтожаемый знакъ, напр. желѣзную доску съ буквами, бутылку съ запиской и т. п., по которымъ можетъ быть впослѣдствіи удостовѣренъ истинный хозяинъ заявки. Обозначивъ такимъ образомъ желаемое мѣсто, предприниматель подаетъ въ Вологодское управленіе земледѣлія и государственныхъ имуществъ заявленіе о зачисленіи за нимъ намѣченнаго мѣста, при чемъ обязанъ точнѣйшимъ образомъ обозначить положеніе поставленнаго имъ столба, указывая его разстояніе и направленіе отъ двухъ какихъ-либо естественныхъ урочищъ, напр. сліянія двухъ рѣчекъ, какого-нибудь носящаго извѣстное названіе холма, пересѣченія дорогъ и т. п., но ни въ какомъ случаѣ не отъ сосѣднихъ заявочныхъ знаковъ. Послѣ этого управленіе земледѣлія и государственныхъ имуществъ наноситъ заявленную площадь на карту и, если новая заявка не покрываетъ сдѣланныхъ уже ранѣе, выдаетъ разрѣшительное свидѣтельство за плату по 1 р. за десятину, т. е. за всю площадь 37 р. 50 к. въ годъ. Теперь предприниматель имѣетъ право на всей этой площади производить изысканія, т. е. пробовать бурить въ разныхъ мѣстахъ, пока не

Впаденіе р. Непь-іоль въ Ухту.

окажется нефть; когда будетъ найдено подходящее мѣсто, подается заявленіе уже объ отводѣ и тогда командированный на мѣсто землемѣръ нарѣзаетъ изъ всей заявленной площади отводъ по указанію и желанію предпринимателя, но не болѣе 10 десятинъ; этотъ отводъ предприниматель уже можетъ эксплоатировать, уплачивая за все время эксплоатаціи арендную плату по 1 р. съ десятины въ годъ и оплачивая добываемую нефть акцизомъ. Вотъ порядокъ, какимъ дѣлаются заявки и отводятся отводы.

На промыслѣ мы встрѣтили какого-то землемѣра, который отъ Архангельскаго управленія государственныхъ имуществъ дѣлалъ отводы по заявкамъ; у него мы видѣли карту, руководствуясь которой онъ дѣлаетъ отводы, и тутъ мы натолкнулись на совершенно необъяснимое явленіе: его карта Архангельской губерніи сдѣлана въ томъ же масштабѣ какъ и имѣвшаяся у И. М. Шемигонова карта Вологодской губерніи и на картѣ со всѣми румбами и протяженіями подробно нанесена губернская граница, хотя и не существующая въ натурѣ; и на его картѣ и на нашей чертежъ границы тождественъ и разница въ картахъ только та, что у него зарисована Архангельская губернія, а Вологодская оставлена бѣлой, а у насъ наоборотъ. И вотъ, руководствуясь своей картой, Архангельское управленіе выдаетъ свидѣтельства на заявки завѣдомо въ Вологодской губерніи и наноситъ ихъ на карту на той самой части ея, которая у нихъ не закрашена и на которой крупными буквами написано: „Вологодская губернія". Результатъ, конечно, ясенъ: архангельское управленіе выдаетъ свидѣтельства на заявки на территоріи Вологодской губерніи, вологодское управленіе и по праву выдаетъ свидѣтельства на своей территоріи и, слѣдовательно, на одни и тѣ же мѣста выдаются свидѣтельства разнымъ лицамъ. Когда мы сложили карты нашу и архангельскую, обѣ съ нанесенными на нихъ заявками, на которыя выданы свидѣтельства, то воочію и убѣдились, что заявки архангельскаго управленія и заявки вологодскаго управленія во многихъ случаяхъ другъ друга покрываютъ. Положеніе такое, изъ котораго и выходъ теперь найти едва ли возможно. Чѣмъ объясняется подобное явленіе, сказать трудно, но чувствуется, что тутъ есть какая-то связь съ тѣмъ, что границы между губерніями въ натурѣ нѣтъ и, вѣроятно, какъ можно скорѣйшее установленіе ея помощью особой экспедиціи, которая инструментально нанесла бы границу въ здѣшнихъ лѣсахъ, значительно уменьшило бы шансы на возможность продолженія подобныхъ явленій въ будущемъ, хотя, вѣроятно, отсутствіе границы въ натурѣ не есть главная причина этого недоразумѣнія, которое для насъ всѣхъ такъ и осталось совершенно необъяснимымъ. Впослѣдствіи мы даже видѣли выданныя архангельскимъ управленіемъ свидѣтельства на заявки по Непь-іолю, Джюнъіолю и Ярегѣ, когда всѣ эти три рѣчки несомнѣнно находятся въ предѣлахъ Вологодской губерніи.

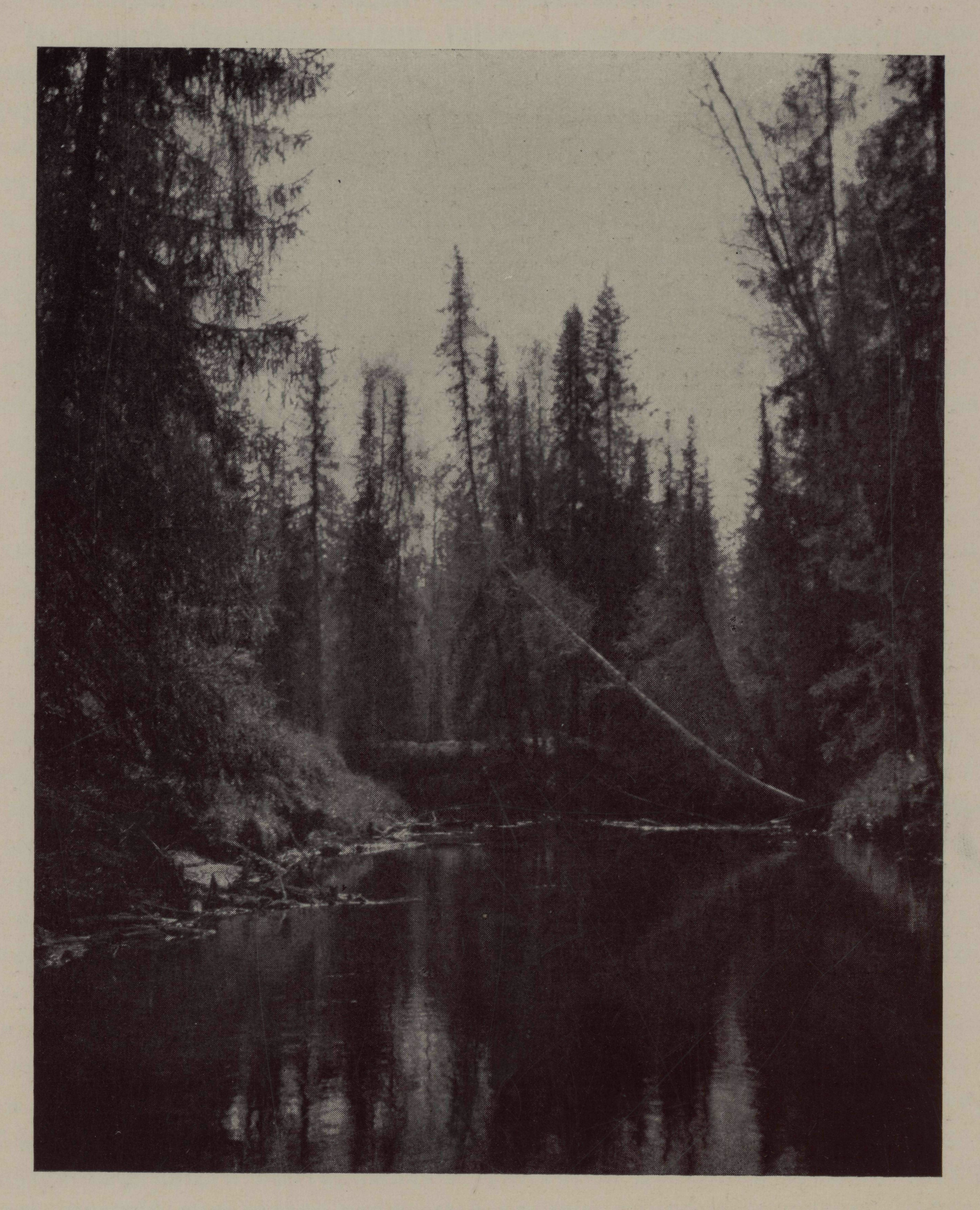
Тамъ же на промыслахъ мы застали еще какого-то господина, который прiѣхалъ туда незадолго до насъ съ порученiемъ отъ частныхъ лицъ поставить столбы и сдѣлать заявки; онъ почему-то держалъ въ секретѣ и фамилiи тѣхъ, по чьимъ порученiямъ онъ прiѣхалъ, и количество заявокъ, какое онъ долженъ былъ сдѣлать, но, кажется, довольно вѣрно, что онъ долженъ былъ сдѣлать около 50 заявокъ.

Рѣка Ярега находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Непь-iоля и Джюнъ-iоля къ востоку и тамъ уже кончаются старыя гари и она течетъ по глухому хвойному лѣсу среди мха, болотъ и опять же страшнаго лома по каменистому руслу между довольно высокихъ береговъ, и по ней также плывутъ играющiя радужными цвѣтами тонкiя пленки нефти. Вообще плывущей нефти здѣсь и по этимъ рѣчкамъ и по самой Ухтѣ очень много; когда утромъ, бывало, идешь на берегъ Ухты умываться, то у самаго берега безконечно тянется заворачиваясь, расплываясь и играя на солнцѣ радугой полоса нефти, тонкимъ слоемъ покрывающей воду, и всегда приходилось вести борьбу съ этой наплывающей и наплывающей сверху маслянистой пленкой.

Нефть, плывущая по Ухтѣ.

Недалеко отъ Сидоровской избы правый берегъ Ухты сильно подмытъ и на обрывѣ, образованномъ этимъ подмывомъ, ясно видны слои отложенiй, которыя мы, конечно, отправились посмотрѣть. Внизу обрыва, подъ слоемъ песка выходитъ красный мергелистый сланецъ, въ которомъ намъ съ И. М. Шемигоновымъ посчастливилось найти много интересныхъ окаменѣлостей, главнымъ образомъ руководящихъ, позволяющихъ судить по нимъ о возрастѣ отложенiя.

Въ 1889 году здѣсь была для изслѣдованiя Тиманскаго кряжа и его минеральныхъ богатствъ спецiальная экспедицiя подъ руководствомъ извѣстнаго геолога академика Ф. Н. Чернышева, и результатомъ ея работъ была составленная коммиссiей карта здѣшняго района съ точнымъ опредѣленiемъ высотъ очень многихъ точекъ и выясненiе геологическаго строенiя изслѣдованной мѣстности, между прочимъ по рѣкѣ



Р. Ярега.

Ухтѣ данъ и точный геологическій разрѣзъ, выясняющій послѣдовательность наслоеній, причемъ каждый пластъ ихъ охарактеризованъ палеонтологическими данными, строго опредѣляющими возрастъ пласта, его составъ и мѣсто въ ряду наслоеній. Разрѣзъ этотъ отъ Волока до Усть-Ижмы, составленный Чернышевымъ, даетъ такую послѣдовательность наслоеній, какъ это видно изъ прилагаемаго чертежа.

На западѣ Пермскіе осадки (нижняя красноцвѣтная толща) прикрываютъ верхній каменноугольный известнякъ, который залегаетъ непосредственно на среднемъ девонѣ, а нѣсколько восточнѣе можно отчетливо видѣть какъ горизонтъ со Spirifer anossofi вдругъ смѣняется выступающимъ въ русло Ухты доманикомъ. За этимъ сбросомъ доманикъ образуетъ пологую антиклинальную складку, а затѣмъ выше устья рѣки Яреги изъ-подъ доманика показывается подлежащій ему песчано-мергельный горизонтъ, образующій вмѣстѣ съ доманикомъ полную антиклинальную складку. Ниже устья р. Чуты какъ нельзя болѣе ясно усматривается положеніе доманика на одномъ горизонтѣ съ подлежащими ему песчано-мергельными слоями и, слѣдовательно, часть разрѣза АВ представляетъ собою типичный примѣръ опусканія цѣлой площади по двумъ параллельнымъ дизлокаціоннымъ трещинамъ.

Выше устья рѣки Ухты выступаетъ опять горизонтъ со Spirifer anossofi, образующій антиклинальную складку, на крыльяхъ которой располагаются верхне-девонскіе слои, уходящіе восточнѣе устья Ухты подъ мезозойскія отложенія.

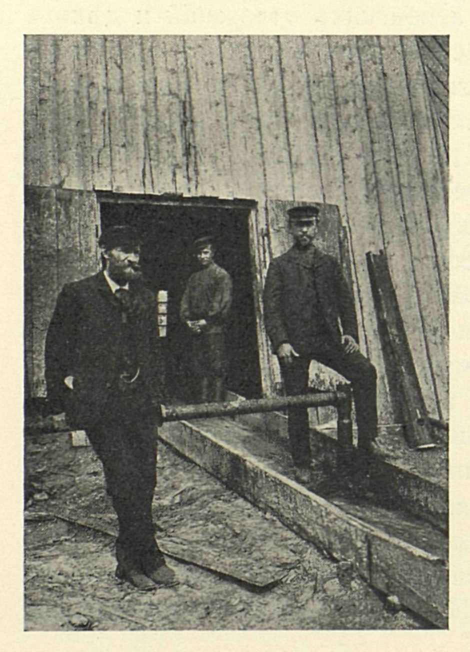
Такимъ образомъ породы, слагающія нефтяную область на рѣкѣ Ухтѣ, Чернышевъ относитъ къ ярусу девонскихъ отложеній и дѣлитъ его на два подъотдѣла: на верхніе пласты, характеризуемые остатками Rhynchonella Meyendorfi, и на нижній песчано-известково-мергелистый горизонтъ, свита пластовъ котораго характеризуется ископаемыми Spirifer anossofi и относится къ среднему девону. Выше пластовъ яруса верхняго девона лежатъ мергельные известковистые пласты, прослаивающіеся съ мощными толщами слюдистыхъ и известковыхъ песчаниковъ, которымъ и подчинены всѣ выходы нефти на рѣкѣ Ухтѣ и его притокахъ *). Доманики являются самой характерной породой всякой нефтеносной мѣстности, а потому есть полное основаніе считать, что они имѣютъ опредѣленную, хотя и невѣдомую для насъ, связь съ источниками нефти, такъ какъ повсюду, гдѣ встрѣчаются источники нефти, по близости всегда встрѣчаются и доманики—предвѣстники вблизи находящихся нефтяныхъ мѣсторожденій. Типичный доманикъ представляетъ собою горючій известково-глинистый сланецъ темно-коричневаго цвѣта, переходящій иногда въ совершенно черную массу; окраска его несомнѣнно зависитъ отъ битуминозныхъ веществъ, проникающихъ его въ большемъ или меньшемъ количествѣ. При вывѣтриваніи и отъ дѣйствія

*) Докладъ горнаго инженера Петрова.

солнца онъ совершенно выцвѣтаетъ и дѣлается свѣтло-сѣрымъ. При треніи онъ издаетъ сильный нефтяной запахъ и легко загорается краснымъ коптящимъ пламенемъ. Летучихъ веществъ, освобождающихся при прокаливаніи, содержится въ доманикѣ 30—48%.

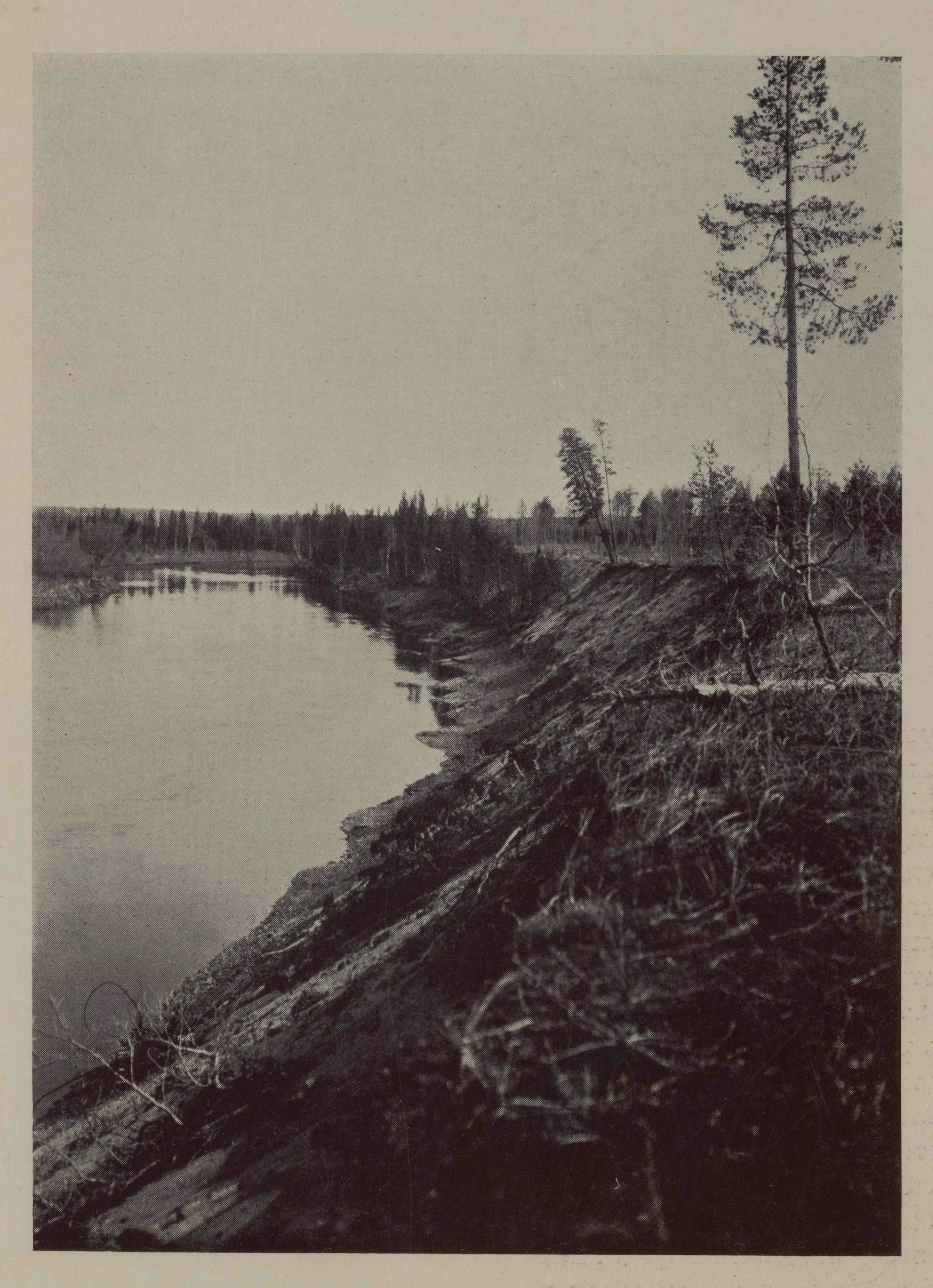
На осматриваемомъ нами обрывѣ какъ разъ и виденъ выходъ мергельныхъ известковыхъ сланцевъ, характеризуемыхъ окаменѣлостями Spirifer anossofi, ихъ-то мы главнымъ образомъ и набрали, но и кромѣ этихъ руководящихъ, набрали много и другихъ окаменѣлостей. Вся эта коллекція, а также и ботаническая, собранная нами въ пути, взяты И. М. Шемигоновымъ и находятся въ образованномъ имъ музеѣ при управленіи государственныхъ имуществъ въ Вологдѣ.

Еще ниже по Ухтѣ, верстахъ въ 6 отъ Сидоровской избы, на берегахъ обнажаются и слои доманиковъ. Академикъ Чернышевъ по этимъ выходамъ доманиковъ и опредѣлялъ размѣры здѣшняго нефтеноснаго района, большая часть котораго, по его предположеніямъ, находится въ предѣлахъ Вологодской губерніи и только сѣверная его оконечность въ видѣ треугольника вдается въ Архангельскую губернію. Но, кажется, его опредѣленіе очень большой площади нефтеноснаго района все-таки гораздо меньше, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Намъ приходилось слышать отъ зырянъ о существованіи нефти въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ея даже не подозрѣваютъ. Напримѣръ, намъ разсказывали зыряне о существованіи болота, сплошь состоящаго изъ нефти, по срединѣ котораго нефть выходитъ изъ земли фонтанами до аршина высоты, и указывали даже на мѣстонахожденіе его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ трактъ между Помоздинымъ и Троицко-Печерскимъ пересѣкаетъ узкую уже тамъ и мелкую Вычегду, а это является уже гораздо юго-восточнѣе того района, который считается нефтеноснымъ. Вотъ куда слѣдовало бы отправиться какой-нибудь партіи инженеровъ, отыскать это болото и изслѣдовать его.



Гансбергъ и Баршевъ.

Посѣтили мы, конечно, и такъ-называемый „Варваринскій“ промыселъ, единственный пока на Ухтѣ, который работаетъ. Тутъ мы застали одного изъ владѣльцевъ, главнаго иниціатора, инженера Александра Георгіевича Гансбергъ. Онъ работаетъ въ этой страшной глуши, вдали отъ всего міра, поддерживаемый надеждою уже въ скоромъ времени добиться результатовъ своихъ трудовъ. Ни

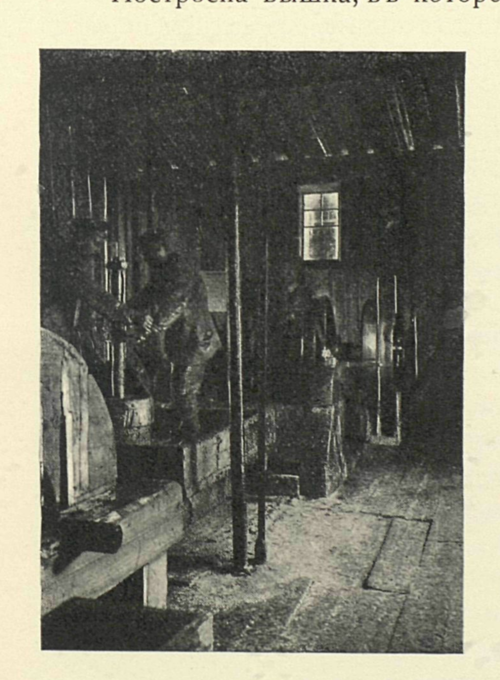


Подмытый берегъ Ухты у Сидоровской избы.

почтъ тутъ, ни телеграфовъ нѣтъ. Чтобы дошла сюда газета или письмо надо 3 недѣли, да и то получить ихъ можно только при оказіи или посылая нарочнаго за 120 верстъ въ село Ижму. Благодаря любезности его и его помощника Юрія Сергѣевича Баршева, молодого человѣка, окончившаго два факультета, юридическій и естественный, мы ознакомились возможно полно и съ промысломъ, и вообще съ нефтянымъ дѣломъ на Ухтѣ. На промыслѣ работаютъ самъ Гансбергъ, Баршевъ и 16 человѣкъ рабочихъ, закинутая Богъ знаетъ въ какую глушь артель, живущая здѣсь общей жизнью, добиваясь извѣстной цѣли.

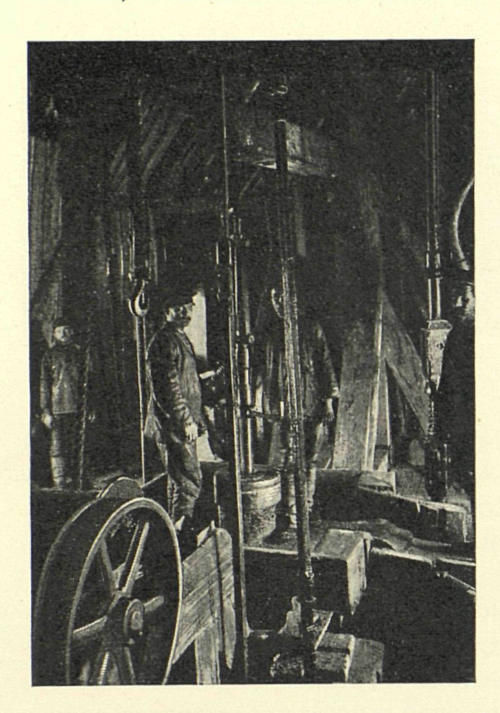
Вышка Гансберга.

Построена вышка, въ которой собственно и производится буреніе, или, гораздо вѣрнѣе сказать, долбленіе скважины уже не пробной, а промысловой, заложенной 17 дюймовъ въ діаметрѣ; для насъ, никогда не видавшихъ нефтяныхъ промысловъ, обзоръ этой вышки представлялъ собою большой интересъ. Машина въ 14 силъ, питаемая паромъ изъ довольно далеко отстоящаго котельнаго помѣщенія, такъ какъ по закону на нефтяныхъ промыслахъ нельзя ставить никакихъ построекъ, гдѣ бываетъ огонь, ближе извѣстнаго разстоянія къ вышкѣ, даже курить близъ вышки запрещено, посредствомъ особыхъ приспособленій качаетъ коромысло, приподнимающее за цѣпь всю огромную, состоящую изъ трубъ, штангу, на концѣ которой и находится долото, выдалбливающее ходъ въ глубину земли—дорогу для будущей нефти. Самое



Внутренность вышки.
Буреніе.

долото это, прикрѣпленное къ 28-пудовой тяжести, соединено со штангой помощію особаго приспособленія такимъ образомъ, что штанга при опусканіи внизъ захватываетъ его, приподнимаетъ вверхъ и, когда положеніе штанги будетъ наивысшее, долото со всею тяжестью срывается и падаетъ внизъ, производя страшный ударъ въ землю. Такимъ образомъ получается, что глухой ударъ слышенъ изъ глубины земли какъ разъ въ то время, когда часть коромысла, къ которой прикрѣплена штанга, и слѣдовательно долото, находится въ наивысшемъ положеніи; это производитъ странное впечатлѣніе: такъ и кажется, что качающееся коромысло должно бы было помощью этой штанги ударять въ землю, и значитъ ожидаешь удара каждый разъ, какъ оно опускается, и никакъ не можешь приспособиться къ пониманію, когда глухіе удары слышатся какъ бы отъ толчка коромысла во что-то такое вверхъ. Долото за день работы затупляется совершенно, а при работѣ въ камнѣ даже до такой степени, что не остается никакого намека на то, что на немъ было остріе. Выше долота ходитъ особое приспособленіе, которое помощью перьевъ на пружинахъ все время обравниваетъ пространство, уже пробитое долотомъ, и дѣлаетъ его строго цилиндрическимъ. Когда долото набьетъ достаточно породы, то вся штанга вытаскивается и вмѣсто долота опускается въ скважину родъ ведра, называемаго „жаронкою“, которое черезъ находящійся снизу клапанъ и забираетъ выработанную породу и вытаскиваетъ ее наверхъ; если же порода очень мягкая, то ее вымываютъ водою, для чего черезъ трубы помощію парового насоса нагнетается внизъ вода, которая, поднимаясь по скважинѣ, уноситъ съ собою и наработанную породу. Рядомъ съ трубой стоитъ паровая лебедка для подъема всего инструмента; при насъ какъ разъ вынимали инструментъ; лебедка, гремя, черезъ блокъ вытаскиваетъ на канатѣ кверху свинченныя между собою трубы и, когда конецъ ихъ доходитъ до самаго верха вышки, вытащенную часть отвинчиваютъ отъ оставшейся еще въ скважинѣ, предварительно закрѣпивъ послѣднюю, чтобы не упала обратно, и отставляютъ въ сторону, затѣмъ канатъ опускается, зацѣпляется за верхъ закрѣпленной части и опять



Внутренность вышки.
Доставаніе инструментовъ.

вытаскиваетъ трубы на величину высоты вышки и т. д. до тѣхъ поръ, пока не покажется и самый инструментъ, т. е. долото съ своимъ приспособленіемъ въ 28 пудовъ. Вытащенныя трубы, черныя, блестящія, со стекающей съ нихъ нефтью отставляются къ сторонѣ и ихъ образуется цѣлый рядъ. Пахнетъ сильно керосиномъ, и самая труба и вся вышка внутри пропитаны нефтью и даже сами рабочіе пропитались ею, всѣ блестятъ и сверкаютъ на солнцѣ и только бѣлки глазъ рѣзко выдѣляются на ихъ черныхъ лицахъ. Подъ трубой сдѣлано приспособленіе съ жолобомъ, по которому и стекаетъ проступающая нефть или выливающаяся изъ скважины вода, иногда и горячая. До сихъ поръ пройдено 45 саженъ, изъ которыхъ на 30 саженъ опускались въ скважину трубы, а далѣе пошли такія твердыя породы, что трубы стали излишни и теперь уже 15 саженъ пробиты безъ трубъ. Заложена труба въ 14 дюймовъ внутренняго діаметра, но уже съ глубины 40 саженъ діаметръ уменьшенъ до 12 дюймовъ. Сначала шли легкія породы до 30-саженной глубины, а затѣмъ попался слой кварцеваго песчаника около аршина толщины и послѣ него уже пошли породы твердыя; въ то время, когда мы были на промыслѣ, работа шла почти въ чистомъ кварцѣ.

На прилагаемомъ разрѣзѣ, чрезвычайно аккуратно ведущемся г. Гансбергомъ, видны всѣ породы, которыя пришлось пробить до глубины 45 саженъ. Пространство, проходимое въ извѣстный промежутокъ времени, очень разнообразно: въ среднемъ въ мѣсяцъ идутъ около 5 саженъ, но съ большими колебаніями; особенно удачный мѣсяцъ былъ, когда прошли 8 саженъ, но бываетъ и такъ, что въ день проходятъ менѣе двухъ дюймовъ; это относится къ работѣ въ кварцѣ, который твердъ до того, что долото, проработавъ эти 2 дюйма, теряетъ совершенно всякое подобіе какого-нибудь пробивающаго инструмента и представляетъ собою просто какую-то стальную плиту. Есть способъ подвигаться гораздо быстрѣе въ такихъ твердыхъ породахъ,—это алмазный буръ, берущій совершенно свободно всякой твердости камень, но, къ сожалѣнію, стоимость его очень велика: онъ стоитъ 30.000 руб.

У самой вышки находится 4-хъ дюймовая пробная скважина, глубиною въ 30 саж., періодически фонтанирующая. Къ несчастію точныхъ и подробныхъ наблюденій надъ ея періодомъ не велось и замѣчено только, что она выбрасываетъ около пуда нефти большею частью въ первую половину дня. При пониженіи барометрическаго давленія выбрасыванія эти учащаются и при давленіи въ 740 m/m повторяются почти каждый часъ. Весьма вѣроятно, что точныя наблюденія надъ этой трубой дали бы какія-нибудь данныя для сужденія о глубинѣ залеганія здѣсь нефти и о ея количествѣ. При насъ эта труба разъ фонтанировала: сперва послышался изъ нея какой-то шумъ, затѣмъ сталъ вылетать окутанный паромъ столбъ горячей воды, который дѣлался все грязнѣе и грязнѣе, и наконецъ полилась нефть, но все это продолжалось не долго, а потомъ долго еще вода въ трубѣ то опу-

скалась, то поднималась и выдавливала оттуда нефть. Отъ трубы этой проведенъ отводъ въ особый пріемникъ, куда выбрасываемая нефть и стекаетъ. Какъ видно и на прилагаемомъ разрѣзѣ, скважина пересѣкла уже нѣсколько нефтеносныхъ слоевъ, начиная съ 57 фут. глубины, но получаемая изъ нихъ нефть поверхностная, сильно окисленная, тяжелая и въ такихъ малыхъ количествахъ, что, конечно, для промысловыхъ цѣлей не годится. Взятая съ 30-саженной глубины нефть, которая тоже должна считаться поверхностной, была подвергнута Гансбергомъ химическому анализу и онъ далъ слѣдующіе результаты: удѣльный вѣсъ 0,932, для промышленныхъ цѣлей очень великъ, надо по крайней мѣрѣ 0,890, а лучшая бываетъ до 0,870. Керосину получилось 28%, бензину 3%, среднихъ маселъ съ вѣсомъ въ 0,895—8% и 61% мазута. Изъ него около 22% гудрона и 5% угара, содержаніе асфальта 23%. Общее содержаніе парафина 8%.

Экспедиція Чернышева также добывала здѣсь нефть для анализа, но взятые ею образцы были съ меньшей глубины. Анализъ, произведенный профессоромъ Шредеромъ въ лабораторіи горнаго института, далъ такіе результаты, что, несмотря на ея окисленное состояніе, они заслуживаютъ особаго вниманія. Удѣльный вѣсъ оказался въ 0,912. Перегонка была произведена 3 раза, причемъ бралось въ каждый разъ по 150 граммъ. Смотря по скорости гонки до 300° получалось отъ 36 до 45% погона. Нефть закипала при 120°. При перегонкѣ дистиллатъ получался сильно пахнувшій сѣрнистыми соединеніями, въ началѣ безцвѣтный, а затѣмъ въ концѣ окрашивался въ желтый цвѣтъ. Дистиллаты эти обработывались сѣрной кислотой и щелокомъ, причемъ получались почти безцвѣтныя жидкости съ едва ощутимымъ запахомъ керосина. Удѣльный вѣсъ этого погона выразился въ 0,817. Эти данныя свидѣтельствуютъ, что Ухтинская нефть по своему удѣльному вѣсу и погонамъ ближе всего подходитъ къ нефти Кубанской и Грозненской, погоны же нефти Бакинской имѣютъ удѣльный вѣсъ болѣе на 0,015—0,030.

Около вышки расположилось поодаль нѣсколько зданій, въ которыхъ помѣщается жилье всей компаніи, паровая и кузница,—необходимѣйшая здѣсь часть всего промысла: всякая поломка должна быть исправлена на мѣстѣ, посылать отсюда инструменты для исправленія за дальностью разстояній и полнымъ отсутствіемъ дорогъ совершенно немыслимо, а кромѣ того имѣется и одна постоянная работа—это отковка и оттачиваніе сработавшихся за дневную работу долотъ. Благодаря затруднительности отсылки инструментовъ отсюда и доставки сюда, работа здѣсь имѣетъ въ этомъ отношеніи свои трудности, совершенно неизвѣстныя въ другихъ мѣстахъ, гдѣ ничего не стоитъ въ любой моментъ замѣнить износившіяся или испорченныя части новыми и работа опять пошла безъ остановки, а тутъ поневолѣ приходится поставить дѣло такимъ образомъ, чтобы все можно было исправить и

замѣнить своими средствами, иначе возможно, что какая-нибудь поломка, иногда и незначительная, можетъ остановить работу на цѣлые мѣсяцы. Въ паровой поставленъ очень хорошій котелъ, питающійся изъ находящагося рядомъ съ ней колодца, вода котораго настолько лишена всякихъ известковыхъ примѣсей, что чистка котла производится разъ въ 6 мѣсяцевъ, и то это является только формой—накипи совершенно не бываетъ.

Кругомъ весь этотъ поселокъ обступилъ некрупный сосновый лѣсокъ съ бѣлымъ мхомъ, насколько можно судить неособенно далеко отойдя отъ промысла, сухой и ровный. Гансбергъ, кромѣ своего прямого дѣла, производитъ еще опыты и по сельскохозяйственной культурѣ, сѣетъ рожь, но пока только въ видѣ пробы, и то до сихъ поръ неудачной, пробовалъ и ячмень, но, кажется, съ тѣми же результатами. Картошка въ удачный годъ даетъ урожай самъ 7 и даже 8, но зато это только при удачѣ, а когда мы были тутъ, то были свидѣтелями какъ картошка сажалась третій разъ, а то все выбивали ночные морозы. Трава на расчищенныхъ мѣстахъ растетъ хорошая и въ изобиліи тамъ, гдѣ наносная почва покрываетъ хотя неглубокимъ слоемъ песокъ. Вообще надо сказать, что условія климата въ здѣшнихъ мѣстахъ, пока лѣса здѣсь сплошные, площадь ихъ огромна, болота протянулись на нескончаемыя пространства, настолько круты, что совершенно исключаютъ всякую надежду на возможность здѣсь сельскохозяйственной культуры, тѣ же пробы, какія здѣсь производитъ Гансбергъ, не идутъ далѣе любительскихъ опытовъ и, собственно говоря, никакихъ результатовъ дать не могутъ. Что, собственно, можно будетъ заключить изъ того обстоятельства, что у Гансберга на какомъ-нибудь десяткѣ кв. саженъ выростетъ картошка или рожь? Это вовсе не будетъ значить, что въ районѣ Ухты возможно разведеніе картофеля или посѣвъ ржи до того времени, пока условія климата не будутъ измѣнены настойчивой культурой къ лучшему. Для подобныхъ опытовъ необходимы серіозныя правительственныя опытныя станціи, которыя могли бы, покрывъ своей сѣтью весь районъ, рѣшить эти важные для будущаго вопросы, но когда вспомнишь, что управленію государственныхъ имуществъ на подобныя мѣропріятія на всѣ 27 милліоновъ десятинъ Вологодской губерніи отпускается на годъ сумма въ 50 рублей, мечтанія объ этихъ станціяхъ, конечно, отлетаютъ въ безконечную даль.

На самомъ берегу у промысла Гансбергъ когда-то заложилъ пробную скважину 4-хъ дюймовъ въ діаметрѣ; теперь труба эта даетъ постоянный выходъ газовъ, которые горятъ, будучи зажжены, какъ извѣстные огни въ Баку.

Недалеко отъ вышки уже начинаютъ копать огромныя нефтевмѣстилища на тотъ случай, когда наконецъ буровой инструментъ, пробивъ послѣднюю преграду, дастъ выходъ, черезъ который, можетъ быть со страшной стремительностью, хлынетъ потокъ нефти. Конечно, эти нефте-

ёмы, вѣроятно, не удовлетворятъ потребности въ хранилищахъ для нефти и много ея пропадетъ совершенно даромъ, стекая въ рѣку, но затѣмъ, когда представится уже возможность запереть скважину, запасы ея придется хранить до того благопріятнаго времени, когда будетъ возможность ее куда-нибудь отправлять. Въ настоящее время, конечно, никакого выхода съ промысловъ нѣтъ; единственно возможно бы было вывозить ее Ухтой въ Ижму и затѣмъ въ Печору, но туда отправлять ее пока совершенно безцѣльно, такъ какъ изъ Печоры выходъ въ море очень затрудненъ вслѣдствіе сильнаго мелководья устья этой рѣки, да и далеко не всегда возможенъ, потому что свободное плаваніе по морю въ Печору бываетъ очень недолгое время въ году, а кромѣ того вывозъ этимъ путемъ не можетъ быть великъ вслѣдствіе очень малой глубины Ухты и Ижмы, не позволяющей тутъ проходить сколько-нибудь значительнымъ судамъ. Придется открыть выходъ нефти на Вычегду, дающую ей возможность проникнуть отсюда сразу на главные рынки Россіи; Вычегда соединена водными путями съ Волгой и Петербургомъ; вѣроятно, если нефть окажется въ большомъ количествѣ, то не придется обойтись безъ желѣзной дороги, дающей возможность транспортированія ея круглый годъ, и, конечно, на ея постройку тогда сейчасъ же найдутся деньги и проведутъ ее, вѣроятно, до Котласа съ самыхъ промысловъ или же придется дѣлать нефтепроводъ, какъ то и предполагаетъ Гансбергъ, составившій уже и проектъ и смѣту этого сооруженія; онъ предполагаетъ такъ: нефтепроводъ до Веслянъ 125 вер., отъ Веслянъ до Котласа желѣзная дорога 450 верстъ. Тогда фрахтъ нефти съ пуда будетъ такой:

125 в. нефтепроводомъ пудъ	1,287 коп.
450 в. желѣзной дорогой	1,215 коп.
Отъ Котласа до Вологды водой пудъ	1,485 коп.
Отъ Вологды до Ярославля желѣзной дорогой	3,511 коп.

Такимъ образомъ отъ промысла до Ярославля, т. е. до Волги провозъ пуда нефта будетъ стоить 7,498 коп. Разсчетъ его основанъ на слѣдующемъ исчисленіи: провозъ пуда нефти на версту стоитъ: нефтепроводомъ 0,0103 к., воднымъ путемъ—0,0027 и желѣзной дорогой 0,01892 к. Слѣдовательно нефть, пришедшая въ Ярославль, будетъ имѣть на пудъ накладнаго расхода за дорогу 7,5 коп., и во что бы она ни обошлась сама по себѣ, тѣ цѣны, какія сейчасъ дѣлаются бакинцами (въ Ярославлѣ пудъ нефтяныхъ остатковъ стоитъ 58 коп.) на Волгѣ и на всемъ сѣверѣ Россіи, станутъ совершенно немыслимы, а уже про то, что дастъ нефть для сѣвера, какое оживленіе внесетъ она въ жизнь этого глухого въ настоящее время угла, и говорить нечего.

Видъ вышки съ ея гремящими машинами, черныхъ пропитанныхъ нефтью рабочихъ, свистки, надежды, выражавшіяся Гансбергомъ, вселяли въ насъ увѣренность въ недалекомъ уже преображеніи здѣшней

дикой пустыни въ промышленный уголокъ со стукомъ машинъ, курящимися трубами заводовъ, свистками паровозовъ и т. п.

На промыслѣ Гансберга мы провели цѣлый день; любезный хозяинъ соорудилъ обѣдъ въ этой пустынѣ на чистомъ воздухѣ среди сѣверной природы подъ тѣнью сосенъ, на коврѣ изъ бѣлаго мха. Послѣ обѣда, на которомъ мы такъ много говорили о великомъ будущемъ этого заброшеннаго, дикаго, обиженнаго Богомъ въ настоящемъ уголка, выражали пожеланія Гансбергу довести до конца начатое имъ дѣло, мы поѣхали съ промысла съ тѣмъ, чтобы послѣ небольшой остановки у Сидоровской избы отправиться уже въ обратный путь; съ нами отправился и Ю. С. Баршевъ, ѣдущій въ Москву.

Отводной столбъ на р. Ухтѣ.

Глава IX.

Обратный путь по Ухтѣ, Буквѣ, Выму; зыряне.

И вотъ мы опять въ лодкахъ, опять тѣ же картины горной рѣки одна за другой развертываются передъ нами съ тою только разницей, что за тѣ нѣсколько дней, что мы пробыли здѣсь, лѣсъ успѣлъ уже одѣться листвою, сталъ густымъ и пушистымъ. Вечеръ, солнце опускается на безоблачномъ небѣ, лѣвый берегъ темный, правый еще освѣщенъ солнцемъ, но тѣни лѣваго берега уже перекинулись черезъ рѣку и медленно всползаютъ на него. Рѣка вся въ тѣни и гладка какъ зеркало и все больше и больше окутывается сумерками, тѣни дальнихъ ельниковъ дѣлаются все синѣе и темнѣе. Солнце опускается ниже и уже только верхушки горъ освѣщены его послѣдними красными лучами, а лѣвый берегъ совсѣмъ уже темный, бархатный, какъ въ зеркалѣ отражается въ спокойной, тихой рѣкѣ. Дальнія горы задернулись голубымъ туманомъ, свѣтлая, прозрачная ночь опускается на землю, и опять чуть только солнце скрылось за лѣсомъ и погасли вершины горъ, какъ стало морозить.

Поздно вечеромъ проходимъ Кужмыль-кось и хотя мы, проѣзжая его, и очень замѣчали гдѣ надо идти, но безъ приключенія не обошлись; вода за то время, что мы были на промыслахъ, значительно убыла и порогъ теперь представляетъ въ буквальномъ смыслѣ слова порогъ; рѣка перегорожена поперекъ уступомъ около $^3/_4$ аршина высоты и съ этого уступа толстымъ слоемъ падаетъ пелена воды, гремя и разбиваясь о каменное дно рѣки, въ которомъ выбила своимъ паденіемъ ровъ, а изъ него она какъ бѣшеная вылетаетъ кверху, разсыпаясь брызгами и выбрасывая пѣну.

Подъѣзжая къ порогу такъ и кажется, что совершенно невозможно вскочить на эту стѣну и придется вылѣзать на берегъ, но вотъ уже первая лодочка, какъ-то ловко направляемая зырянами, приподнялась носомъ, порхнула наверхъ, подпираемая шестами, обдаваемая пѣной среди кипящей воды, и медленно стала отходить отъ порога на сравнительно

спокойное мѣсто; затѣмъ и другая и третья удивительно ловко взяли это препятствіе, но та, на которой ѣхалъ я, какъ-то неудачно вскочила на гряду камней и на самой-то высокой точкѣ, какъ клинъ, сѣла между ними; никакія усилія не могли сдвинуть ее впередъ, при всемъ напряженіи намъ удавалось только не дать лодкѣ опять сорваться внизъ. Шесты согнулись и, казалось, вотъ-вотъ сейчасъ лопнутъ; брошенная на берегъ бичева, когда за нее схватилось много народа, лопнула, но лодка не подалась и на вершокъ, а кругомъ со страшною стремительностью несется клокочущая бѣшеная рѣка, сплошь покрытая пѣной, съ ревомъ и грохотомъ. Не оставалось ничего дѣлать, какъ ухватившись за лодку соскочить въ воду и усиліями рукъ, приподнимая, сдвинуть ее съ камней; а съ недалекаго берега еще къ ней подскочили рабочіе и наконецъ кое-какъ удалось ее стянуть и выдвинуть вверхъ отъ порога. Какъ здѣсь проѣзжаютъ лѣтомъ, когда вода еще сбудетъ, невозможно и представить; зыряне говорятъ, что худо, а всетаки проѣхать можно, и наше приключеніе объясняютъ тѣмъ, что невѣрно пошли, и тѣмъ, что эта лодка по конструкціи своей нѣсколько разнится отъ ихъ лодокъ,—она, дѣйствительно, шире ихъ. Лодка эта еще съ Вишеры и пришла съ нами оттуда. Еще при отправленіи изъ Веслянъ зыряне относились къ ней скептически и говорили, что она не пройдетъ по здѣшнимъ рѣкамъ, нѣсколько разъ въ пути возбуждался вопросъ о ея непригодности для плаванія по нимъ и даже составлялись приговоры объ ея оставленіи, но, какъ послѣ оказалось, она выдержала все путешествіе не хуже вымскихъ, развѣ что была потяжелѣе ихъ на ходу, и мы съ П. В. Ведровымъ за свое стоическое хладнокровіе при всѣхъ нападкахъ на нашу „Вишеру“, такъ называлась лодка, были вполнѣ вознаграждены, такъ какъ она была несомнѣнно удобнѣе всѣхъ лодокъ изъ всего каравана.

Обратное путешествіе наше, конечно, не могло быть такъ интересно какъ то, когда мы ѣхали въ совершенно неизвѣстныя намъ таинственныя, мало кому знакомыя страны, и интересъ нашъ теперь весь сосредоточивался на тѣхъ немногихъ мѣстахъ, которыя мы проходили въ тѣ небольшіе промежутки времени, когда лодки рано утромъ отправлялись уже въ путь, а мы еще не вставали; но зато на обратномъ пути насъ баловала погода, и хотя по ночамъ все время были морозы, отъ которыхъ мы спасались шубами, но дни установились великолѣпные, ясные, жаркіе, солнце съ безоблачнаго неба положительно пекло и жгло, такъ что къ концу нашего путешествія мы загорѣли какъ арабы. Въ первый же жаркій день весь лѣсъ, всѣ лужки зазеленѣли и свѣжая зелень ярко заиграла на солнцѣ, лѣсъ вмѣсто прежнихъ стушеванныхъ лиловыхъ пятенъ весь раздѣлился на красивыя купы и между ними легли глубокія, влажныя тѣни.

Недалеко отъ переволока мы всходили съ С. И. Поповымъ на очень высокую гору, почти отвѣсно поднимающуюся съ самаго берега;

на самой вершинѣ ея, заросшей соснякомъ и бѣлымъ мхомъ, а коегдѣ и прямо съ голой землей, нашли массу неизвѣстныхъ намъ до того времени цвѣтовъ „сонъ-трава“ (anemone patens), изъ которыхъ составили букеты къ обѣду, долженствовавшему быть въ этотъ день торжественнымъ, такъ какъ это былъ день рожденія А. Н. Хвостова. Надо сказать, что наша провизія, взятая съ собой, уже достаточно поистощилась и припасовъ, изъ которыхъ могъ бы быть изготовленъ торжественный обѣдъ, уже совершенно не было. Мы радовались и коровою свѣжаго хлѣба, взятому нами въ Сидоровской избѣ, послѣ сухарей, до которыхъ успѣли дойти, мясо же, взятое на дорогу, могло продержаться только два дня и мы уже болѣе недѣли его не ѣли. Картофель также уже весь вышелъ, и у насъ оставалось только нѣсколько банокъ консервовъ. Но все это не оказалось препятствіемъ для нашего спутника лѣсного ревизора Степанова, который съумѣлъ, самъ взявшись за кулинарное искусство, изъ ничего сдѣлать такой обѣдъ, какой и въ ресторанѣ не посрамилъ бы повара, да къ тому же на столѣ появилась и взятая съ собой Н. А. Волковымъ и береженая до сегодняшняго дня масса закусокъ,—и дѣйствительно, нашъ столъ на 4-хъ колышкахъ, накрытый на берегу Ухты подъ безоблачнымъ небомъ у подножія горъ, съ букетами цвѣтовъ на немъ, съ меню, нарисованнымъ однимъ изъ участниковъ экспедиціи, и великолѣпный обѣдъ—издѣліе Н. Ф. Степанова, вполнѣ соотвѣтствовали торжественному дню.

Берега Ухты у самой воды покрыты массою кустовъ смородины, въ иныхъ мѣстахъ буквально все заросло ими и они густыми купами сбѣжали къ самой водѣ и купаютъ въ ней успѣвшія уже одѣться свѣжею листвой свои вѣтви. Въ такой заросли смородины впадаетъ въ Ухту съ праваго берега рѣка Тобысь, большая, каменистая, въ высокихъ берегахъ, сплошь заросшихъ лѣсомъ; устье его песчано и повидимому песку здѣсь намывается много и, вѣроятно, лѣтомъ выходъ изъ него въ Ухту затруднителенъ, несмотря на то, что онъ страшно быстръ, настолько, что зимой почти не замерзаетъ и по нему во многихъ мѣстахъ приходится ѣхать и переправляться на лодкахъ. Верховья его очень близко сходятся съ верховьями р. Коина, между ними, какъ говорятъ зыряне, переволокъ въ 16 верстъ; и, такимъ образомъ, если бы возможно было ѣхать черезъ этотъ переволокъ, путь съ Ухты въ Вымъ сокращался бы на много верстъ. Если бы можно было этотъ волокъ перекопать и дать этимъ возможность лѣсъ Ухты сплавлять не въ Печору, какъ это дѣлается теперь, а въ Вымъ и слѣдовательно въ Вычегду, стоимость его поднялась бы втрое и доходность Ухтинскихъ лѣсовъ возросла бы на много; но, конечно, говорить о томъ, стоитъ ли перекапывать волокъ этотъ и окупитъ ли приростъ дохода тѣ расходы, какіе надо сдѣлать на эту работу, нѣтъ возможности, такъ какъ и переволокъ-то этотъ знаютъ только зыряне и что тамъ есть, какова почва, горы ли тамъ или низина—совершенно

неизвѣстно и зыряне, при ихъ ограниченномъ знанiи русскаго языка, объяснить не въ состоянiи, а можетъ быть современемъ этому Тобысю, а также и другимъ неизвѣданнымъ рѣкамъ съ меньшими переволоками, и придется играть не маловажную роль въ дѣлѣ оживленiя этого края.

За Тобысемъ Ухта дѣлается сразу вдвое уже. На ней очень много пороговъ и малыхъ и большихъ и все время, пока мы поднимаемся по ней до самаго переволока, они попадаются то въ видѣ просто быстрины, то въ видѣ большихъ пространствъ воды — кипящихъ и клокочущихъ; иные короткiе, а иные очень длинны, напр., порогъ „Сизимъ-русь-кось" (семидырный) тянется на нѣсколько сотъ саженъ. Названiе ему дано такое оттого, что въ этомъ мѣстѣ Ухта образуетъ очень много островковъ изъ наноснаго песка и камней, покрытыхъ кустами и лѣсомъ, а между ними семь узкихъ протоковъ, по которымъ съ плескомъ, бурля и пѣнясь, съ страшной стремительностью несется вода; только что пройдешь одинъ протокъ, какъ сейчасъ же попадаешь въ другой, изъ него въ третiй и т. д., и вездѣ лодку, несмотря на всѣ усилiя рабочихъ, такъ и бьетъ, такъ и сноситъ; шесты гнутся въ ихъ рукахъ, напряженныя лица, безпокойные возгласы и кругомъ несущаяся пѣна дѣлаютъ картину этого порога довольно непрiятной и впечатлѣнiе это какъ-то не вяжется съ его веселыми островками, покрытыми молодой зеленью.

Керка на Ухтѣ.

Верстъ за 20 до переволока въ Ухту впадаетъ рѣчка Вагопка, передъ которой лѣвый берегъ Ухты кончается каменной, очень высокой горой, и вдаль отъ Ухты уходитъ долина въ совершенно неизвѣстныя мѣста, дальше опять горы выходятъ на берегъ и, прерванныя этой долиной, опять идутъ впереди то повыше, то пониже, то подойдутъ къ самой водѣ, то отступятъ немного и шапкой поднимутся за образовавшейся внизу площадкой, и всѣ онѣ съ самаго подножiя и до вершинъ заросли вѣковымъ лѣсомъ. Кое-гдѣ по горамъ обнажился камень и бѣлѣетъ, то нависнувъ надъ самой водой, то на вершинахъ горы, то поднимаются скалы на полугорѣ, растрескавшiяся,

слоистыя, съ обвалами и уродливыми деревцами, торчащими изъ ихъ разсѣлинъ.

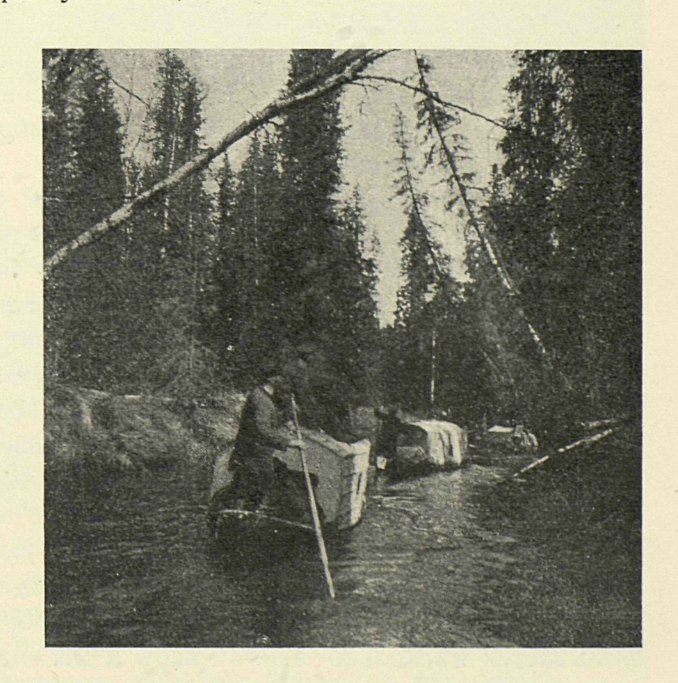
Наконецъ мы и на переволокѣ въ жаркое утро; солнце печетъ, по небу плывутъ бѣлыя круглыя облачка, легкій вѣтерокъ пробѣгаетъ по верхушкамъ деревьевъ, вода чуть рябитъ, въ сосновомъ лѣсу, кругомъ поселка, накаленныя солнцемъ сосны наполняютъ весь воздухъ своимъ ароматомъ. Предвидя, что на перевозку нашего каравана опять уйдетъ очень много времени, мы съ С. И. Поповымъ отправляемся посмотрѣть Ухту выше переволока, куда, конечно, никто изъ ѣдущихъ никогда не заглядываетъ, а если и бродятъ тамъ за рябкомъ и бѣлкой промышленники-зыряне въ зимнее время, то, конечно, не замѣчаютъ ни красотъ тамошнихъ, ни того, какъ течетъ эта рѣка, въ какихъ берегахъ, что на этихъ берегахъ есть—ни до чего этого нѣтъ имъ дѣла и совершенно это имъ не интересно.

Шли мы, шли рѣкою и все время Ухта течетъ прорѣзывая высокій каменный кряжъ, по скатамъ котораго, покрытымъ бѣлымъ мхомъ, взбирается лѣсъ ломный, заваленный и трудно проходимый; гдѣ горы немного поотойдутъ отъ рѣки, внизу образуется площадь съ травой и нерѣдко съ болотцами, а гдѣ онѣ подойдутъ къ самой водѣ—весь берегъ покрытъ сплошь обломками вывѣтрившагося известковаго сланца настолько густо, что идти по этимъ камнямъ становится трудно. На лѣвомъ берегу изъ воды поднимается отвѣсная скала съ покрытою лѣсомъ верхушкой; дойдя до нея, мы рѣшаемъ идти обратно, но, чтобы не было скучно идти уже пройденнымъ мѣстомъ, отходимъ отъ рѣки и, придерживаясь ея теченія, начинаемъ подниматься все выше и выше до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не достигли самой высокой точки и кругомъ насъ во всѣ стороны нигдѣ уже не было видно мѣстечка, которое бы казалось повыше; тогда мы стали по этой ровной площади подходить къ рѣкѣ и, наконецъ, очутились надъ отвѣснымъ обрывомъ, съ котораго сквозь вершины поднимающихся снизу деревьевъ открылся страшно широкій видъ на противоположный берегъ и раскинувшіеся до самаго горизонта безпредѣльные лѣса, стелющіеся по волнующимся вершинамъ горнаго кряжа. Рѣка, которую мы искали все-таки подальше, такъ какъ очень далеко отошли поднимаясь отъ ея берега, оказалась подъ самыми нашими ногами, въ видѣ узенькой желтой ленточки и только кое-гдѣ проглядывала между верхушекъ старыхъ елей и сосенъ, растущихъ ниже насъ. Скала, на которой мы очутились, совершенно отвѣсно спускается внизъ и вся состоитъ изъ слоевъ известковаго сланца, вывѣтрившіеся концы котораго падаютъ и усѣиваютъ заросшій сплошь лѣсомъ склонъ; свалившіяся внизу ели верхушками приткнулись къ ней; такъ и разсыпятся онѣ въ прахъ и новыя навалятся на нихъ, а сколько до нихъ погибло и счета, конечно, нѣтъ.

Вернулись мы домой на переволокъ, когда уже пора было двигаться и самимъ на рѣку съ неудобнымъ названіемъ, и скоро уже опять

ѣдемъ мы по этой, какъ змѣя, вьющейся болотной рѣченкѣ среди совершенно ровнаго, какъ бы подстриженнаго, ивняка, среди грязныхъ кочекъ, опять ѣдемъ и встрѣчаемъ не болѣе какъ въ саженномъ разстояніи ѣдущія намъ навстрѣчу заднія лодки, опять ивовые кусты съ обоихъ береговъ хлещутъ насъ; рѣка какъ зеркало и одѣвшіяся листвой березки отражаются въ ея тихой и прозрачной водѣ; на небѣ блѣдная заря безъ одного облачка, свѣтло такъ, что совершенно свободно можно читать; блѣдно бѣлѣетъ серпъ молодого мѣсяца надъ горизонтомъ, вдали кукуетъ кукушка... Это сѣверная полночь.

Вода послѣ нашего проѣзда здѣсь сбыла и идти приходится очень туго; во многихъ мѣстахъ лодки скребутъ по камнямъ на днѣ, а въ иныхъ такъ ловко садятся на эти камни, что ничего болѣе не остается рабочимъ какъ вылѣзать и проволакивать лодки до болѣе глубокаго мѣста руками. Рѣчка течетъ глухимъ лѣсомъ, и благодаря тому, что вѣтеръ не хватаетъ здѣсь изъ-за лѣса и не выноситъ того зноя, какой льютъ цѣлые дни горячіе лучи солнца, внизу по берегамъ образуется какъ бы теплица и просто глазамъ не вѣрится до чего быстро развиваются травы; чемерица теперь уже въ видѣ огромныхъ кустовъ съ своими рубчатыми листьями высится надъ всею луговою растительностью, у самой воды яркими желтыми пятнами цвѣтетъ калужница болотная, кое-гдѣ скромно выглядываютъ изъ травы фіалки. И деревья уже не тѣ безжизненныя, какія мы видѣли здѣсь раньше: красавицы лиственницы уже одѣлись въ свою нѣжную зелень и березки уже не голые прутья, а распушились, поникли надъ водой и качаютъ своими висячими вѣтвями. Дно рѣки все завалено остатками старыхъ, когда-то свалившихся подмытыхъ деревьевъ, но и на этихъ трупахъ развивается жизнь: къ нимъ приросли длинныя бороды какихъ-то водорослей, развѣвающихся и покачивающихся изъ стороны въ сторону по теченію.



Нашъ караванъ на р. Вукъ-вѣ.

Живой жизни все-таки мало: изрѣдка пролетитъ куличекъ, пропорхаетъ бабочка, да быстрыми, отрывистыми движеніями пробѣжитъ по прибрежному песку ящерица;

птичьихъ голосовъ въ такомъ глухомъ лѣсу не слышно—мертвая, вѣчная тишина царитъ внутри его; стѣсненныя сзади и съ боковъ, ели протянули на свободу къ рѣкѣ свои мохнатыя лапы, онѣ опустились и висятъ съ береговъ и закрываютъ его таинственную, неизвѣданную глубину. А рѣчка все пробирается, искрясь и сверкая на солнцѣ, все дальше и дальше по этой глуши.

Завалы и мели дѣлаютъ ѣзду страшно трудною и медленною верстъ на 50 до впаденія въ Вукву рѣчки Ай-ю, которая сразу прибавляетъ столько воды, что Вуква отъ нея дѣлается и шире, и глубже и рабочимъ становится полегче, а тамъ и самая рѣка выходитъ на открытое, заросшее рѣдкими березками мѣсто съ изумрудной травой, кустиками, лужайками, полянками и мы, долго стѣсненные лѣсомъ, вздыхаемъ свободнѣе, поле зрѣнія расширяется и легче чувствуется на душѣ. Въ этой части теченія Вуквы попадается много ея старыхъ руселъ-„петель“; часть ихъ замыло пескомъ и онѣ заглохли, часть завалило лѣсомъ, а къ нему уже стало наносить песокъ и, запертыя съ одной стороны, онѣ стали глухими болотами. Зыряне говорятъ, что эти петли образовываются очень быстро; намъ показывали такія, которыми ѣздили еще 3—4 года назадъ. Попадаются и такія, которыя произошли отъ того, что люди спрямили себѣ дорогу и выкинули излишніе загибы рѣки, но въ большинствѣ она спрямила свой ходъ сама.

Несмотря на жаркіе, знойные дни, все-таки морозъ по ночамъ преслѣдуетъ насъ, одинъ день даже замерзла вода, оставленная въ стаканахъ внутри лодки, а утромъ чуть поднимется изъ-за лѣсу солнышко и опять тепло и какъ-то не вѣрится даже, когда стоишь на лодкѣ въ одной рубашкѣ и впиваешь въ себя живительный зной солнечныхъ лучей, что всего нѣсколько часовъ назадъ только шуба спасала отъ забирающагося внутрь лодки мороза, что трава вся была въ инеѣ, что вода замерзала.

И Вымъ измѣнилъ свой видъ и теперь берега его уже всѣ зеленые, лиловыхъ и красныхъ тоновъ голыхъ деревьевъ и кустовъ уже нѣтъ, березы закруглились и приняли свою типичную форму и рѣзкими пятнами выдѣляются на темномъ фонѣ еловаго лѣса. Нѣжно-зеленыя лиственницы стоятъ, стройно возвышаясь надъ всей окружающей ихъ лѣсной площадью, все облито знойными лучами солнца, яркое голубое небо и нѣсколько бѣлыхъ высокихъ облачковъ медленно плывутъ по нему, рѣка голубая какъ небо чуть переливается мелкою зыбью. Сверкаетъ и искрится слѣдъ лодки, сверкаютъ вдали плавно въ тактъ поднимающіяся изъ воды весла.

У Помрасъ-керки встрѣчаемъ людей—рыбаки выѣхали на ловъ и забрались далеко вверхъ по рѣкѣ, въ надеждѣ на начинающійся теперь вмѣстѣ съ тепломъ ловъ семги; имъ повезло, и у нихъ, дѣйствительно, оказывается нѣсколько этихъ рыбъ и мы не преминули купить себѣ одну изъ нихъ для ѣды. Выбрали мы семгу въ 24 ф. и сторговались

по 40 к. за фунтъ, цѣна для первыхъ рукъ довольно высокая, но, какъ оказалось впослѣдствіи, дѣйствительно, купить дешевле и нельзя, такъ какъ въ это время весь уловъ семги сбываютъ на ярмаркѣ въ Усть-Вымѣ, гдѣ и устанавливается цѣна на нее, продавать же прямо на ловитвѣ первый уловъ рискованно въ смыслѣ возможности продешевить: можетъ оказаться ловъ семги такой малый, что цѣна будетъ на ярмаркѣ стоять очень высокая.

Хотя и въ Вымѣ вода сбыла, но послѣ Вуквы онъ кажется намъ огромной рѣкой; идемъ то берегомъ, то самой серединой уже не на шестахъ, а на веслахъ, и быстро несемся внизъ по теченію. Ѣдемъ противъ солнца и слѣдъ передней губернаторской лодки, съ развѣвающимся на ней небольшимъ національнымъ флагомъ, сверкаетъ впереди и искры вспыхиваютъ на водѣ; черной стѣной встаетъ еловый лѣсъ противъ солнца и свѣтлыми зелеными пятнами трепещутъ на немъ березки. Кое-гдѣ попадаются обрывы и песокъ ихъ издали яркими пятнами выдѣляется на фонѣ лѣса.

Покупка семги.

У сѣро-водороднаго источника, о которомъ я уже говорилъ выше, дѣлаемъ остановку и подробно осматриваемъ его и находящееся близъ него интересное озеро, соединенное съ Вымомъ нешироким протокомъ, настолько заваленнымъ всякимъ хламомъ, что по этимъ старымъ стволамъ и корёжинамъ, какъ по мосту, можно перейти на другую сторону. Самые источники бьютъ во многихъ мѣстахъ изъ берега сравнительно невысоко отъ уровня рѣки среди сплошныхъ обломковъ камней, а надъ этимъ мѣстомъ возвышается слоистая, подмываемая и обваливающаяся скала; изъ ея обломковъ и образовалась сравнительно широкая и пологая каменистая полоса берега. Между этихъ-то камней и бѣгутъ съ журчаньемъ многочисленные ключи воды, насыщенной сѣроводородомъ; запахъ очень сильный, но этотъ источникъ принадлежитъ къ немногимъ сортамъ сѣроводородныхъ источниковъ, вода которыхъ на вкусъ не представляетъ ничего непріятнаго; температура ея очень низка, около 4°. Кромѣ этихъ ключей, расположенныхъ у самой почти рѣки, есть и немного подальше отъ берега, ручьи отъ которыхъ сбѣгаютъ опять же въ рѣку.

Нависшая скала сверху вся покрыта лѣсомъ и, взобравшись на верхъ, имъ можно пройти на высокій берегъ лежащаго очень недалеко озера; скала эта является концомъ каменистаго, заросшаго лѣсомъ кряжа, возвышающагося между этимъ озеромъ и впадающей здѣсь въ Вымъ рѣкою „Чисъ-ва", уходящаго отъ рѣки вглубь. Кряжъ расширяется за озеромъ и, обогнувъ его, выходитъ на берегъ Выма; его вершиной очень удобно пройти до противоположнаго берега озера, очень высокаго съ песчаными обрывами. Когда выйдешь на этотъ высокій обрывистый берегъ и остановишься на немъ, снизу все время доносится журчаніе и плескъ многочисленныхъ ключей и, дѣйствительно, стоитъ только спуститься внизъ къ самому берегу, какъ попадаешь въ самый источникъ питанія этого озера: всюду кругомъ гремятъ ключи и, сверкая на солнцѣ, журчащими ручейками сбѣгаютъ среди подмытыхъ корней, поваленныхъ стволовъ и всякаго лома въ спокойную поверхность его; вода этихъ ключей сильно желѣзистая, все въ ручейкахъ покрыто налетомъ ржавчины, она стоитъ кусками въ этой части озера и на вкусъ вода ясно отдаетъ окисью желѣза. Конечно, ни вода источниковъ на берегу, ни этихъ желѣзныхъ ключей никогда не изслѣдовалась, да, вѣроятно, кромѣ зырянъ мало кому и извѣстно о существованіи ихъ, а они относятся къ нимъ не болѣе какъ къ курьезу за ихъ ясно выраженный далеко не изъ пріятныхъ запахъ сѣро-водородомъ. И. М. Шемигоновъ взялъ съ собою образцы этой воды для анализа и мы повезли ее съ собой въ Вологду.

Произведенный анализъ заставляетъ предполагать о присутствіи здѣсь залежей гипса, по которымъ течетъ этотъ источникъ, такъ какъ вода содержитъ въ себѣ много минеральныхъ веществъ, главнымъ образомъ сѣрной кислоты и кальція. Подробный анализъ таковъ:

№№	ВЕЩЕСТВА.	Химическая формула.	Миллиграммы на одинъ литръ.
1.	Хлористаго натрія	$NaCl$	28,2
2.	Сѣрнокислаго „	Na_2SO_4	5,8
3.	„ калія.	K_2SO_4	98,1
4.	Гипса, сѣрнокислаго кальція.	$CaSO_4$	1.790,3
5.	Углекислаго кальція (мѣлъ)	$CaCO_3$	109,8
6.	„ магнія	$MgCO_3$	142,8
7.	Сѣроводорода	H_2S	2,0
	Общая жесткость воды выразится . .	88,82°	—
	Сумма веществъ—съ № 1 по 6 . . .	—	2.175,0
	Найдено сухого остатка.	—	2.188,0
	Разница всего . . .	—	13,0

Изъ анализа можно вывести заключеніе, что присутствіе сѣроводорода въ изслѣдованной водѣ не является слѣдствіемъ разложенія органическихъ веществъ и ихъ гніенія, такъ какъ азотная и азотистая

Сѣро-водородные источники на Вымѣ.

кислоты и амміакъ отсутствуютъ, а, вѣроятно, образуется онъ изъ гипса, преобразованіемъ послѣдняго подъ вліяніемъ углекислоты, растворенной въ водѣ, и воздуха.

Ночные морозы до сихъ поръ сдерживали страшное зло здѣшнихъ лѣсовъ для тѣхъ, кто ѣдетъ въ нихъ въ это время, но знойные дни начинаютъ преодолѣвать ночные холода и зло это все болѣе и болѣе начинаетъ насъ пока еще только безпокоить—это комары; въ одно прекрасное утро мы, умываясь въ рѣкѣ, замѣтили массы шкурокъ ихъ личинокъ, плывущія по рѣкѣ,—знакъ, что начался ихъ выводъ, и дѣйствительно съ этого дня они стали насъ ѣсть, сперва помаленьку такъ, что и маханія вѣточкой было достаточно для того, чтобы имѣть возможность быть на берегу, а потомъ все больше и больше и наконецъ до такой степени, что уже безъ накомарника нечего было и думать выйти днемъ на берегъ, ночью же, въ морозъ они всѣ куда-то исчезали, но, къ несчастью, не околѣвали и на другое утро опять съ ожесточеніемъ и крайнею назойливостью лѣзли къ намъ и не давали покоя.

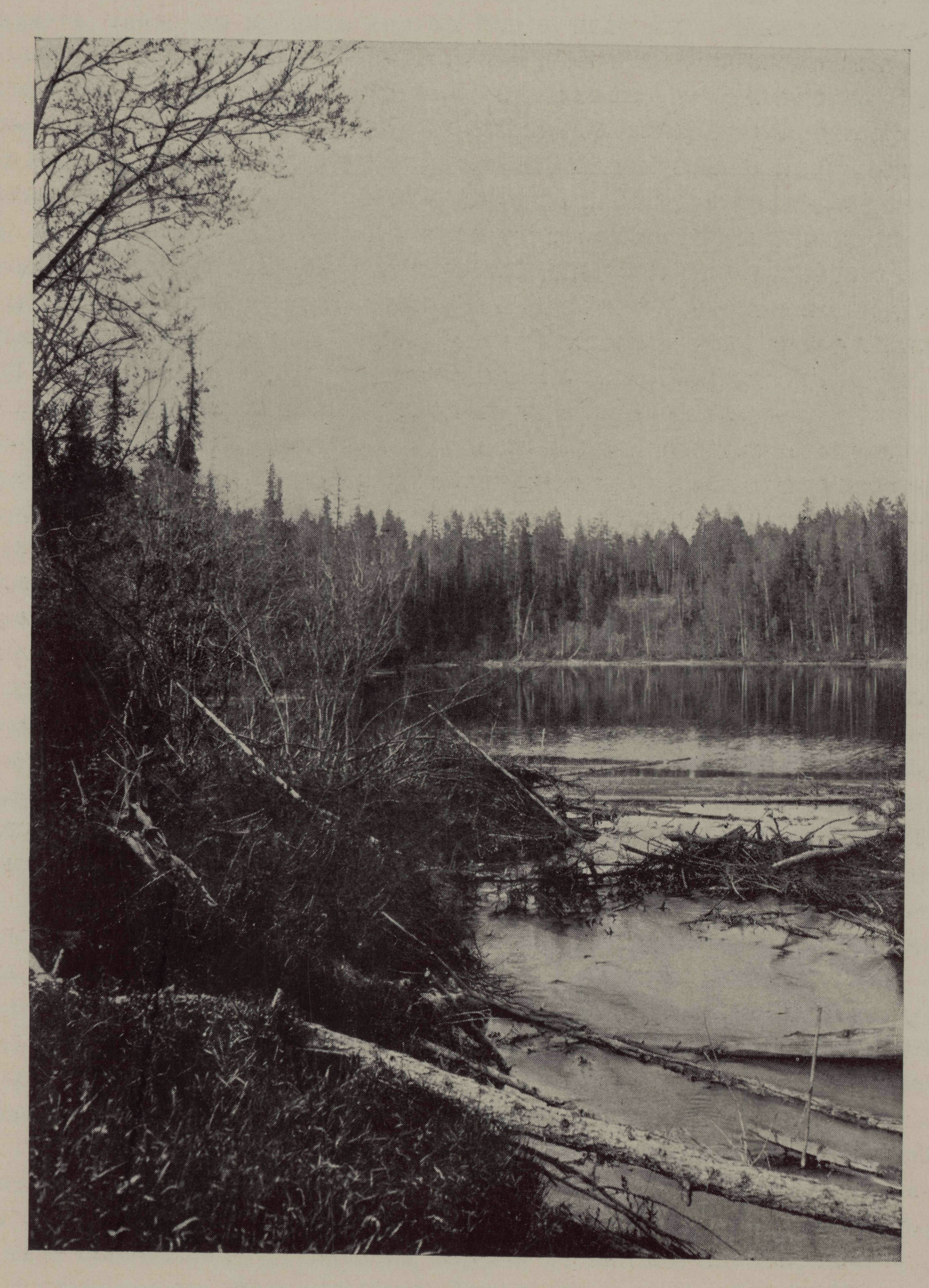
Благодаря теплу мы были свидѣтелями, какъ въ одно утро появились въ воздухѣ милліарды какихъ-то маленькихъ бабочекъ; въ продолженіи цѣлаго дня все время воздухъ былъ ими наполненъ, какъ хлопьями снѣга; онѣ лѣзли всюду и всѣ лодки наши были ими облѣплены и въ лодки онѣ забирались и на насъ сидѣло ихъ множество, но это продолжалось только одинъ день и на слѣдующій уже только отдѣльные экземпляры ихъ попадались еще кое-гдѣ; вѣроятно морозъ въ ночь побилъ ихъ всѣхъ, а морозъ въ эту ночь былъ очень сильный: роса заледенѣла и собиралась въ видѣ снѣга, вся рѣка курилась туманомъ, фантастическія фигуры котораго высокими столбами поднимались на срединѣ рѣки, а къ нимъ отъ береговъ извиваясь ползли струи пара.

Верстъ за 60 до Веслянъ на берегу стоитъ керка „Воръ-вомынъ-керка“ и отъ нея существуетъ прямая тропа на переволокъ—60 верстъ, почти на всемъ своемъ протяженіи идущая болотомъ.

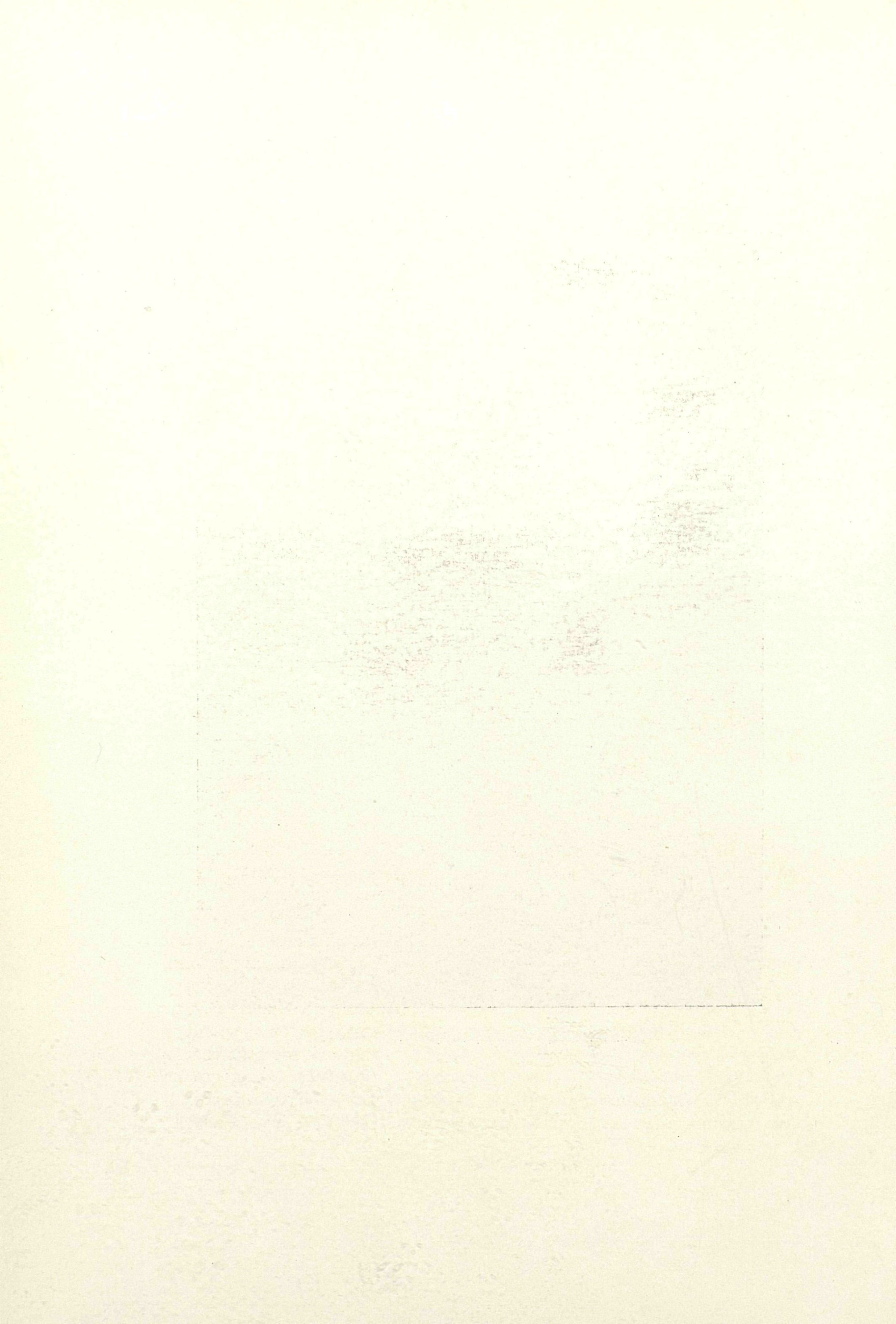
Опять проходимъ пороги, первые, которые такъ намъ были непривычны сначала и произвели на насъ въ тотъ путь сильное впечатлѣніе; всѣ они расположились верстахъ на 10 и теперь, когда вода сбыла уже значительно, гораздо замѣтнѣе и камни, торчащіе изъ воды, и ея паденіе. Всѣ пороги идутъ въ такомъ порядкѣ сверху: Коинъ-кось, Ышъ-мысъ-кось, Рочь-кось большой и малый, Чупша-кось, Чайесъ-кось и Кычиль-кось. Разстоянія между ними почти равныя, побольше только между двумя послѣдними, а самые крупные и внушительные изъ нихъ большой Рочь-кось и Коинъ-кось, но ѣзда по нимъ по теченію уже ничего изъ себя не представляетъ: не успѣешь въѣхать въ кипящую стремнину, какъ лодка, направляемая опытной рукой рабочаго, уже пронеслась между камней и пѣна и взлетающія кверху волны остались далеко позади.

За порогами вскорѣ прошли и устье Іолъ-вы и поселочекъ, расположившійся на самомъ мысу—первое жилье послѣ столькихъ дней плаванія по совершенно безлюднымъ мѣстамъ, а тамъ уже и Весляны радуютъ наши взоры своей оригинальной архитектуры церковью, своими зелеными полями и лугами. Эта оригинальная церковь уже новая на мѣстѣ сгорѣвшихъ два раза старыхъ церквей, но рядомъ съ нею стоитъ низенькая старая церковка, вросшая въ землю и заплѣсневѣлая какая-то, и въ ней хранятся старые, уцѣлѣвшіе отъ бывшихъ пожаровъ, образа; нѣкоторые изъ нихъ есть и интересные, въ особенности распятіе и страшный судъ, но ихъ и разсматривать то трудно въ этой полутемной церковкѣ, гдѣ они навалены какъ старый хламъ и, кромѣ того, всѣ уцѣлѣвшія иконы сильно попорчены огнемъ, иныя до такой степени, что представляютъ собою только вспузырившуюся краску безъ какихъ бы то ни было слѣдовъ изображенія.

Вотъ теперь, когда мы уже попривыкли къ зырянамъ и они къ намъ попривыкли, мы можемъ получать отъ нихъ больше свѣдѣній и въ разговорахъ съ ними узнаемъ, что впадающая около Веслянъ въ Вымъ рѣка Веслянка имѣетъ въ длину со всѣми изворотами 40 чёмкасовъ, и это для насъ уже не звукъ пустой, а мы сразу подсчитываемъ, что это приблизительно 240 верстъ, что р. Іолъ-ва въ своихъ верховьяхъ отдѣлена отъ р. Мезени переволокомъ только въ 6 верстъ и что до переволока по Іолъ-вѣ 14 чёмкасовъ, т. е. верстъ 85, а отъ переволока до истоковъ еще чёмкасовъ 20, т. е. около 120 верстъ, что изъ Веслянъ есть просѣкомъ тропа прямо на Сидоровскую избу (о которой уже и ранѣе намъ было извѣстно), но счетъ верстъ по ней зыряне ведутъ не тотъ, какъ считается у насъ; мы всегда слышали, что отъ Веслянъ до промысловъ 120 верстъ, а зыряне считаютъ ее въ два пріема: до Тобыся тропой 130 верстъ, а отъ Тобыся до Сидоровской избы 25 верстъ, итого не 120, а 155. Конечно, всѣ эти свѣдѣнія не могутъ считаться точными, но все-таки казалось бы, что зырянамъ это извѣстно поболѣе и ихъ свѣдѣніями пока приходится довольствоваться, такъ какъ никакихъ изслѣдованій здѣшнихъ рѣкъ и рѣчекъ совершенно не существуетъ, всѣ онѣ нанесены на планы приблизительно, а насколько это приближеніе велико или мало, можно судить хотя бы по примѣру Вишеры, которая на прежнихъ планахъ показывалась пропадающею гдѣ-то, едва дойдя до границы Яренскаго уѣзда, произведенная же съемка показала, что она нѣсколько разъ эту границу пересѣкаетъ и доходитъ до Синдорскаго озера, но притоковъ ея такъ и не нанесено на карту, что же касается верховьевъ всѣхъ рѣчекъ на этой картѣ, то они всѣ нанесены, что называется, „на честное слово". Такія свѣдѣнія, какъ напр. возможность поднять втрое доходность Ухтинскихъ лѣсовъ помощью соединенія Тобыся и Коина, есть результатъ не какихъ-нибудь изслѣдованій, а свѣдѣній, полученныхъ отъ бродящихъ тутъ за рябками и бѣлкой зырянъ.



Желѣзистое озеро около сѣроводородныхъ источниковъ.



Никитичъ Козловъ, когда-то ходившій, какъ и другіе, на промыслы и даже срубившій далеко на Вымѣ въ былыя времена керку, которую намъ и показывали питающіе къ нему громадное уваженіе зыряне, подъ названіемъ „Никитъ-Пашъ-керка", а потомъ своими трудами нажившій себѣ небольшой капиталецъ и начавшій свое дѣло. Какъ очень сметливый, сообразительный и неглупый человѣкъ, онъ быстро пошелъ въ гору и даже купилъ себѣ пароходъ, а купивши рѣшилъ, что пароходъ вовсе не такая трудная вещь, чтобы нельзя ее было работать не на заводѣ гдѣ-нибудь, а у себя дома въ Козловѣ на Вымѣ и вотъ теперь у него тутъ устроена маленькая верфь, поставлена паровая машина, устроена гавань для зимовки и самъ онъ, какъ говорятъ даже по своимъ чертежамъ, строитъ пароходы; одинъ изъ нихъ мы видѣли на Вычегдѣ—это та самая „Надежда", на которой пріѣхали къ намъ въ Вогваздино С. И. Поповъ и Н. А. Волковъ. Зыряне очень цѣнятъ Павла Никитича за то, что онъ сталъ привозить въ Козлово муку и торговать ей, держа запасы, чѣмъ установилъ на нее цѣну, и достать ее можно во всякое время, а прежде бывали такія времена, когда по бездорожицѣ всѣ запасы муки выйдутъ, достать ее неоткуда и приходилось платить за нее совершенно баснословныя цѣны тѣмъ торговцамъ, которые ухитрялись припасти на это время небольшой запасецъ. У Козлова въ деревнѣ прекрасный домъ, устроенный совершенно на городской манеръ, и большая торговля; мы, къ несчастью, не застали самого Павла Никитича дома и были приняты его сыновьями, старшимъ, веду-

Д. Козлово на р. Вымѣ.

Видъ на р. Вымъ изъ д. Козлово.

щимъ дѣла вмѣстѣ съ отцомъ, и младшимъ — ученикомъ Устюгской гимназіи.

За Козловымъ скоро село Вотлы, верхнее, среднее и нижнее, въ разстояніи версты одно отъ другого, съ бѣлой церковью, раскинувшееся по полугорѣ и гребнямъ подступающихъ къ рѣкѣ горъ. Здѣсь намъ приходится разсчитывать рабочихъ, которые, большинство по крайней мѣрѣ, изъ этого села и наняты были отъ него и до него. Пока нашъ хозяйственный староста производитъ, окруженный цѣлою толпою зырянъ, съ ними разсчетъ, сопровождаемый галдѣньемъ, криками и выпрашиваніями на чай, къ берегу собралось почти все село съ ребятами, стариками и старухами; кто пришелъ встрѣтить своихъ, ѣздившихъ съ нами, кто просто потому, что всѣ идутъ, большинство, конечно,—посмотрѣть никогда не виданнаго никѣмъ въ здѣшнихъ мѣстахъ губернатора.

Зырянинъ въ охотничьемъ костюмѣ.

Проведя съ зырянами болѣе двухъ недѣль и притомъ въ такой близости, какая только и можетъ быть при подобномъ путешествіи, мы, конечно, кое-что вынесли изъ знакомства съ ними и у каждаго изъ насъ составилось объ этомъ народѣ нѣкоторое представленіе изъ тѣхъ фактовъ, какіе приходилось наблюдать при поѣздкѣ, изъ разговоровъ съ ними и изъ того, что приходилось слышать о нихъ отъ людей долго здѣсь проживших и знающихъ здѣшній край и въ этнографическомъ отношеніи.

Зыряне—народность, о которой первое упоминаніе встрѣчается въ XVI вѣкѣ, гдѣ говорится о „Сырьянахъ“, ранѣе же того они не отдѣлялись отъ пермяковъ; происхожденія несомнѣнно финскаго, по крайней мѣрѣ типы, встрѣчающіеся между ними, переносятъ смотрящаго на нихъ въ міръ Ибсеновскихъ героевъ и такъ и кажется, что нѣко-

торые изъ нихъ прямо сорвались съ картинъ финляндскихъ художниковъ. Характерная особенность ихъ—свѣтлые, какъ будто стеклянные, глаза, позволяетъ думать, что это-то и есть та самая „Чудь бѣлоглазая“, о которой лѣтописецъ говоритъ: „до начала города Чернигова жилъ на томъ мѣстѣ и въ окрестностяхъ онаго пришедшій изъ древнихъ мѣстъ народъ, называемый Чудь, не малое время, но пришедшій съ сѣвера Россіи народъ Новгородскій ихъ Чудь съ оныхъ мѣстъ прогналъ, а иныхъ противящихся взялъ въ плѣнъ и т. д.“ Это было очень давно, такъ какъ у лѣтописца показано подъ 1546 годомъ, что уже существовавшій городъ Черниговъ тогда сгорѣлъ, а Чудь то была еще задолго до начала этого города.

Въ настоящее время зыряне въ количествѣ около 100 т. живутъ въ Вологодской губерніи, начиная съ Яренска, по всему сѣверо-востоку ея, и тысячъ 20 живетъ въ Архангельской губерніи по р. Ижмѣ и называются тѣ зыряне Ижемскими. Языкъ ихъ, хотя общій для всѣхъ, имѣетъ порядочныя различія по мѣстностямъ такъ, что напр. Яренскій зырянинъ говоритъ отлично отъ Усть-Сысольскаго, и, какъ говорятъ люди знающіе, весьма сходенъ съ чухонскимъ языкомъ. Не зная послѣдняго, мы можемъ только сказать, что зырянскій языкъ страшно примитивенъ, громадная масса словъ односложны, для многихъ отвлеченныхъ понятій совершенно нѣтъ словъ. Такъ напр. будто бы зырянскій счетъ весьма похожъ на счетъ финновъ: 1—ӧтикъ, 2—кыкъ, 3—куимъ, 4—нӧль, 5—витъ, 6—квайтъ, 7—сизимъ, 8—кокьямысъ, 9—ӧкмысъ, 10—дасъ, 20—кызь, 30—комынъ, сто—сӧ и т. д. Для примѣра односложности языка приведу нѣскалько словъ самыхъ обыкновенныхъ: Богъ — Ёнъ, человѣкъ—мортъ, голова—юръ, глаза—синъ, носъ—ныръ, ротъ—вомъ, рука—ки, нога—кокъ, хлѣбъ—нянь, ложка—пань, ножикъ—пуртъ, дрова—песъ, топоръ—черъ, огонь—би, земля—му, вода—ва, рѣка—ю, собака—понъ, лошадь—вӧвъ, корова—мӧсъ, мясо—яй, медвѣдь—ошъ и т. д. Глаголы большею частью двусложны и нѣкоторые даже трехсложны съ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія на „ны“. Напр. ходить—ветлыны, сидѣть—пукавны, стоять—сулавны, писать—гижны, покупать—небны, продавать—вузавны и т. д. Есть и спряженія, но разобрать этого въ точности изъ разговоровъ съ зырянами нѣтъ возможности, а склоненій въ ихъ языкѣ намъ замѣтить не удалось, конечно, насколько мы могли заключить изъ распросовъ. Отвлеченныхъ понятій мы отъ нихъ не добились; понятія: жарко, холодно, темно, весело—это у нихъ есть, но когда мы спрашивали, какъ сказать: умный человѣкъ, справедливый человѣкъ, добрый человѣкъ—это все у нихъ выражалось однимъ словомъ „буръ“, что означаетъ хорошій, и всѣ положительныя качества опредѣляются имъ, какъ словомъ „лёкъ“ опредѣляются всѣ качества отрицательныя. Народъ очень религіозный, что можно заключить и изъ ихъ любви къ постройкѣ церквей, а если не церквей, то хотя часовенъ въ видѣ церквей съ

колокольней и колоколами или даже просто креста у какой-нибудь одинокой избушки и также изъ того, что, какъ мы замѣчали во время всей нашей поѣздки, почти каждый зырянинъ непремѣннымъ долгомъ своимъ считаетъ вечеромъ передъ сномъ и утромъ помолиться, оборотясь лицомъ на востокъ. Конечно это признаки религіозности чисто внѣшней, но вѣдь и у русскаго крестьянина она выражается не какимъ либо инымъ образомъ. Говорятъ, что зыряне народъ крайне мстительный и злопамятный, о чемъ судить мы возможности не имѣли, и весьма вѣроятно, что это и такъ, но изъ нашихъ наблюденій всетаки мы вынесли о нихъ впечатлѣніе самое хорошее: какъ народъ еще полудикій, въ немъ остались нѣкоторыя очень симпатичныя черты дикарей, напр. честность въ достаточной еще мѣрѣ, въ иныхъ случаяхъ прямо удивляющая человѣка, привыкшаго къ нашему крестьянству и его понятіямъ о честности, и, если у нѣкоторыхъ зырянъ и попадаются весьма сомнительные поступки по отношенію къ честности, то это уже является плодомъ ихъ соприкосновенія съ людьмн „не дикими“, научившими ихъ надувать, чтобы не быть самимъ надутыми. Отъ не дикихъ же людей научились Ижемскіе зыряне и эксплоатировать страшнымъ образомъ совершенно дикихъ еще самоѣдовъ, доводя ихъ прямо до вымиранія спаиваніемъ водкой и отбирая отъ нихъ положительно все, что можетъ самоѣдъ заработать. Эти отрицательныя стороны зырянъ намъ были мало замѣтны, не было случаевъ обнаруживаться имъ, но то, что мы ничего не прятали и не запирали и у насъ ничего не пропало, а напротивъ рабочіе насколько могли всегда берегли и смотрѣли за нашими вещами, есть уже качество прямо положительное. Затѣмъ зыряне необыкновенно чувствуютъ, если обращаются съ ними не какъ со скотиной, а какъ съ людьми и уже для того, кто съ ними обращается по-человѣчески, готовы расшибиться въ лепешку и просто не знаютъ чѣмъ услужить. Они очень гостепріимны и радушны, живутъ довольно опрятно и чисто. Конечно наши наблюденія очень не полны, да мы вовсе и не задавались цѣлью изслѣдовать и изучить этотъ народъ, что уже сдѣлано кажется, эти же замѣтки о зырянахъ есть не болѣе какъ тѣ штрихи, которые намъ пришлось подмѣтить, проживъ съ ними недѣли три, бывая же въ деревняхъ и селахъ, мы вынесли впечатлѣніе, что зыряне, несмотря на буквально повсюду раздающіяся жалобы на малоземелье, плохіе урожаи и всякія напасти, живутъ всѣ зажиточно, куда богаче и сытѣе нашихъ мужичковъ; объясняется это тѣмъ, что они хорошо заработываютъ на промыслахъ охотничьихъ, рыболовныхъ и лѣсныхъ, устьсысольскіе еще кромѣ того и на горныхъ заводахъ, ижемскіе же почти всѣ ведутъ большую торговлю съ самоѣдами.

Наконецъ разсчетъ конченъ, получены всѣ начаи, причемъ одинъ изъ моихъ ямщиковъ, Степанъ Деичъ, отказывается получить отъ меня на чай, прося взамѣнъ этого выслать ему фотографіи, снятыя съ нихъ

и съ его деревни, и мы отправляемся далѣе. Нѣкоторые изъ ѣхавшихъ съ нами остались въ Вотлахъ, пришлось нанять до Вогваздина новыхъ и составъ нашихъ рабочихъ сильно измѣнился, на нашей лодкѣ изъ старыхъ остался только Степанъ.

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, мы останавливаемся на ночлегъ, а слѣдующій день, въ который намъ предстояло успѣть добраться до Вогваздина, былъ однимъ изъ лучшихъ изо всего нашего плаванія на лодкахъ; и великолѣпная погода, и пріятное чувство отъ недалекаго уже конца всетаки тяжелаго путешествія на лодкахъ и величественный, красивый Вымъ—все это вмѣстѣ взятое поднимало наше настроеніе, дѣлало насъ какъ-то особенно жизнерадостными, веселыми. Уже съ утра насъ привѣтствовало глубокое голубое небо съ медленно плывущими по немъ бѣлыми пушистыми облачками, а надъ ними въ неизмѣримой синей выси стоятъ безъ движенія волны перистыхъ облаковъ; солнце уже палитъ зноемъ, глядѣть больно—такъ ярко все залито его лучами, ни малѣйшаго вѣтра, Вымъ какъ зеркало.

Послѣ долгой дичи и глуши, видна впереди какая-то деревенька, чистенькая, опрятная издали, съ своими приземистыми домами съ бѣлыми окнами, бѣленькой и чистенькой часовней, кругомъ нея воздѣланныя поля, ярко зеленыя на солнцѣ, загородки, покосы съ рядами кольевъ для стоговъ, а тамъ опять та же дичь и глушь, опять лѣса надвинутся съ обѣихъ сторонъ, гдѣ сбѣгутъ къ самой водѣ кудрявые и густые, гдѣ оборвутся на горѣ и обнажатъ сверкающій на солнцѣ песокъ или тяжело краснѣющую глину и опять надолго ѣдешь глухими безлюдными мѣстами; уже все распустилось, лѣса зукурчавились и подернутые синей дымкой уходятъ вдаль; тѣни облаковъ темными пятнами бѣгутъ по нимъ, опускаются въ рѣку и медленно выползаютъ на другой берегъ, прикроютъ иногда и насъ и все вокругъ становится какъ-то сѣро, близко, буднично, пропадаютъ искры на водѣ и перестаютъ сверкать слѣды нашихъ лодокъ, а проползетъ тѣнь и опять все заискрится и зарадуется въ солнечныхъ лучахъ.

Деревня на Вымѣ.

Рѣка течетъ длиннѣйшими плесами, тихими и спокойными, то съ одной стороны, то съ другой подступаютъ горы, со щетиной еловыхъ лѣсовъ и пятнами свѣтлыхъ березокъ и красноватыхъ еще цвѣтущихъ

Р. Вымъ около Серегова.

осинъ. Горы то идутъ однимъ берегомъ, то перекинутся на другой и уйдутъ куда-то вдаль, берегъ станетъ ниже и горизонтъ расширяется; далеко, далеко гдѣ-то едва замѣтнымъ столбомъ поднимается дымокъ, то ли подсѣку жгутъ, то ли бѣлый мохъ, высохшій до того, что хруститъ и разсыпается подъ ногами, вспыхнулъ отъ неосторожно брошенной спички и море огня разлилось кругомъ, клубясь и дымя, и съ трескомъ пожираетъ никѣмъ не охраняемый, беззащитный лѣсъ; а по берегамъ свистятъ кулички, изъ лѣса несется кукованіе кукушки, воздухъ рѣетъ надъ накаленнымъ прибрежнымъ пескомъ, высоко въ бездонной глубинѣ синяго неба кружитъ ястребъ.

За деревней „Кошки“ рѣка какъ бы упирается въ высокую, сплошь покрытую лѣсомъ, гору, надвинувшуюся откуда то издали съ лѣваго берега, и дѣлаетъ крутой поворотъ вправо, а дальше берега становятся все ниже и ниже и у Серегова горъ уже нѣтъ. Проходимъ его, не останавливаясь, только съ берега подъѣзжаетъ къ намъ лодка съ вѣстникомъ, мѣстнымъ земскимъ начальникомъ, сообщившимъ намъ еще только слухъ о роспускѣ Думы; островъ противъ Серегова теперь уже не голый, песчаный, а весь густо покрытъ свѣжей зеленью только что распустившихся ивовыхъ кустовъ; все также курятся варницы завода на берегу. Солнце уже начинаетъ склоняться, село Ляли и деревню Ыбъ мы проходимъ уже въ тѣни, брошенной на рѣку высокимъ берегомъ, только верхъ его и постройки освѣщены послѣдними лучами.

До Усть-Выма остается только 6 верстъ; начались совсѣмъ низкіе берега, какъ бархатомъ покрытые молодой травой; солнце уже совсѣмъ сѣло и исчезло въ легкомъ облачкѣ, а надъ нимъ медленно плывутъ лиловыя тучки самыхъ фантастическихъ формъ, вдали видны бѣлыя церкви Усть-Выма. Подъѣзжаемъ къ Вычегдѣ, и она и Вымъ сливаются и страшно широкою кажется эта водная гладь, тихая какъ стекло и только слѣды нашихъ лодокъ чуть бороздятъ ея неподвижную поверхность; даль тонетъ въ голубомъ сумракѣ сливающагося съ горизонтомъ синяго неба, съ Вычегды доносится въ вечернемъ воздухѣ гармоничный ревъ какого-то парохода. Ширина и просторъ страшные, дышится какъ нигдѣ.

Въ самомъ устьѣ промѣряемъ глубину и получаемъ I аршинъ, полтора и 3 четверти, а одна изъ нашихъ лодокъ даже сѣла на мель— это уже глубина всего въ нѣсколько вершковъ; безконечные пески тянутся по берегамъ и длинными косами врѣзаются въ поверхность рѣки.

Наконецъ и Вычегда, и пароходъ. Послѣ столькихъ дней плаванія въ лодкахъ, ночевокъ на морозѣ подъ шубами, комариныхъ истязаній, свѣта только отъ солнышка да отъ костровъ, дымныхъ керокъ, лома въ лѣсу или мокроты въ болотахъ, нашъ пароходъ съ его каютами, умывальниками, электрическимъ освѣщеніемъ, постелями, конечно, показался намъ раемъ небеснымъ, но, все-таки, такой радости, какую мы

испытали при встрѣчѣ его на Вишерѣ, мы не могли уже ощущать, вѣроятно, главнымъ образомъ потому, что плаванiе по Выму само дало намъ прiятныя воспоминанiя, а по Вишерѣ и вспоминать не хочется. Перебрались на пароходъ, распрощались съ рабочими и въ 12 часовъ ночи опять застучали наши машины и пароходъ, подрагивая, побѣжалъ внизъ по Вычегдѣ домой. Собственно говоря, путешествiе наше съ этого момента уже кончилось: намъ предстояло впереди совершенно обыкновенное плаванiе по Вычегдѣ, Сухонѣ, Двинѣ и Вологдѣ, ничего новаго, ничего неизвѣстнаго уже мы не могли тутъ встрѣтить, все это извѣстно всѣмъ, всякiй тутъ бывалъ, и намъ даже стало жалко той дичи и глуши, въ которой мы пробыли столько времени.

Глава X.

Вычегда, Коряжемскій монастырь, обѣдъ въ Устюгѣ, рѣчь губернатора, газетныя извѣстія объ экспедиціи Воронова, возвращеніе.

Утромъ рано 7-го іюня прошли мы Яренскъ. Вычегда намъ кажется страшно населенной, та самая Вычегда, которая въ поѣздку нашу вверхъ по ней производила на насъ впечатлѣніе дичи и глуши и, чѣмъ дальше, тѣмъ глуше и безлюднѣе; берега, кажется намъ, просто пестрятъ деревнями и селами и мы совершенно забываемъ о томъ, что деревни эти и села и вся населенность только по самому берегу, а въ глубь отъ него, за узенькой полосой земли, похожей на культурную, та же дичь и глушь, тѣ же болота и непроходимый ломъ, ничѣмъ не лучше, какъ и на Вымѣ, Вуквѣ и Ухтѣ.

Берега уже одѣлись теперь яркою, свѣжею зеленью, ровные съ громадными песчаными отмелями; по нимъ красиво раскинулись села и деревни, окруженныя какъ бархатомъ ярко зеленѣющими полосами озимей или лиловыми пятнами паровыхъ полей, между ними рощи, овраги, заросшіе лѣсочкомъ и кустарникомъ, обрывы, а то опять пойдетъ на нѣсколько верстъ дикій лѣсъ до слѣдующаго людского гнѣзда. Проѣзжая мимо лѣсовъ, во многихъ мѣстахъ видимъ сбрасываемые сверху къ самому берегу и заготовленные наверху штабели бѣлыхъ короткихъ бревенъ; это дрова для целлюлозы, вывозъ которыхъ заграницу все болѣе и болѣе увеличивается. Для этой цѣли идетъ ель и осина, которыя заготовляются очищенными отъ коры короткими бревнами 6 фут. длиною и 4 вершка въ діаметрѣ, совершенно гладкими, безъ вѣтвей и сучьевъ и продаются крестьянами на мѣстѣ по 6 руб. за кубикъ, но уже въ Архангельскѣ цѣна ихъ возвышается до 23 руб., а заграницей до 28 руб. за кубъ. Спросъ на этотъ матеріалъ заграницей все ростетъ и промыселъ заготовки этого матеріала долженъ имѣть будущность, такъ какъ лѣса, подходящаго для этой цѣли, въ Вологодской губерніи 30% общей площади лѣсовъ, а всего ихъ по губерніи 27 милліоновъ десятинъ, слѣдовательно, годнаго для целлюлоз-

наго производства лѣса въ Вологодской губерніи 8.100.000 десятинъ, т. е. 77,884 кв. версты — пространство больше, чѣмъ Греція, больше, чѣмъ двѣ Швейцаріи.

Плоты на Вычегдѣ.

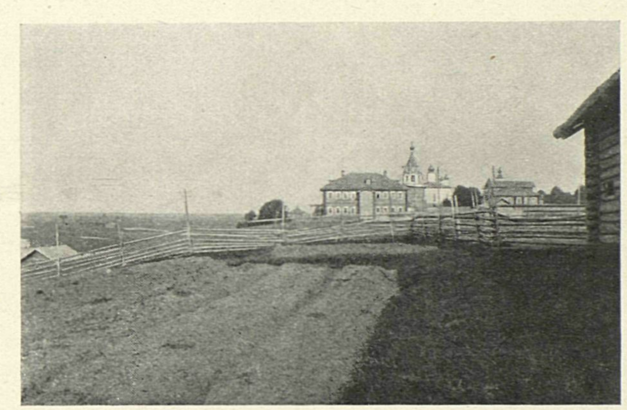
Сама рѣка покрыта во многихъ мѣстахъ песчаными островами, иногда заросшими лѣсомъ, елью, сосной и березой, иногда покрытыми сплошнымъ ивнякомъ, а иные изъ нихъ — совершенно голый, мелкій, передуваемый вѣтромъ и укладывающійся валами песокъ. По рѣкѣ тянется масса плотовъ, огромныхъ, съ избушками на нихъ, флагами, лодками и дымящимися кострами; медленно идутъ они по теченію, высылая въ опасныхъ мѣстахъ лодку, которая промѣряетъ глубину и, помахивая навязанною на палку бѣлою тряпкой, показываетъ имъ издали, куда слѣдуетъ держать, и эти неуклюжіе, пловучіе деревянные острова начинаютъ быстро помахивать своими рядами рулевыхъ веселъ и, медленно изворачиваясь, направляются по фарватеру. Жалко смотрѣть, какая колоссальная масса лѣса, какое огромное богатство уплываетъ у насъ изъ этихъ дикихъ краевъ заграницу. Въ одномъ мѣстѣ очень широкомъ, но, какъ оказалось, очень неглубокомъ, мы, разошедшись полнымъ ходомъ и никахъ не ожидая на этакой ширинѣ предательской песчаной банки, со всего-то маху наскочили на мель и плотно на ней стали; глубина оказалась всего въ 1 аршинъ и мель какъ-то такъ ловко облегла насъ кругомъ, что мы никуда выбраться не можемъ; пробуемъ и задній и передній ходъ, но результатомъ является только взбаломученная вода и ни на одинъ вер-

На р. Вычегдѣ.

Братія Коряжемскаго монастыря.

шокъ мы не подвигаемся. Пришлось спускать лодку, которая выискала въ какомъ направленіи глубина увеличивается, завезли якорь и лебедкой стали подтягивать къ нему носъ, кое-какъ стали пошевеливаться и наконецъ сползли съ мели, царапая дномъ по песку; потомъ глубина стала увеличиваться, весело застучали машины, забурлили винты и мы опять стали быстро рѣзать чуть рябящую поверхность Вычегды. Около полудня налетѣла гроза, пролила дождемъ, погремѣлъ громъ, молніи посверкали, первая гроза очистила воздухъ, а потомъ опять солнце засверкало и погнало съ голубого неба разорванные остатки грозовыхъ тучъ; деревушки, пестрыя поля, лѣса, рощи, обрывы бѣгутъ мимо, Вычегда чуть переливается подъ отвѣсными лучами солнца, даль тонетъ въ голубой дымкѣ.

Незадолго до Коряжемскаго монастыря рѣка дѣлаетъ сильный загибъ влѣво и долина ея расширяется непомѣрно, гористыя возвышенности, шедшія по ея лѣвому берегу, уходятъ далеко влѣво и видны едва уловимымъ голубымъ силуэтомъ, на лѣвомъ же берегу виденъ и монастырь съ его кедровыми рощами. Онъ только недавно возстановленъ, а до того времени былъ заштатнымъ, и находится теперь именно въ періодѣ возстановленія, въ немъ идутъ стройки и поправки. Основанъ онъ въ 1535 году преподобнымъ Логгиномъ на самомъ берегу Вычегды, которая ранѣе шла за островомъ, а теперь, когда монастырь возстановили, бросила свое старое русло и пробила себѣ новое у самаго подножія возвышенности, на которой стоитъ монастырь.



Коряжемскій монастырь.

Братіи въ монастырѣ до 60 человѣкъ. Здѣсь покоятся подъ спудомъ мощи преподобнаго Логгина и находится гробница епископа Вятскаго Александра, здѣшняго уроженца, не канонизированнаго еще, и надъ гробницей котораго служатся панихиды, а не молебны, но народная вѣра давно уже сдѣлала его святымъ, и служащій панихиду надъ его могилой ставитъ свѣчу въ подсвѣчникъ у его гробницы, какъ онъ ставитъ и Николаю Чудотворцу, и другимъ угодникамъ. Въ храмѣ интересны власяница преподобнаго Логгина, хранящаяся въ особомъ шкафу, келья, въ которой жилъ Александръ, и очень много старинныхъ иконъ и складней, принадлежавшихъ ему, хранящихся въ какомъ-то тайникѣ, куда пробираться приходится по узенькой, узенькой лѣсенкѣ,

выложенной въ массивной стѣнѣ храма. Въ монастырѣ имѣется двѣ кедровыхъ рощи и нѣсколько отдѣльныхъ кедровыхъ деревьевъ на берегу, которыя даютъ обильный урожай кедровыхъ шишекъ ежегодно.

За монастыремъ всѣ 15 верстъ до Сольвычегодска Вычегда течетъ уже все время въ низкихъ песчаныхъ берегахъ, дающихъ впечатлѣніе страшной шири и простора; проходимъ Сольвычегодскъ, только на минуту останавливаясь въ немъ, и идемъ къ Котласу. Теперь, когда уже все распустилось, впечатлѣніе этого мѣста сліянія двухъ могучихъ рѣкъ еще грандіознѣе, еще лучше, чѣмъ въ тотъ путь, ширина пейзажа ужасающая; до самаго горизонта, потонувшаго въ синей дали и едва обозначающагося чуть замѣтной черточкой между рдѣющимъ закатомъ и его отраженіемъ въ тихой водѣ, раскинулась уходящая вдаль равнина воды, съ заросшими островами съ правой стороны и съ темной полосой берега съ лѣвой, выдающагося въ Двину вдали высокимъ мысомъ, на которомъ силуэтомъ на фонѣ заката вырисовывается какая-то деревушка или село съ мерцающими огоньками.

Тихо догораетъ ясный закатъ и вода подъ нимъ какъ перламутровая переливается всѣми цвѣтами, а съ другой стороны неба ярко блеститъ луна и отраженіе ея мѣрно покачивается и искрится въ чуть зыблющейся водѣ. Огоньки на берегу, разноцвѣтные огни стоящихъ у берега пароходовъ, вечерняя тишь, нарушаемая только стукомъ нашихъ машинъ да доносящимся съ далекихъ луговъ скрипѣньемъ коростелей, и гаснущій закатъ наводятъ на душу удивительно мирное, спокойное настроеніе. Для насъ, уже примирившихся съ тѣмъ, что какъ только солнышко опускается за лѣсъ сейчасъ-же начинаетъ морозить, совершенно непривычно, что въ 12 часовъ ночи 15° тепла, и мы наслаждаемся этой первой теплой ночью и не можемъ оторваться отъ наслажденія чудно прекрасной картиной. Почти до самаго Устюга просидѣли мы на палубѣ.

Въ Устюгѣ намъ пришлось пробыть весь день 8-го іюня до вечера, такъ какъ губернаторъ уступилъ здѣсь просьбамъ мѣстнаго общества, желавшаго непремѣнно дать ему обѣдъ въ отвѣтъ на тотъ, который губернаторомъ данъ былъ всему Устюжскому обществу при проѣздѣ изъ Вологды 6-го мая. Такіе обѣды городскимъ обществамъ, вопреки обычая, по которому обыкновенно общества городовъ чествуютъ губернаторовъ обѣдами, у насъ на пароходѣ были въ каждомъ городѣ.

Въ 2 часа мы всѣ отправились въ городское общественное собраніе, гдѣ этотъ обѣдъ и состоялся. Все Устюжское общество безъ исключеній присутствовало и участвовало въ этомъ обѣдѣ; большой залъ собранія производилъ очень внушительное впечатлѣніе, когда въ немъ собралось человѣкъ 90 мѣстнаго чиновничества, купечества, городскихъ и земскихъ дѣятелей и посыпались на насъ, участниковъ экспедиціи, распросы о всемъ нашемъ путешествіи, гдѣ были, что видѣли и что нашли. Главнымъ образомъ интересовала всѣхъ нефть,

Видъ на Вычегду съ колокольни Коряжемскаго монастыря.

значеніе которой, конечно, всѣми ясно сознается и всѣми предвидится тотъ огромный подъемъ всего края, который неминуемо будетъ, если только нефть будетъ добыта тамъ, на Ухтѣ. Въ отвѣтъ на правозглашаемые за обѣдомъ тосты за будущее процвѣтаніе нашего сѣвера, губернаторъ сказалъ слѣдующее:

„Глубоко благодаренъ вамъ, господа, за сочувствіе, которое этимъ чествованіемъ вы проявили такъ единодушно къ нашей экспедиціи, къ нашему стремленію освѣтить далекій неизвѣстный край, полный сказочныхъ богатствъ.

Въ переживаемое Россіей смутное время двѣ задачи являются у власти — одной рукой приходится сдерживать натискъ революціи, бороться съ ней, другой рукой надо открывать новые пути къ приливу народнаго богатства, надо создавать условія для будущаго широкаго размаха нашей обновленной волею Государя родины.

Еще до назначенія въ Вологодскую губернію, я слыхалъ объ Ухтинской нефти и о томъ противодѣйствіи появленію ея на русскій и иностранные рынки, которое устраивается лицами, заинтересованными въ монополіи Бакинской нефтяной промышленности.

Вступивъ въ управленіе губерніею лѣтомъ 1906 года, несмотря на то, что вниманіе общества и власти отвлечено было въ сторону борьбы политической, мнѣ отъ дѣятелей разныхъ партій постоянно приходилось слышать разсказы о сѣверной нефти; особенно настойчиво твердилъ о богатствахъ сѣвера многоуважаемый И. М. Шемигоновъ, другіе мои спутники по экспедиціи не отставали отъ него и вотъ въ маѣ этого года, какъ только позволили обстоятельства, мы, одушевленные одной идеей, двинулись въ далекій путь. Мы рѣшили добраться до сказочной Ухты, а для того, чтобы узнать насколько пригодны 27½ милліоновъ Вологодскихъ казенныхъ земель для переселенія—посѣтить самую худшую, по условіямъ жизни, мѣстность губерніи—лежащее непосредственно подъ нефтянымъ раіономъ Небдинское лѣсничество на рѣкѣ Вишерѣ.

Вѣдь возможность расцвѣта нефтяной промышленности на Ухтѣ несомнѣнно тѣсно связана съ заселеніемъ казенныхъ земель Вологодской губерніи. Для нефтяной промышленности необходимо громадное количество мѣстныхъ рабочихъ рукъ, а для цѣлесообразности заселенія необъятныхъ пространствъ губерніи необходимъ мѣстный сбытъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ мѣстные промышленные раіоны.

Вдумайтесь, какую громадную пользу Россіи могли бы принести и притокъ на рынки дешевой сѣверной нефти и отливъ цѣлаго милліона голодающаго малоземельнаго крестьянства для заселенія пустынной губерніи.

Кончилось бы властвованіе надъ промышленностью Нобеля и Ротшильда, кончилась бы легкая возможность для революціонныхъ

комитетовъ давить на промышленность устройствомъ забастовокъ въ Баку. Вмѣсто того, чтобы тратить послѣднія деньги на прокормленіе того самаго милліона голодающихъ, которые жаждутъ переселенія, государство, поселивъ этихъ голодающихъ на половину хотя бы казенныхъ земель Вологодской губерніи (13½ милліоновъ десятинъ), получило бы милліонъ плательщиковъ прямыхъ, а главное косвенныхъ налоговъ.

Если взять годовой бюджетъ средней, состоящей изъ 4 душъ, крестьянской семьи, обезпеченной землей, то онъ будетъ равняться 300 руб., изъ коихъ по всѣмъ статистическимъ выкладкамъ отъ 130 до 140 руб. уплачивается государству въ качествѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ.

Отдавая крестьянской семьѣ 30 десятинъ земли, казна теряетъ въ Вологодской губерніи около 1½ руб., такъ какъ средняя доходность казенныхъ земель и лѣсовъ губерніи не превышаетъ въ годъ 5—6 коп. съ десятины, а будетъ получать съ переселенческой семьи болѣе 100 руб. въ годъ.

Отъ Вологды мы тронулись въ путь по рѣкѣ того же наименованія, впадающей въ вашу Сухону, а оттуда Двиной и Вычегдой до Устькулома и чѣмъ дальше, тѣмъ шире становились рѣки, тѣмъ неизвѣданнѣе оказывался необъятный край.

Спустившись обратно до Вишеры, мы прошли на пароходѣ около 100 верстъ по этой рѣкѣ, незначащейся въ числѣ судоходныхъ, а потомъ продолжали путь на лодкахъ.

Всюду дикій клеверъ на рѣчныхъ долинахъ, всюду, гдѣ мы были, рѣчныя долины вполнѣ пригодны для сельскаго хозяйства. Очевидно стало, что заселеніе по долинамъ рѣкъ возможно, возможна, значитъ, связь между нефтянымъ раіономъ черезъ Небдинское лѣсничество съ южной частью Устьсысольскаго уѣзда, признанной уже учеными изслѣдователями и даже спептикомъ переселенческаго дѣла А. А. Кауфманомъ *) пригодной для заселенія, съ рѣкой Вычегдой и съ остальнымъ міромъ.

Спустившись назадъ по Вишерѣ и по Вычегдѣ до впаденія въ нее рѣки Выма, мы снова около 135 верстъ поднялись на пароходѣ по неизвѣданной, нечислящейся въ числѣ судоходныхъ, громадной рѣкѣ, а затѣмъ 216 верстъ отъ пороговъ на лодкахъ продолжали путь по Выму и Шомвуквѣ до переволока.

Отъ переволока на тѣхъ же лодкахъ мы отправились по самой Ухтѣ и въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ уже стали встрѣчать плывущую по рѣкѣ нефть, пузырьки нефтяного газа, вспыхивающіе при приближеніи спички, и естественные выходы нефти изъ береговъ. Опре-

---

*) А. А. Кауфманъ. Матеріалы и соображенія по вопросу о колонизаціи свободныхъ земель сѣверо-восточныхъ губерній. Спб. 1902 г.

дѣлить, имѣется ли на Ухтѣ количество нефти, представляющее интересъ для промышленности страны, могло бы только глубокое буреніе, связанное съ научными изслѣдованіями мѣста, но наша цѣль—выяснить, правда-ли, что на Ухтѣ имѣются внѣшніе признаки скрытыхъ въ нѣдрахъ нефтяныхъ богатствъ,—была рѣшена.

Мы можемъ теперь громко говорить о необходимости приступить къ научному изслѣдованію серьезности этихъ богатствъ, къ выясненію, богатъ ли нашъ Сѣверъ или видимые наружные признаки этого богатства обманчивы и не стоютъ того, чтобы мысль отвлекалась ими отъ производительной работы гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Мы поняли, что оставить раіонъ Ухтинской нефти безъ всесторонняго изслѣдованія недопустимо съ точки зрѣнія государственнаго разума, также какъ оставить безъ промѣра необъятныя сѣверныя рѣки, безъ изученія безпризорные лѣса и горныя богатства сѣвернаго Урала.

Вокругъ рѣкъ тѣ же луга и долины, покрытыя дикимъ клеверомъ, указывающія на возможность клевернаго хозяйства и связаннаго съ нимъ скотоводства, тѣ же свѣдѣнія, что и на Вишерѣ, объ отличныхъ урожаяхъ на подсѣкахъ, объ урожаяхъ при хорошемъ удобреніи, та же возможность осушенія болотистыхъ пространствъ и обращенія ихъ въ луга, устройства целлюлозныхъ заводовъ, для которыхъ такъ пригоденъ растущій на болотистыхъ мѣстахъ лѣсъ, тѣ же необъятные лѣса во главѣ съ однимъ лѣсничимъ на милліонъ десятинъ, приблизительно при восьми или десяти лѣсникахъ.

Яркимъ доказательствомъ пригодности земли къ сельскому хозяйству можетъ служить заброшенный въ лѣсахъ около Вима женскій Крестовоздвиженскій монастырь: принадлежащій ему лѣсъ среди покрытыхъ мохомъ лѣсовъ представляетъ изъ себя зеленый коверъ травъ и ягодъ, усѣянъ грибами—послѣ того, какъ монахини сняли покровъ мха; долины небольшой рѣчки освобождены отъ лѣса, пни на нихъ выкорчеваны и долины представляютъ изъ себя заливные луга, поросшіе клеверомъ; пахотныя поля, отлично унавоженныя, даютъ хорошій урожай ржи, овса и картофеля; вотъ что значитъ приложить къ землѣ трудъ разумный и послѣдовательный. Крестовоздвиженскій монастырь можетъ служить прекрасной опытной станціей и если бы министерство земледѣлія занялось устройствомъ такихъ же показательныхъ фермъ, хотя бы по одной на милліонъ десятинъ казенной земли, послѣдняя не оставалась бы бездоходной и лѣсной пустыней.

Земля наша велика и обильна—издавна слышится въ нашей странѣ, но страшно становится, когда столкнешься съ хозяйничаніемъ надъ этимъ обиліемъ.

На 27½ милліоновъ казенной земли Вологодской губерніи для „опытной культуры" отпускается въ годъ 50 рублей, т. е. менѣе 2 рублей на милліонъ десятинъ земли. Въ завѣдываніи Печорскаго лѣсничаго и его десятка лѣсниковъ, принужденныхъ передвигаться зимой на лыжахъ

а лѣтомъ на лодкахъ, пихаемыхъ шестами, находится около 5 милліоновъ казенной земли.

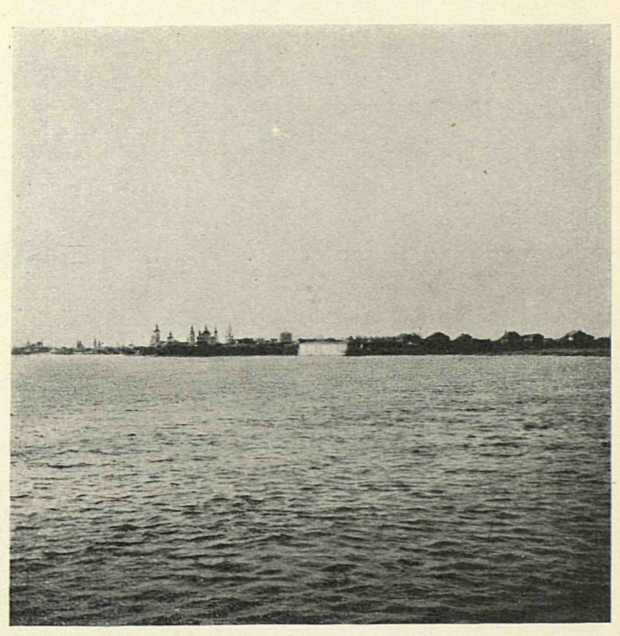
Много надо сдѣлать для нашего Сѣвера, чтобы пробудить его отъ вѣкового сна, необходимо изучить и описать громадныя лѣсныя пространства, истребляемыя пожарами, гніеніемъ; надо изучить прорѣзающія ихъ рѣки, соединить каналами систему Двины и Печоры, запертой льдами отъ всякаго сбыта болѣе 10 мѣсяцевъ въ году, чтобы, пропадающій даромъ почти въ Печорскомъ бассейнѣ, лѣсъ получилъ выходъ черезъ Печору, притокъ ея Сѣверную Мылву, Иктыль, впадающій въ притокъ Вычегды Южную Мылву, Вычегду и Двину къ Архангельску. Вѣдь для этого надо перекопать только $4^1/_2$ версты переволока между сѣверной и южной Мылвами. Надо покрыть этотъ край сѣтью опытныхъ сельскохозяйственныхъ станцій, целлюлозныхъ и другихъ заводовъ, извлекающихъ изъ дерева разныя цѣнности, надо использовать силу рѣчныхъ пороговъ тамъ, гдѣ они не мѣшаютъ судоходству—и все это будетъ, если нефтяныя богатства, раскинутыя на 400 тысячахъ десятинъ, съ рѣкою Ухтою въ центрѣ, обратятъ на себя вниманіе правительства и общества и будетъ проложена къ Ухтѣ дорога, доступная предпринимателямъ. Дорога эта должна пойти отъ центра нефтяныхъ мѣсторожденій до рѣки Вычегды длиною около 200 верстъ и стоимостью въ среднемъ около 200 тысячъ. По этой колесной дорогѣ можно будетъ провезти машины для буренія и доставлять припасы рабочимъ. Машины сдѣлаютъ свое дѣло и какъ только выяснится торговое количество нефти, сами собою организуются компаніи для постройки нефтепровода, желѣзной дороги или приспособленъ будетъ указанный выше водный путь для нефти съ присоединеніемъ къ нему Ухты и Ижмы. Неподалеку отъ нефтяныхъ мѣсторожденій находятся залежи сѣрнаго колчедана, необходимаго для выдѣлки сѣрной кислоты, очищающей нефть. Цѣлый рядъ заводовъ для продуктовъ изъ нефти выростетъ одинъ за другимъ, а спокойное Сибентьевское озеро около Яренска будетъ служить зимовкою для громаднаго каравана керосиновыхъ и нефтяныхъ баржей.

Вотъ что рисуется въ моемъ воображеніи, если внѣшніе признаки нефти соотвѣтствуютъ подземнымъ озерамъ ея, и для опредѣленія, богатъ-ли край, нужно только нѣсколько сотъ тысячъ на первоначальную грунтовую дорогу и буреніе.

Господа, неужели вы, граждане стариннаго Великаго Устюга, еще въ средніе вѣка установившаго торговлю съ Европой, не откликнитесь, не придете на помощь оживленію Русскаго Сѣвера.

Революціонныя бури много воды выдули изъ многоводной когда-то рѣки,—народнаго богатства,—и нашъ государственный корабль скоро можетъ сѣсть на мель. Уже раздаются голоса, что надо разгрузить его—разстаться съ добытыми міровой исторіей цѣнностями въ области культуры и права, напр., правомъ собственности, съ цѣнностями

русскаго духа, русскихъ вѣрованій. Другіе говорятъ даже, что надо совсѣмъ бросить его и пересѣсть на мелкія лодочки подъ флагами кавказскихъ, польскихъ и прочихъ инородческихъ автономій. Для того, чтобы отстоять намъ государственный корабль, для того, чтобы при помощи представительнаго законостроительства двинуть его впередъ, подъ завѣтнымъ національнымъ знаменемъ Православія, Самодержавія и народности, нуженъ приливъ новыхъ цѣнностей въ рѣку народнаго богатства и Сѣверъ дастъ эти цѣнности, если къ нему приложатъ руки всѣ тѣ, кому свято и дорого это наше русское самобытное національное знамя".



Устюгъ.

По окончаніи обѣда, напутствуемые благими пожеланіями и провожаемые радушными хозяевами, мы прямо поѣхали на пароходъ и тотчасъ-же отправились далѣе. Устюгъ теперь со своею жизнью на рѣкѣ, пароходами, лодками, нагрузкой и выгрузкой баржей, своими сверкающими куполами и крестами множества церквей, производитъ на насъ, вернувшихся изъ края тишины, пустынности и безлюдья, впечатлѣніе страшной оживленности и мы не можемъ оторваться отъ созерцанія уходящаго отъ насъ все дальше и дальше, становящагося все меньше и меньше, этого прекраснаго города, потонувшаго, наконецъ, въ вечернемъ сумракѣ; вотъ еще блеснулъ искоркой крестъ на какой-то колокольнѣ и Устюгъ пропалъ изъ нашихъ глазъ.

Изъ Устюга мы захватили съ собою газеты и тутъ впервые прочли извѣстіе объ экспедиціи Воронова, отправляющейся на Ухту добывать нефть. Невольно у насъ зародилось сомнѣніе, не является-ли она опять чѣмъ-нибудь въ родѣ компаніи Канкрина или одной изъ разновидностей такихъ же препятствій, какія ставились въ старое время Сидорову, не стоитъ ли она въ какой-нибудь связи съ бакинскими нефтяными королями, для которыхъ, конечно, выпускъ ухтинской нефти на рынокъ грозитъ страшной катастрофой. Невѣроятнымъ и необъяснимымъ показалось намъ соглашеніе министерства съ Вороновымъ.

Сухона.

Сухона между Устюгомъ и Тотьмой все время течетъ между высокихъ береговъ; горы все время идутъ то по одному, то по другому берегу, то почти отвѣсною стѣной, ровной и гладкой, со слоями разноцвѣтныхъ пластовъ поднимаются онѣ отъ самой воды, кое-гдѣ размытыя и съ обвалами, покрытыя сверху лѣсомъ, то идутъ круглыми холмами съ увалами между ними, съ деревушками и селами, окруженными бархатомъ зеленей, то отдѣльныя горы, какъ шапкой покрытыя лѣсомъ, пологимъ скатомъ спускающіяся къ рѣкѣ, то сразу обрываются онѣ отвѣсными стѣнами въ рѣку; лѣсъ и кусты ползутъ по ихъ промоинамъ внизъ, доползая въ иныхъ мѣстахъ до самой воды, въ иныхъ мѣстахъ такой густой массой, что только кое-гдѣ на фонѣ ихъ темной зелени видны то бѣлыя, то красныя свѣтлыя плѣшины обрывовъ.

Опоки мы проходимъ ночью при неугасающей зарѣ, безоблачномъ блѣдномъ небѣ и совершенно спокойной водѣ; вѣтеръ ощущается только отъ движенія парохода, разсѣкающаго зеркальную поверхность Сухоны; длиныя струи бѣгутъ за пароходомъ и на нѣсколько времени взволнуютъ рѣку, а впереди она идетъ такая величавая, такая спокойная.

Сухона.

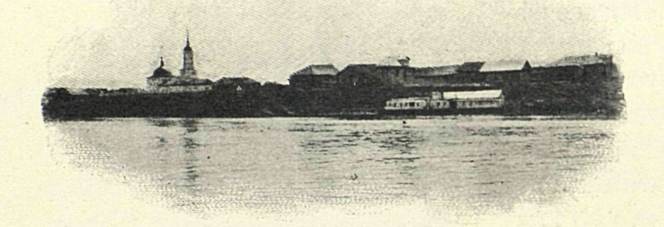
Тотьму проходимъ также ночью, проѣхавъ цѣлый день среди начи-

нающей извиваться въ высокихъ еще берегахъ Сухоны, такъ что съ каждымъ поворотомъ открываются все новыя и новыя панорамы; все еще шли горы съ лѣсами и обрывами, но къ Тотьмѣ берега начинаютъ замѣтно понижаться, а за нею идутъ обыкновенные берега вплоть до тѣхъ мѣстъ, гдѣ уже они начинаютъ быть совершенно низкими и остаются такими вплоть до Вологды.

Къ мѣсту слiянiя Сухоны и Вологды мы подходимъ уже ночью, теплою, тихою, съ пылающей на сѣверѣ зарей; съ безконечныхъ луговъ доносится до насъ скрипъ безчисленныхъ коростелей, въ прибрежныхъ кустахъ заливаются соловьи, блѣдная луна не свѣтитъ, а только низко сiяетъ на тяжелой синей противоположной зорѣ сторонѣ неба и отраженiе ея дробится, искрится и переливается въ волнующемся слѣдѣ нашего парохода. Издали доносится ревъ идущаго намъ навстрѣчу парохода, а потомъ изъ-за заворота извивающейся рѣки выдвигается его бѣлая громада, сверкающая огнями, съ публикой на балконѣ, тоже наслаждающейся чудной ночью среди безконечныхъ луговъ; оттуда кто-то кричитъ намъ какое-то привѣтствiе; разошлись, изчезъ онъ за поворотомъ, но долго еще видѣнъ плывущiй по лугамъ огонекъ на его мачтѣ и слышно все тише и тише шлепанье его колесъ. На самомъ разсвѣтѣ замелькали мимо насъ знакомые дома Вологды, церкви, потянулись безконечные плоты у береговъ, все тихо, пустынно, ни души нигдѣ, глухая ночь. Пароходъ подошелъ къ пристани и будни жизни начались, будни, въ которыхъ намъ путеводнымъ огонькомъ будетъ свѣтить надежда выполнить вторую, дальнѣйшую и неразрывно съ первой связанную часть изслѣдованiя полнаго богатствъ сѣверо-востока губернiи. Весь Печорскiй край, весь Вологодскiй Уралъ забыты пока совершенно и всѣ ихъ богатства лежатъ безъ всякаго движенiя; дать имъ толчокъ, пустить въ ходъ промышленность въ томъ краю, дать выходъ всѣмъ этимъ богатствамъ въ общую массу богатствъ Россiи—какая соблазнительная мысль, стоющая чтобы поработать надъ ней, положить свои силы на это дѣло. И все это возможно; невольно уже зарождались у насъ мысли о необходимости изслѣдовать въ будущемъ году и выяснить возможность соединенiя Вычегды съ Печорой, черезъ притокъ первой

Сухона.

Южную Мылву съ Иктылемъ и притокъ второй Сѣверную Мылву; рѣки эти допускаютъ вполнѣ судоходство по нимъ, а раздѣлены онѣ волокомъ всего въ $4^1/_2$ версты; а затѣмъ изъ Печоры и Илычемъ и Щугоромъ Ухтинская нефть легко могла бы быть подана на самый Уралъ и преобразился бы онъ, застучали бы тамъ машины, свистки выросшихъ заводовъ стали бы будить вѣковую тишину таинственныхъ его лѣсовъ, и серебро, и мѣдь, и другіе металлы широкою рѣкою потекли бы оттуда на рынокъ съ пустующихъ нынѣ изъ-за отсутствія путей сообщенія съ центромъ рудниковъ. Все это есть тамъ, только скрыто это все и нелегко вызвать его на свѣтъ Божій. Попробуемъ.



С. Устье-Толшемское на р. Сухонѣ.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЙ РАЗРѢЗЪ

мѣстности по рѣкѣ Ухтѣ.

Р. Тобысь.

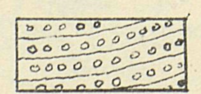
Р. Ярега.

Р. Чуть.

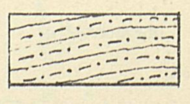
Р. Ижма.

A

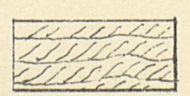
B



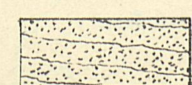
Красноцвѣтная Пермская толща.



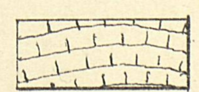
Каменноугольные известняки.



Доманиковый горизонтъ.



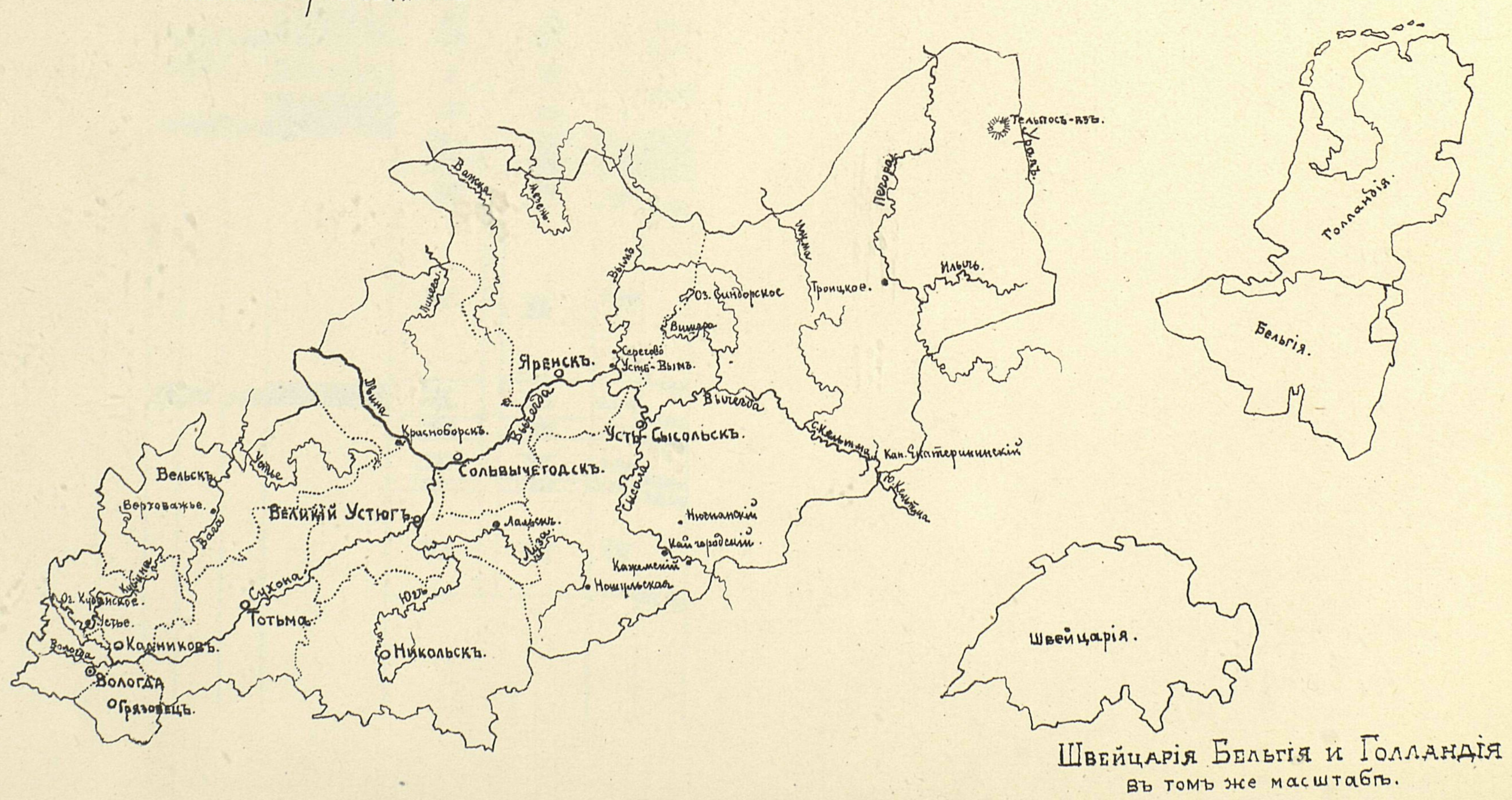
Песчано-мергелистый горизонтъ.



Горизонтъ со Spirifer Anossofi (Средній Девонъ.)

ВОЛОГОДСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Масштабъ 175 в. въ дюймѣ.



РАЗРѢЗЪ

БУРОВОЙ СКВАЖИНЫ ГАНСБЕРГА.

Газо и нефтеносные пласты: Газъ · Нефть

№№ пластовъ.	На глубинѣ отъ поверхности.	Мощность пласта въ футахъ.
1.	57'7"	3,833
2.	63'11"	3,333
3.	97'3"	4,75
4.	114'	2.166
5.	138'2"	3.008
6.	142'2"	2
7.	146'1"	2.583
8.	151'5"	36,583
9.	211'2"	0,666
10.	213'4"	0,75
11.	228'2"	2.333
12.	235'8"	1.75

Послѣдовательное залеганіе породъ.	Мощность слоевъ въ футахъ.	Глубина отъ поверхности въ футахъ.
I		
II	2,5	2,666
III	3,333	5,999
IV	1,5	7,499
V	13,501	21
VI	19,5	40,5
VII	0,5	41
VI	2,250	43,25
VIII	1,166	44,416
IX	2,833	47,25
X	5,166	52,416
VIII	1,166	53,582
IX	1,5	55,082
X	1,083	56,166
VII	5,25	61,416
IX	5,833	67,249
X	17,25	84,499
XI	8,166	92,66
IX	2	94,66
XI	9,416	104,081
VII	2,583	106,664
XI	9,5	116,164
X	5,666	121,830
IX	10,333	132,666
X	8,583	141,25
IX	24,416	162,666
X	16,084	178,75
IX	7,333	186,083
X	1,916	188
VII	9,333	197,333
IX	3,416	200,75
VII	1,166	201,916
IX	9,916	211,832
VII	11,333	223,165
XII	7,333	230,5
X	2,5	233
XII	4,5	237,5

Обозначеніе породъ.

I	Растительная почва.
II	Сухой кварцевый песокъ.
III	Кварцевый песокъ съ окисью желѣза.
IV	Песокъ съ гравіемъ.
V	Плывунъ.
VI	Красный мергель.
VII	Сѣрый крѣпкій песчаникъ.
VIII	Сѣрый известнякъ.
IX	Сѣрый мергель.
X	Синій мергель.
XI	Бурый плотный мергель.
XII	Аспидный сланецъ съ прослойками песчаника.
XIII	Аспидный сланецъ съ прослойками кварца.
XIV	Бѣлый кварцъ.

КАРТА
ПУТЕЙ ЭКСПЕДИЦІИ.
Условныя обозначенія.
Губернская граница.
Уѣздная граница.
Рѣки.
Дороги.
Тропы.
Болото.
Городъ.
Село.
Деревня.
Архангельская губернія
Яренскій уѣздъ
Устьсысольскій уѣздъ
Яренскъ.
Усть-Сысольскъ.
Вильгортъ.
Усть-Ухта.
Р. Ухта.
Р. Ижма.
Р. Вычегда.
Р. Печора.
Троицко-Печорское.
Весляны.
Синдорская.
Синдорское.
Богородское.
Нившерское.
Помоздино.
Пожегъ.
Мыльдино.
Усть-Немъ.
Усть-Куломъ.
Ульяновскій монастырь.
Кылтовскій монастырь.
Серегово.
Усть-Вымь.
Р. Вымь.
Княжпогостъ.
Р. Немъ.

2007080076